

П. МАНТЕЙФФЕЛЬ

*

Досуг
при свете
лучины

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

P. MANTEUFFEL

Ajawide
Peeru
Walgusel

П. МАНТЕЙФФЕЛЬ

Досуг
при свете
лучины

ПЕРЕВОД С ЭСТОНСКОГО
И. ЛЕВИНА

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
И КОММЕНТАРИИ
А. АННИСТА и И ЛЕВИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА · ЛЕНИНГРАД

1 9 6 4

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»:

Академики: *Н. И. КОНРАД* (председатель),
М. П. АЛЕКСЕЕВ, *В. В. ВИНОГРАДОВ*, *С. Д. СКАЗКИН*, *М. Н. ТИХОМИРОВ*,
члены-корреспонденты АН СССР: *И. И. АНИСИМОВ*, *Д. Д. БЛАГОЙ*,
В. М. ЖИРМУНСКИЙ, *Д. С. ЛИХАЧЕВ*, *А. М. САМСОНОВ*,
член-корреспондент АН Таджикской ССР *И. С. БРАГИНСКИЙ*,
доктора филологических наук: *А. А. ЕЛИСТРАТОВА*, *Ю. Г. ОКСМАН*,
доктор исторических наук *С. Л. УТЧЕНКО*,
кандидат филологических наук *Н. И. БАЛАШОВ*,
кандидат исторических наук *Д. В. ОЗНОБИШИН* (ученый секретарь).

Ответственный редактор
член-корр. АН СССР *ХАНС КРУУС*

Портрет Петра Мантейфеля
[Масло. Работа неизвестного художника. Оригинал затерян]

ПРЕДИСЛОВИЕ

Издание забытых литературных памятников, особенно народных книг, их перевод и комментирование — одна из самых благородных, признанных задач современной филологии. Эстонская народная книга, сочинение П. Мантейфеля «Досуг при свете лучины» (1838) выходит в свет впервые в переводе. Памятник заслуживает внимания филологов, фольклористов, преподавателей литературы и истории народов СССР, но представит интерес вообще всем любителям словесности, как первое значительное художественное произведение на эстонском языке.

Повесть рисует жизнь эстонских крестьян первой трети прошлого века, она написана ярко, «трогательно», но с живым чувством юмора, она и в переводе читается легко. Переводчик стремился передать с предельной точностью дух и букву подлинника. Перевод сделан по третьему, критическому изданию, вышедшему в свет к столетию книги в 1938 году (P. M a n t e u f f e l. A j a w i i d e P e e r u W a l g u s e l. R e d i g e e r i n u d j a j a r e l s ' n a k i r j u t a n u d A u g. A n n i s t. K o l m a s t r ü k k. T a r t u, 1939. Пагинация оригинала отмечена на полях перевода).

Научно-популярная статья в обширном приложении развертывает перед русским читателем малоизвестную историю эстонской письменности, ставит и, елико возможно, решает ряд актуальных вопросов литературоведения, представляющих не только фактический, но и методологический интерес. Народоведческий комментарий имеет отчасти самостоятельное значение. В нем, в виде пояснений к тексту, изложены результаты специальных исследований по истории культуры Прибалтики, по географии народных обычаев и по сравнительной фольклористике. Примечания, отражающие также и современный уровень науки по разнообразным, окончательно не решенным проблемам, снабжены новейшей, ключевой библиографией (для удобства читателей, по возможности не на эстонском языке). Эти справки, рассчитанные на широкий круг любителей, должны служить дальнейшему углубленному изучению затронутых явлений, в международном географо-историческом плане (ссылки на комментарии даны надстрочными цифрами пегитом в тексте).

Выбор литературного памятника для настоящей серии был определен многими соображениями. Самые значительные творения эстонской

классики, а также современной советской литературы уже доступны в переводах. Предлагаемая почти забытая народная книга привлекает своей неподдельной человечностью, этнографической достоверностью и красочностью, озаряя сцены угасшей старины. В соответствии с этим подобраны и иллюстрации.

Шесть из восьми предлагаемых репродукций сделаны по серии видов, изданной Г. Фр. Шлатером (1804—1870), известным прибалтийским художником, совместно с графиком Т. Гельхааром (1805—1871) под названием: G. Fr. Schlater/Th. Gehlhaar. Charakteristische Scenen aus dem Bauernleben in Ehst- und Livland, 1840.

Шлатер, основатель первой литографии в Тарту (1837), любовно отразил средствами реалистического графического искусства ряд характерных сцен из крестьянской жизни Эстляндии и Лифляндии, описанных примерно в одно время и в том же стиле П. Мантейфелем в предлагаемой книге. По нашему замыслу, иллюстрации должны восполнить, обогатить повесть ценными штрихами народного быта, едва намеченными, но безусловно замеченными П. Мантейфелем.

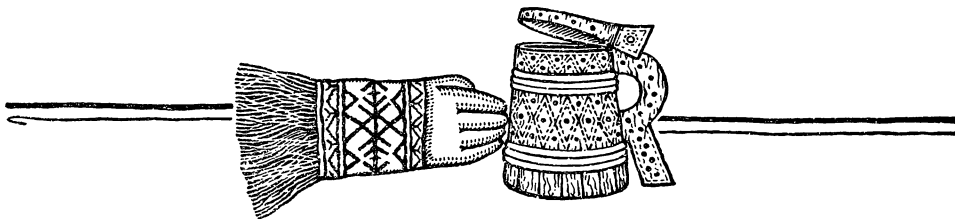
Кстати, эти литографии пользовались некогда популярностью, способствуя распространению определенных, разумеется, в духе времени романтических представлений о народной жизни Эстонии. Как таковые они могут ныне по праву рассматриваться как памятник культуры, что безусловно повышает документальную ценность настоящего издания.

Наконец, инициаторы этого выпуска выражают свою признательность редакционной коллегии настоящей серии, сотрудникам издательства и всем причастным лицам за всестороннее содействие, благодаря которому памятник эстонской письменности «Досуг при свете лучины» становится ныне достоянием большого света.

Ленинград—Тарту
Летом 1964 г.

*Аугуст Аннист
Исидор Левин*

ДОСУГ¹ ПРИ СВЕТЕ ЛУЧИНЫ

Юри Тарвель служил батраком² у одного старого, умудренного жизнью хозяина. От него получал он в доброй беседе наставления. 5 Юри же был достаточно смышлен, чтобы хранить их в своей памяти. Жил он с хозяином, как родной сын с отцом. Они берегли эту любовь, и каждый смотрел, как бы не нарушить ее, ибо в любви растет и радость жизни. Берг Юри добро хозяйского дома пуще своего. Однажды стали потешаться над ним барщинники за то, что он до последней соломинки собрал 6 все, что конь на сей раз есть не стал. И он сунул ему хлеба кусок из кошеля своего. «Разве на этом конь раздобреет? — говорили барщинники смеясь. — Нищий он, что ли?». — «Нет у вас коня лучше, — ответил Тарвель. — Покамест вы на пашне возитесь, урок свой отрабатывая, я уже дома буду, хоть солнце еще высоко, урок мой честно сделан, ни единой борозды не пропустил».

Один батрак, Ханс Таакель его звали, тут и заговорил: «Раз ты уж так усердно собираешь хозяйские соломинки, да его добро бережешь, не помогаешь ли ты, чего доброго, и хозяйской дворняжке лаять по ночам, чтобы вора не допустить?».

Юри Тарвель ответил: «От доброго пса я хороший пример и взял. Уж если сердце подсказывает собаке, что хозяйское добро беречь надо, хотя собака за это получает не больше корки хлеба, то тем более у человека не смеет сердце быть хуже, чем у пса. Хозяин мне добро делает, мне и подобает добром платить. Видишь, меня добру пес научил. А твой кто был учитель? Не волк ли хищный? Слушай, амбар Ханса Эску да клеть 7 Юри Вайну не тобой ли разграблены? Быть может, за тобой еще больше таких дел».

Один барщинник, завязав свой кошель с харчами, погрозил Таакелю кулаком и сказал: «Сундук Валле Ладре тоже тобой взломан; ничего

ты не оставил бедняге». Таакель не возразил, но пригрозил отомстить Тарвелю за обиду в корчме.³ Ему возразили: «Не встретишь ты его там, не ходит он по корчмам, да и зачем было тебе его дразнить? Оставь его в покое, коль в тебе разум есть, и он не тронет тебя, хотя и сумел бы как должно встретить». Когда все поели, а кони положенное время отдохнули, стали пахать.

Юри Тарвель, закончив свою долю,² направился домой. Солнце стояло высоко. Войдя в кухню,⁴ он заметил, что хозяйка собирается замешивать тесто; взяв ведро в руки, сходил к колодцу, принес воды и поставил котел на огонь. Затем пошел в гумно присмотреть себе коня. Повел коня в поле, чтобы вспахать свою полосу, которую хозяин дал ему в пользование. С позволения хозяина взял он коня. Запряг он его в соху, хлопнул ладонью по крупу и стал приговаривать:⁵ «Терпи, буренький, даст бог урожай, воздам я тебе за труд».

Солнце зашло, Юри закончил работу и вернулся домой. Девка уж давно возвратилась.² Собралась семья, стала хозяйка на стол собирать.

Хозяин (Ханс Аккер). Где наш Март?

Хозяйка (Лийзу Аккер). Должен был пойти к стаду посмотреть и пригнать жеребенка домой. Не понимаю, почему его еще нет, ведь уж темно; наверное он, бедняжка, усердно жеребенка разыскивает, раз до ночи застрял.

Хозяин. Ведь не сова он, что днем слеп, а ночью видит и найдет. Не вышел ли парень на широкую дорогу?⁶ По какому пути пошел, к такому концу и дойдет. Слушай, жена любимая, если мальчик отобьется от рук, на твою душу грех падет.⁷ Помнила бы ты лучше слово наших отцов: «Чем любимей дитя, тем горше пусть будут розги». Раз доброе предупреждение не помогло, надобно тебе было надавать ему тумачков, покуда ума-разума не наберется, как мужчина. Уж не раз он огорчал нас, да бывала из-за него и между нами рознь.

Хозяйка. Не ворчи, старик! Глуп он еще, вот что!

Хозяин. Он и в самом деле глуп, раз дорогу домой не нашел. Другие парни, ровесники его, пашут и делают все, что ни прикажут. Конфирмированный мужчина,⁸ чего и говорить! Нечего нам ждать его! Начнем есть!⁹

За столом Юри Тарвель рассказал хозяину о ссоре, что была у него с Хансом Таакелем нынче.

Хозяин. Что о выжиге и говорить! Он на все руки мастер! Говорят, он к пожиткам прохожих руку прикладывает. Нет у него недостатка в деньгах, сам пьет и других угощает. Этот человек не кончит добром.

Хозяйка. Когда тебя дома нет, заходит он к нашему Марту и берет его с собой.

Хозяин. Не пускай Марта с ним! Встретил бы я его здесь, задал бы я ему жару! Хуже лютой заразы этот человек: где такой водится, зло приходит следом.

Хозяйка. Пойду погляжу, где наш Март запропастился.

Хозяин. Где ты станешь его искать? Не съели же его волки! Вернется он, когда спать будем. Рано пока спать;¹⁰ возьмите самопрялки в руки, а я буду щепать лучину.⁴

Хозяйка и девка сели за прялки. Девушка спросила, не хотят ли хозяин и хозяйка послушать песню,¹¹ которой научилась на мызе от тамошней служанки, что на кухне?

Хозяин. Пой, Леену!

Леену спела:

11
 Меня прялка утомила,
 В мыслях парень молодой.
 Колесо б я не крутила,
 Если б был он тут, со мной.

Сон видала на рассвете, —
 Волк задрал у нас свинью.
 Верю старой я примете —
 Свадьбу стану ждать свою.

Слышу пес наш звонко лает,
 Будто начал кнут свистать.
 Сердце сладко замирает,
 Буду стол готовить.

Звон бубенчиков слышнее.
 Мать, неси воды скорей!
 Надо мыть лицо и руки —
 Видишь, дегтя я черней...

Это шутка черта была —
 То к соседям, а не к нам.
 Слышишь, ржет у них кобыла?
 Лийзу высватали там. '

Свадьбу скоро отыграют,
 Глядь, у Лийзу уж сынок.
 Это счастье, эту радость
 Бог и мне послать бы мог.

Хозяин. Вот так чудо, откуда песенник узнал про женские сны? ¹²
 Все это враки, не урочит сновиденье о женихе.

Хозяйка. Почему это враки? Помнится мне, прежде чем невестой стала, видала во сне:¹² хожу я за стадом, ем себе под деревом ягоды,

вдруг приходит огромный медведь. Я-то испугалась, хочу на дерево влезть, да не тут-то было, никак не могу. Тут я и в обморок падаю! Медведь подходит и лапой платок с плеч — цап! Когда я про сон свой рассказала, мне говорили: «К тебе богатый жених идет». И пришел ты. Волк во сне хуже медведя, а лиса и вовсе дрянь.

Хозяин. Леену, видела ли ты такого зверя во сне?

Леену. Давеча видела, будто лиса утащила мою курицу.

Хозяин. Зачем тебе, к бесу, лиса?

Леену. Из лисы и волк получиться может.

Хозяин. Нарочно делаешь ты из лисицы волка, чтоб к тебе получше жених пришел. Нет, не бывает чудес.

13 Леену. Говорят, человек может волком обернуться.¹³ Разве это не чудней?

Хозяин. Это уже и подавно самая последняя ложь.

Тарвель, который этот разговор все время слушал, спросил у Леену: «Не одинаковой ли масти шерсть той лисы и волосы Таакеля? Видать, он твою курочку и приберет к рукам».

Леену. Молчи, тебе-то что!

Хозяин. Поставьте прялки на место и ляжем спать!

Ночь прошла, и пропел петух зарю, хозяин первый встал, вздул огонь в очаге. Март, развалившись прямо на полу, спал.

Хозяин. Вот твой молочный теленок! Эй, Март, вставай!

Хозяйка. Дай ему поспать, утомился он от вчерашних поисков, устал, быть может; что ты бедному дитяте докучаешь, не знаю, когда он в последний раз ел-то.

Хозяин. Раз не ел, сам виноват. Слышишь, Март, вставай!

Март (сквозь сон). Что ты меня толкаешь? Ты сам дал корчмарю в руки, а он понес в кладовую.

Хозяин. Вставай, говорю я! Давно пора со сном расстаться!

Март, узнав отцовский голос, встал на ноги и зашатался.

Хозяин. Не пил ли ты водки? Не ходил ли в корчму?

Хозяйка. Ты же видишь, мальчик еще сонный; лежа на твердом полу, он и снов-то не видел.

14 Хозяин. Все ты за мальчика заступаешься. Этак ты годного человека из него не сделаешь,⁷ раз не будешь бранить то, что худо и порочно. Ты, небось, порицаешь дурные нравы у других, а у сына своего оправдываешь? Я пошел на поле. Март, как поешь, сразу бери коня, плуг и приходи следом!

Батрак пошел на мызу.² Хозяйка отправилась в гумно⁴ коров доить. Март сказал Леену: «Таакель привет передает, он приглашает тебя в воскресенье прийти на качели,¹⁴ обещает тебе коасивый платок подарить». Леену хотела было подольше поговорить, но Марту нельзя было мешкать, так как отец велел поспешать. Пришел он на поле, отец его уж издали зовет: «Иди ко мне сюда!».

Хозяин. Март, есть у меня с тобой разговор: ¹⁵ будь правдив и откровенен, не ври, если виноват! Коль пошел ты по темному пути и делаешь, что не следует, то признайся! Кто зло свое признает, тот исправится, ибо по раскаянию видать, что ненавидит он зло. Трудно самого себя осуждать, но кто эту победу над собой одержал, у того глаза, зная, прозрели, у того в душе взошла любовь к добру, и даст она дорогие плоды, покой душевный и радость. Кто пытается зло скрыть ложью, пусть он и избежит наказания, но в сердце есть судья праведный, он и осудит. Сердце его в беде, аки голубь, ястребом гонимый. Тем же, кто победу над собой одержал, признав свою вину, и кто зло навсегда оставил, надо подать руку ¹⁹ и сказать: «Мы помирились, брат!». Так и я с тобой помирюсь, если твоя речь будет ясна и правдива. Кто тебе больше добра желает, чем я — отец твой? Кто больше моего тебя любит? Я на праведном пути тебя удержать хочу! Если ты образумишься, будешь мне благодарен. Скажи, что ты вчера делал, где был?

Март. Пошел я вчера за жеребенком. Искал так долго, что темно ¹⁶ стало, не нашел. Возвращаюсь домой, а тут Таакель навстречу, просит пойти с ним, говорит — темноты боится, ¹⁶ а мешок сена остался у риги. Ну и пошел я с ним, взяв мешок, пошли мы в корчму. Ханс тут и крикнул: «Папаша-корчмарь, водки давай!». Отхлебнул глоток и сказал: ¹⁷ «Не стоять же мужчине на одной ноге, дай другой стакан. Два стакана нипочем, два глотка — то на куриную жажду, давай третью чарку да поставь мелом черточки ¹⁸ на стену — я принесу тебе мешок побольше, такой, что все погасит». Пристал он ко мне, чуть не силой заставил, пришлось отхлебнуть и мне глоток. Ударила водка в голову, все тело в жар бросило; я из корчмы вон, и пошел, шатаюсь, домой.

Хозяин. Не знаешь ли ты, было зерно или сено в мешке?

Март. В темноте не заметил, а посмотреть не догадался; очень может быть, что было зерно, иначе зачем бы корчмарю нести мешок в кладовую.

Хозяин. Похожа твоя речь на правду; вот тебе моя рука, чадо ты мое возлюбленное!

Март подошел и поцеловал отцовскую ¹⁹ руку. Слезы полились из глаз старика. «Слушай дальше, сыночек, что я тебе от души скажу: не дружи со скверными людьми. Есть истинно мудрое слово: скажи мне, кто твой ¹⁷ друг, и я скажу, кто ты. Держись подальше от Ханса Таакеля, остерегайся его, не знайся с ним. О чем я тебя еще от всей души прошу: берегись водки, это задаток дьявола. Запомни и примечай: где водка в доме стоит, тот дом и провалится, там и дело не делается и в доме ничего не прибавляется. Один день уходит на водку, второй пропадает за похмельем. Откуда быть в этом доме порядку, коль светлый разум не руководит и работа споро не делается?! Водка здоровье портит, она убийца духа и правды. Пооди теперь и передай волостному старшине ²⁰ то, что ты мне рассказал. Кто зло скрывает, сам стоит за зло, и надо того к нечестивым причислять.

Парень пошел, а отец остался поле пахать. Подоив корову, хозяйка вошла в комнату, собрала что нужно и хотела было за основанье взяться, но из-за двери спросили, дома ли хозяин.

Хозяйка. Пшет он на поле. Кто его спрашивает?

Марета. Я! Не узнаешь, что ли, бобылиху Марету?

18 Хозяйка. Кто во всей волости ее не знает. Зачем, по какому-такому делу пришла?

Марета. Захотела тебя повидать да узнать, как дела идут. Сегодня холодный ветер дует, дрожь по телу идет. Богатый твой дом, конечно, не без водки. Налей-ка немного в кварту да подсыпь немножко перцу: ²¹ это спасает от рези в животе и охраняет от злого ветра.

Хозяйка. Нет водки в нашем доме! И духа ее старик не выносит, задатком дьявола зовет он ее, что душу и разум человека портит, здоровье и охоту к труду губит. Старик говорит: «Где водка входит в одну дверь, там счастье и достаток выходят в другую».

Марета. Если разрешишь, посижу здесь малость на стуле, пусть ноги отдохнут. Много мне сегодня ходить надо по хуторам Кырве, Ладрику и Вайну.²²

19 А что у вас слышно? На кузнецовом хуторе Сепя дитя упало в очаг; хозяйка послала девку на мызу о беде рассказать да гишпанской мушки ²³ попросить. Говорю я ей: «Разве это поможет, попросила б лучше черную шляпную краску». ⁴⁹ А лучше бы смилостивился великий бог и забрал бы дитя от мира сего. Что с него станет, разве что другим помеха и себе на горе. Хватит с них детей-то, умели б лучше хлеб добывать. Не понимаю я, и зачем только такие люди детей плодят,²⁴ коль не знают, чем кормить их будут. Ничего, кроме греха на своей душе, да и другим на беду. Бегают с голой задницей по деревне из дома в дом, забегают и ко мне, горемыке, а у меня самой их четверо, сама не знаю, куда и класть. Выпрашиваю, чтоб взяли их в подпаски или в няньки. Никто не берет. Даже ссора вышла у нас с женой Ханса. Мой Пееди взял как-то невзначай яйца из гнезда ее курицы. Стала она бранить его за это. Ребенок в слезах домой прибежал. Я пошла и лягнула ее по-своему. А она, бесстыжая, кричит, что, заступаясь за беспутного мальчишку, рошу из него вора. Зачем она мое чадо воров обзывает!

Хозяйка. Коль ты семейную жизнь хаешь, зачем замуж вышла?

20 Марета. Кабы знала я наперед все заботы и невзгоды, что на бедную мою голову посыплются, я б никогда в жизни и мысли такой не имела. Что мне было в девках тужить! Знала свое дело и горя не ведала. А вот теперь должна я обузу свою тащить! Может слыхала, в доме Кангру пожар был. Дети пошли с огнем в гумно поросят смотреть. Ах, совсем забыла сказать, ведь старая свинья у бабы Кангру девять поросят принесла. Так вот дети и пошли поглядеть на них. Огонь из рук Манни выпал, солома-то и загорись, дети кричать, тут на шум бабка Кангру выскочила, глядит — огонь, сорвала с плеч тулуп, кинула на огонь и давай его ногами топтать.

Все ж потушила. Говорю я ей: «Глупей ты ребенка, коли позволяешь ребятам с огнем ходить». А слыхала ли ты, о чем у Анны из Кадака спор с девкой вышел? Послала она корову доить; ведь не все хозяйки вроде тебя, сами этим занимаются. Подоила девка корову, принесла домой подойник, хозяйка глядит — молока в нем не больше кварты, да и подойник не мыт. Знаю я эту корову, она с красниной, упитана, мясиста, почти твоей черной ровня, нынче в феврале месяце третьего теленка принесла. Мясник Андрей за нее сорок рублей сулил, однако не отдала Анна. Но это совсем вранье, что девка говорит, будто корова ногой подойник толкнула. Наверно, девка сама-то молоко и выпила; ну и лакомка же она. И теперь на-²¹ праслину на бедную корову возводит и поносит ее почем зря. А слыхала ли ты, нынче рекрутов набирать будут. Ханс Таакель велел себе купоросного масла²⁵ принести, вот уже две недели прошло с тех пор, не знаю, что он себе еще к ноге приложил, с ногой у него дело дрянь. Ему говорят, не выздоровеет нога, если водку не бросит. Да где там, с каждым глотком растет и охота. Водка — что огонь: чем больше раздувают, тем выше пламя поднимается — вот как с водкой бывает. Да, а ведь я еще не рассказала тебе, что за неприятность со мной по дороге приключилась. Иду я, значит, к корчме «Большой ковш», хочу старое свое тело согреть немного; вхожу в двери, а Хансова Леену прыг прямо со стойки ко мне и кричит: «Ах ты, чертова сорока, ты — собака двух господ, ты, которая ничего другого не делаешь, кроме как от одной семьи к другой бегаешь и всякие сплетни переносишь, тех хвалишь, у кого сидишь, а тех поносишь, откуда пришла; ты, которая, как цыган,²⁶ все норовишь себе и своим волчатам что-нибудь да выклянчить; как смела ты, падло, на меня поклеп возвести, что простыня с мызы, та, что потерялась в стирке, мною украдена?». А я ей в ответ говорю: «Что ты, не узнав дела, брешешь? Разве²² не ты давеча хвалила эту простынь, сказав: „Вот бы мне такие“; разве это неправда? Все это слышали. А как стали спрашивать, куда простыня делась, я и сказала: „Как бы Хансова Леену не прибрала ее к рукам“. Ведь не сказала же я, что своими глазами видела, как ты брала». Но злота ее разгорелась, стала она метаться по корчме, где бы палку найти; я бросилась наутек, слышала только, как она с порога грозила: «Я тебя еще выучу, чертова сорока, попадись ты только ко мне в руки».

Х о з я й к а. Как раз она обещала ко мне прийти сегодня помочь пряжу натягивать.

Услышав эти слова, Марета забеспокоилась.

М а р е т а. Прежде чем проститься, просьба у меня к тебе большая, не знаю, смею ли даже сказать. Дыра в крыше нашей бани, в ненастную погоду льет на голову. Залило пол, в комнате вонь стоит, не знаю, куда ребятишек положить. А у твоего старика большой стог соломы стоит, уж если ты его попросишь, то он не откажет дать нам взаимы связок сто. Будущей осенью вернем. Или, если захочешь, я и отработать могу, приду

к тебе на сенокос, помогу навоз вывезти или рожь сжать. Я ведь все делать умею.

23 Хозяйка. Да, языком! Куда ж делась ваша солома, что нечем дыру в крыше заткнуть?

Марета. Видишь ли, хозяйюшка, мой Ханс еще весной договорился с корчмарем из Нурга — по десять копеек за связку и даже семь рублей задатку взял. Думал, за полцены себе где-нибудь осенью купит. Теперь же ни денег, ни соломы. Прошу тебя, пожалуйста, хозяйюшка, разреши нам взять несколько связок соломы.

Хозяйка. Не могу я разрешить, не мое это дело, а стариково, а он вряд ли даст. Намедни он нашему Марту сказал, когда разговор о цене соломы зашел: «У нас еще солома, слава богу, есть! Не стану я ее продавать, сколько бы за нее ни дали. Запомни, Март, сынок мой, где старое добро кончается, там бедность и начинается; от поля я солому получил, полю и отдам: кто поля не кормит, того и поле оставит без хлеба». Ну, а если муж разрешит, я тебе скажу.

Марета. С богом, хозяйка; будет время, опять приду проведать.

Едва Марета ушла, хозяйка села к столу закусить. Вошел волостной старшина и поздоровался.

24 Старшина. Дай боже хлеба!

Хозяйка. Дай, отче небесный! Откуда путь держите, что вас увидеть привелось?

Старшина. Иду я с мызы. Зашел старых соседей проведать.

Хозяйка. Зачем нашего Марта вызвали сегодня на мызу?

Старшина. По делу о краже.

Хозяйка. Боже милостивый, но ведь Март наш не вор! (*Кусочек хлеба падает из пальцев на колени*).

Старшина. Нет, Март не вор. Март честный человек. Он-то мне и рассказал, что был вместе с Таакелем у риги. Таакель отлал мешок, который вынес, корчмарю, а тот снес его к себе в кладовую. Тут я и пошел в корчму все выяснить, как это и положено старшине, каждое дело направлять по праведному пути. Зашел в корчму, пошел было в кладовую, а корчмарь не пускает. «Что тебе там надо?». Я в ответ: «Пришел проверить, правильны ли меры, чиста ли водка». — «Не суй свой нос куда не надо, — говорит он, — нечего тебе тут делать.²⁰ Если сам не сообразишь

25 уйти, то я-то уж соображу тебя выпроводить вон». А я ему говорю: «Сначала в кладовой побываю, тогда и уйду». Он же отвечает: «Если сможешь пройти у меня между ног, то попробуй!». — «Что ты глупости говоришь», — ответил я и пошел было силой, а он взял меня за грудки и повалил наземь. Позвал я Виллема Рейну на помощь и прошел-таки в кладовую, ругаясь и крича. Как переступил я порог, сразу и вижу — мешок стоит

26 в углу; спрашиваю: «Что это за мешок?». Но он не ответил. Подхожу ближе. Говорю: «Вот так чудо! Ты, значит, среди нас раньше всех хлеб

обмолотил. Где же да с кем молотил? Здесь в мешке вон сена стебельки, неужели все мешки твои были заняты, что пришлось взять из-под сена мешок барщинника? Чей же мешок?». Тут корчмарь губу прикусил, ни слова не молвил. «Об этом деле придется дать знать суду, пусть каждый по заслугам получит. Явись-ка в субботу²⁷ на мызу». Услышав это, стал корчмарь просить: «Папаша, зачем ты о таком пустяке суду жаловаться станешь, тут и половины меры²⁸ зерна не наберется. И ведь ты еще не осмотрел наши мерки для водки, не отведал ты и нашей особой, господской водки; не бойся, не стану я с тебя денег брать, попробуй хотя бы!». — «Нет, — говорю, — не стану я водку пить. По мне пусть она стоит», — и пошел я своей дорогой, хотя и упрашивал корчмарь меня выпить. Теперь я иду уже с мызы и могу рассказать, чем дело кончилось. Спросили корчмаря, чей мешок? Он и отвечает: «Два человека зашли в корчму, один из них дал ему мешок, чтоб положить в кладовую». Темно было, не разглядел он их. «Когда зажег огонь, небось ты нас узнал, — сказал ваш Март, — ведь одним был я, а Таакель другим. Ему и мешок принадлежит.²⁷ Стоял мешок на холме у скирды соломы, оттуда Таакель на спину его и взял. В корчме он выпил три стакана, один стакан вынудил и меня выпить. И разве не обещал он принести тебе еще мешок, который все бы погасил, что на стене мелом на Таакеля записано?».

Господин граф все выслушал и говорит старшине: «Теперь пораскиньте мозгами и присудите Таакелю за это дело по заслугам.²⁹ А ты, корчмарь, дырявый мешок, от сего дня уволен со своей должности. Когда тебе место это дали, заранее предупредили, что если о тебе услышат недоброе, место тотчас потеряешь и другого возьмут в корчму. Мне-то нетрудно найти порядочного человека в корчму, а вот тебе, скупщику краденого, нелегко будет найти другое место — кто вора станет брать?! Кто краденое принимает, и того вором считают. Если б не было скупщиков краденого, не стали бы и таскать.²⁹ Подлые страсти затмили твой разум. Так и другие, подобные тебе по разуму, иной раз норовят на кривой дороге чем-нибудь поразжиться — там легка добыча. И еще одна большая вина лежит на тебе. Ты схватил старшину и повалил его на пол. Это придется господину гакенрихтеру сообщить». Корчмарь стал просить, чтобы его не передавали гакенрихтеру, чтоб оставили его при корчме. Господин граф же в ответ: «Бесстыдный человек, ты и меня пытаешься совратить!²⁹ Нет! Кто зло терпит, тот мостит дорогу греху и размножает лиходеев. А сие да будет подалее от меня!». Сказал эти слова господин граф и оставил нас творить справедливый суд, а на голову Марта положил он руку¹⁹ и сказал ему: «Дитя, держись этого пути и будь таким, как твой родитель, тогда и бог благословит тебя и жизнь твою приведет к доброму концу».

Подошел к концу рассказ старшины, он простился и ушел. Хозяйка кончила есть, воспитаннице велела прясть и мотать катушки, а сама опять села ткать.

К вечеру она поставила котел на огонь — людям кашу⁹ варить. На следующий день Тарвель и Леену пошли в кирху.³⁰ Хозяйка пела по молитвеннику, а старик с Мартом слушали. Вечером Леену и Март отпросились пойти на качели.¹⁴ Хозяин дал согласие, но наказал Марту водки не пить. Они еще издали услышали скрип качелей и веселые песни; легче ноги пошли.

29 Анне Вайну обещала им спеть новую песню.³¹ Собралось много слушателей.

Анне сказала: «Ну, пускайте качели»,¹⁴ и сама запела:

Я тебя в Иванов вечер
На качелях увидал,
У костра я слышал песни,
Голос милый твой узнал.

Ветер блузу раздувает
И прическу и венок. —
Шею белую любимой
Я тогда увидеть смог.

30 В мыслях ты моих незримо,
Сердцем как тебя забыть.
Я б хотел, чтобы до света
Стала ты меня любить.

Если руку не отдашь мне,
Мне в гробу не улежать.
У твоей постели стану
Ночью плакать и стонать.

Если ты возьмешь другого,
Жить мне будет уж невмочь.
Я рыдать теперь не в силах,
Белый день темней, чем ночь.

С парнем, под мотив веселый
Отвели тебя домой.
Я остался у качели
Неутешный, чуть живой.

Окончилась песня, все воскликнули: «Аннечка, спой-ка еще раз!». Анне спела опять, Март тихо слушал, то и дело вздыхая, и потом молвил: «Верно это, чует и мое сердце». Молчалив остался он до конца, видно занят был собой.

Барщинники возле корчмы, отправляясь в воскресенье вечером на мызу
[Акварель неизвестного художника, ок. 1813 г.].

Таакель явился поздороваться с Леену. Успел он уже выпить немного водки, ею разило от него, язык отвердел, слова путались, не было смысла в его речи. Наконец, он вымолвил: «Я пришлю своей Леену шелковый платочек и передник³² — дорогие и красивые». Леену сказала, что без позволения хозяйки не примет; пусть он эти вещи оставит у себя, и кликнула Марту, что пора идти домой.

По дороге Леену несколько раз заводила разговор, но Март не слушал, не отвечал: сердце его и слова остались с Анне. Прошли они добрый кусок дороги, и Леену спросила: «О чем думаешь?». Март ответил: «Я расхвалил Анне своего отца и мать и должен был... должен был — но что ты все расспрашиваешь, оставь меня в покое». Леену же хотела понять, что у Марта на уме. «А рассказал ли ты Анне, о чем помышляешь, сказал ли, что ее любишь?». — «Молчи! Не знаешь, что говоришь!». Разговор оборвался. Оба, как смиренные овечки, пошли друг за другом домой.

Настал следующий день, и Марета вошла в комнату; поздоровавшись, спросила у хозяйки, дома ли Леену. Леену услышала на гумне, вошла в избу и спросила: «Что тебе от меня надо?».

Марета. Ты ведь знаешь, я всегда тебя хвалила и любила; нынче несу тебе вести, надеюсь, придутся по вкусу. Впрочем, обещаю тебе новую шапку, тогда покажу тебе шелковый платочек и передник; краше ты даже в кирхе на троице не видывала.³³

Вынув из-под передника бутылку, показала Леену и спросила: «Понимаешь ли ты, что это значит? Это питье, чтоб свахе расспрашивать;⁶⁵ вот отдавай, Лееночка, какое оно сладкое!».

Леену. И языком не трону, пока не узнаю, кто прислал?

Марета. Прислал самый крепкий парень из всей волости, у него, слава богу, своя копейка в кармане. Силы у него, что у быка; когда он палку тянет,³⁴ то хоть всю волость собери — перетянет. Таакель ему имя, ты ведь знаешь его.

Хозяйка. Он и на самом деле скотина. Говорят, что он в корчме ревет как бык. Деньги у него недолго держатся — тают они от водки, как вешний снег от ясного дня.

Марета. Подумай-ка, Лееночка, когда у тебя появится муж, не будет иной заботы, как за собой смотреть, не придется тебе на графском сенокосе и на поле уроки отрабатывать, не надо будет на мызе хлеб молотить, ни неделями за скотом следить, ни дней на барщине отсчитывать.² 33

Хозяйка. Смотри, какая двуязычная! Ты ж наемни горько сетовала, что замуж вышла, и ругала мужа и детей на чем свет стоит. Не ты ль говорила, что семейные заботы трудней нести, чем девичий труд, что ты детей не знаешь куда класть и чем кормить. А теперь явилась нашей Леену хромого сватать?

Юри Тарвель.³⁵ Марета, ты забыла сказать Леену, что у нее забот уполовинится: ведь ей придется по одному чулку вязать: одна нога у Таакеля не выносит ни башмака, ни чулка.

Марета. То, что он одной ногой хромает и что немного воняет она у него — не беда, заживится. А передничек и шелковый платочек я должна тебе показать. Ох, где ж моя голова! Куда запропастился передник! Взяла я его подмышку, а платочек сунула сюда, за пазуху; наверное, обронила, когда бутылку пробкой затыкала. Ничего, найду на обратном пути.

34 Да, должна тебе сообщить, Таакель ушел от хозяина: уж больно тот бранился, будто и на мызе свои дни не дорабатывает,² и харчи зря изводит. Таакель пошел со своей бедой с корчмарем делиться, тот и пообещал взять его к себе. Ну и хорошо же будет тебе в корчме жить!

Хозяйка. У корчмаря у самого места нет куда голову приклонить; они с Таакелем уличены в воровстве. И пожитки его выкинуты из корчмы. Пусть теперь он Таакеля запрягает вместо коня и покатаются на одном возу и вор и ворованое добро, тогда и мешки у прохожих и наши закрома будут в покое.

Марета. Вот так да, как же я этого раньше не слыхала. И недели не прошло, как этот добрый человек мне чарку водки поднес и копейки не взял. Какая беда может стрястись с человеком! А у меня с ним еще одно дельце было! Пойду, с богом!

Уходя, в дверях сказала: «А должок-то за лен я еще верну».

35 Когда хозяин вернулся домой, жена ему сообщила, что Таакель прислал через Марету вино Леену и что Леену не захотела принять подарок, прежде чем не узнает, одобришь ли ты ее намерение. Хозяин сказал: «Если она себе лучшего не находит, пусть уж остается вовсе без мужа; у этого трактирного завсегдатая негодные нравы».

Тарвель сказал: «Лееночка, разве я тебе не говорил, что лиса норовит утащить твою курочку. Почему ты за него не выходишь, разве только что танцевать уж не сможет?».

Леену. Я дожидаюсь, чтобы ты послал ко мне вино, у тебя ноги здоровы, зато язык злой. Жалко Таакеля, плохо же ему.

Тарвель. А кто виноват: нес бы ношу, что бог возложил на него, была бы нога и ныне здорова. Теперь, когда он больше не пойдет танцевать, я волен послать тебе вино. Однако, Леену, не пошлю, ты бы плюнула в мое вино.

Леену. Хоть я вино и не приняла бы, но нет у меня таких бесстыжих привычек, чтобы в вино плевать. Я бы все-таки поняла, что ты был добр ко мне, а свахе сказала б, что ты мне не пара. Зачем выходить замуж за злого зубоскала, нехорошо это для совместной жизни.

36 Тарвель. Не сердись, Лееночка, глупые то были слова; это и с теми бывает, кто поумней меня, но надо друг другу прощать мелкие ошибки. Дай руку, сестричка, мы ж дети одной семьи. Я к тебе в дружки пойду, когда бог даст нам сей радостный день.

Так они и помирились, и у них отлегло от сердца. Принесли приказ завтра быть готовыми: на полях мызы будут жать рожь. На следующий день хозяин послал своих жней на мызу.² Вечером, когда вернулись домой,

Гельхаар/Шлагер. Качели

Гельхаар/Шлйтер. Толока на мызе

рассказала Леену хозяйке, что когда все собрались, шестерых девушек поставили спеть новую песню жатвы и толоки;³⁶ Леену тоже среди них была, а песне научилась, когда ее черед на мызе был. «Добрая матушка, дай спою тебе эту песню; ты, говорят, смолоду много певала. Слышала я, что в прежние времена, когда девушки возвращались с покоса или с другого места, хотя бы вчетвером или впятером, то уж издали их песня в деревню долетала, и ребятишки бежали им навстречу. Нынче песен мало слышно. Матушка, дорогая, спой мне хоть одну из старинных песен; голос у тебя хороший, слышу, как ты утром поешь по молитвеннику». — «Ладно, в другой раз, — ответила хозяйка, — а теперь дай послушать, какая у тебя песня».

Хозяин зашел в комнату и слышал, как Леену пела:

Вот серпы³⁸ вы в руки взяли,
Жните ж, чтоб не обогнали.
Поле ходит ходуном,
Закачались стебли в нем.

37

Глаз и сердце поле хвалят,
Сколько здесь снопов наставят.
Стебли нынче бог послал,
Что мужчина б не сломал.

Граф нам праздник всем устроит.
Вот веселье нам какое.
К двери музыкой зовут,
Хлеб и мясо нам дадут.

В ряд наставят полных бочек,
Черпаком нальют широким.
Шум вокруг растет, растет,
Каждый голос подает.

Вот музыка, танец грянет, —
Не зевайте Лизы, Анны,
Не испортит, ведь, чулки
Пыль веселой толоки.³⁶

Борода у Юри в пиве
И передник Мари вымок.
Юри крепко впился в штоф —
Дай ему без лишних слов.

38

Брось-ка, Юри, парень смелый,
Я ж теперь к тебе подсела.

Пива больше наливай,
Все себе не забирай.

Пиво я усердно пила,
В голове все закружило.
Не сдержать ее ногам.
Вот толока-то была нам.

Едва Леену кончила петь, старый хозяин сказал: «Не верится, что старое сердце может так тепло вспоминать молодые годы. Сколько я раньше прыгал, а теперь вот с трудом на своей паре передвигаюсь. Лийзочка, помнишь ли ты, что за мужчина я был, когда тебя брал?». Лийзу ответила: «Был ты мне тогда по душе, да и теперь мил не меньше».

Леену показала хозяйке серебряный гривенник и спросила: «А знаешь, кто дал мне его? Наша маленькая фрейлен Мийна.³⁷ Господа пришли сегодня поглядеть, как идет жатва. Связали мы венки из колосьев и подали их господину и госпоже нашим, все получили, а тут смотрю, маленькая барышня Мийна держит маму за руку, она-то без венка осталась; тут я свой венок ей в ручку положила. Она показала венок отцу, а я пошла жать. Слышу, девочка кричит: „Подожди! Подожди!“. Остановилась я, смотрю, бежит она ярочкой через жнитво ко мне, подходит и говорит: „На, это деньги, смотри, не потеряй“. А я спрашиваю: „Барышня уже знает, что такое деньги?“. — „Да, знаю, это папины“. Обещала я ей принести ягод; побежала обратно, говорит, я маме скажу».

Сняли рожь с поля, Леену вернулась домой, и опять завязался длинный разговор о гаданье на серпах.³⁸ Май Вайну взяла серпы деревни Оодику, Мари Сепа — серпы деревни Вендику. Как взяла Май Вайну серпы в руки, взмахнула ими и запела:

Летя, журчи, журчи серпок,
Звени, звени железо,
Чей серп опередит других,
К той первой подойдет жених.

Вот уберемся и пойдем
Мы с песней по тропе лесной.
Кто громче всех у нас споет,
Жених той шапку принесет.

Мы в баню добежим и вот
Всю пыль с нас веник соберет, —
Красивей станет лоск кудрей
И щек румянец посвежей.

Серп Мари Сепы пролетел дальше всех. Девушки из Оодику сбежали и стали приставать, чтобы она назвала своего жениха. Мари стала хватить свой добрый³⁸ серп, но имени жениха так и не узнали. Тогда Мари Сепы взяла серпы девушек из Вендику, спела и стала бросать их. Серп Анне Вайну упал дальше всех. Леену обернулась к Марту и сказала: «Март, слышишь, серп Анне Вайну упал дальше всех. А ты помнишь, как она на качелях пела; ты тогда стоял возле и смотрел, как она взлетала то вверх, то вниз». Март ничего не ответил, постоял задумавшись, а потом держался от Леену в стороне, чтоб спокойно подумать. Он мысленно уже упрашивал своих родителей, чтобы они отдали Анне ему в жены. А когда потом, в мыслях, беседовал он с самой Анне, сердце его наполнилось радостью и сильнее забило. Но тут же радость его померкла: решил он, что серп Анне не мог из-за него упасть так далеко. Верно другой есть у нее на примете, а то откуда бы знать серпу,³⁸ как падать? Хотел было он спросить Леену, но не осмелился, опасаясь, как бы та не высмеяла его. Тут ему Марета на ум пришла — та-то уж все разузнает, если ей что-нибудь дать за это.

Задумчивый вернулся он домой. Мать спрашивает, что случилось. Он отвечает, что голова болит. Леену говорит: «А сердце не болит, когда думаешь, что Анне уведут?». — «Твое-то сердце и рыдает, когда подумаешь, что Таакель уже второй раз не явится», — ответил Март и завалился спать. На следующее утро спрашивает его Леену, не видел ли он Анне во сне. «Нет, я тебя во сне видел, как ты серебряным колечком играла,¹² как выпало оно из твоих рук; нет тебе, бедняжке, в этом году надежды на жениха». Через некоторое время явилась Марета, поздоровалась и сказала: «Я ж обещала в пятницу прийти помочь рожь жать — за ту треть²⁸ заплатить, что вы взаимы дали. Видишь, и серп при мне».

«Бог с тобой, — сказала хозяйка, — не хитри: приходишь на помощь, когда дело сделано. Неси серп домой, а нам зерно отдай».

Марета. Откуда ж взять его, хозяйшюка, дети давно все съели. Ладно, помогу ячмень убрать.

Хозяйка. Да! Теперь ты обещаешь, пока не созрело, а как время настанет, тебе опять, гляди, некогда будет. Не бери взаимы, когда на уме обман; никто тебе не станет помогать в беде. Один другому расскажет, какой из тебя плательщик.

Марета. Будь спокойна, хозяйшюка, к рождеству все заплачу, а быть может и раньше.

Хозяйка. Бог знает, когда то рождество настанет, да и на этом ли свете!

Марета. Эх, кабы могла я сердце тебе показать, как я стараюсь тебе заплатить, но дети... Ты не поверишь, что это за объедалы!

Хозяйка. А ты не знала, что ли, когда детей рожала,²⁴ что тебе придется их кормить и одевать, что на твою голову грех ляжет, коль они голодать станут; это и толкнет их на скверный путь.⁷

Марета. Раздобыла я нынче весной две меры картофеля на семена, посадила и вот надеюсь ребят прокормить. Говорят, он сам-девять дает: картофелины вкусные, я б их в один присест двадцать штук съела, только давай.

Хозяйка. Слышала я, что твой картофель так зарос травой, что никак не поймешь, что там растет; диву давались, что ты о картофеле
43 вовсе не заботишься, что и детей от лени и озорства не оберегаешь, совсем не учишь их делу, даже картофель и то не прополола. А как плоду расти, если сорняк его заглушает и силу из земли высасывает.

Марета. Детки мои картофельной ботвы от травы не отличат; глупы они у меня еще, больно малы.

Хозяйка. Вот так чудо, такие пострелята и малы для прополки; называй и учи их смолоду трудиться; это и право родителей.⁷

Не по нраву был этот разговор для Мареты, перешла сразу на другую; стала рассказывать, как Ханс Кийври и Тоомас Паку с пьяных глаз перессорились, как Ханс пустил Тоомасу кровь из носа, из-за чего оба подрались, как было за чубы ухватились, что чуть не убили друг друга, кабы корчмарь и добрые люди не развели их силой: одного заперли в горнице, а другого выставили из комнаты вон.

Хозяйка спросила, не было ли и Таакеля среди них.

Марета. Что уж о бедняжке и говорить! С ним дело кончено, не
44 знаю, какое горе ему на душу давит или какая хвороба к нему пристала. Едва ль это из-за ноги; получил он с мызы²³ лекарство, думает вылечиться, а теперь таскается с места на место: никто не хочет взять его под свою крышу; припоминают ему прежние его повадки, каким гордецом и забиякой он бывал, как других высмеивал. Теперь он совсем приуныл, ни слова не вымолвит, а иногда и вовсе плачет. Нет у бедняжки ни копейки за душой; как знать, не бывало ли дней, что и росинки во рту не имел.

Жаль мне его. Пришел он как-то ко мне и просит, не пушу ли его на ночь в уголок моей баньки; уж так жалобно просил. Лица на нем не было, голова опущена, завял, как трава от заморозка. Постелила я ему охапку соломы и упал он в углу как подкошенный, благодарил за ночлег и вымолвил, вздыхая: «В мытарствах, что на мою голову упали, я сам виноват, и оттого скорбит душа моя. Дал бы мне бог покутье потруднее. снес бы, хоть теперь я уже совсем согнулся, только б простил он грехи мои.
45 Долго шел я путем неправедным; увел бы, великий боже, ты меня из мира сего. Сам, своєю рукою, осквернил я земные радости». Тяжко было мне видеть, как из глаз его опять потекли слезы. Было у меня со штоф²⁸ крупы, сварила я кашу; хозяйка Отса дала мне как-то с десятка салак, подала я ему половину да и кусочек хлеба впридачу. Бедняжка опять стал жалобно плакать, когда я перед ним на стол все это поставила, и из моих глаз потекли слезы... Сама не пойму, откуда и жалость взялась. Сказала я: «Как поешь, ложись спать на здоровье, уповай на великого творца и моли его, чтобы спас он тебя от всякой скверны». Всю ночь сон не шел,

все думала, как бедняжке Таакелю помочь, и вот вспомнила, что жена плотника Яана приходится Таакелю родной теткой.

Как он проснулся, принесла я ему водицы лицо умыть. Тут я ему и говорю: «Пошли проведать Яана-плотника, он тебе и поможет». А он в ответ: «Пустое это дело меня к нему вести, не примет он меня. Когда оставил меня корчмарь, пошел я к Яану. Здравствуй, говорю я ему, пришел я к тебе, дай-ка, говорю, мне топор, в руки и смотри, обделаю я работу не хуже тебя. А он мне говорит: „Я тебя еще не звал к себе в помощники: оттуда, где ты ремеслу своему учился, оттуда, — говорит, — мне работники не нужны“. Я ему в ответ: работники дорого берут, а ты мне и копейку дать жалешь. — „Какое тебе дело до моих копеек, куда я их кладу. Если ты такой ловкий мастер, то повсюду найдешь себе работу и жилье“. — Уж, конечно, найду, — был мой ответ. „Так иди себе, а меня оставь в покое и не являйся больше сюда“, — сказал он мне. Как к нему теперь идти!». Я спросила Таакеля: «Да послушай, не был ли ты, чего доброго, пьян?». А он: «Видишь ли, корчмарь на прощанье дал мне пару стаканов водки, но пьян я не был».

Я же ему говорю, что, бывает, пьяницы тщатся скрыть свой грех, а на самом деле хватили-таки лишку. Где теперь дорогие твои копеечки, что из кошелька через горло твое протекли, их ты на водку потратил, себя и других угощая. Все же идем, я найду в комнату, а ты постоишь за дверями,³⁹ позову, говорю, когда надо будет.

Пошли мы к плотничьей баньке, сел Ханс на связки хвороста у двери, а я вошла в дом. Старик и спрашивает, какое доброе дело у меня к нему. «Пришла я тебя просить». — «Опять ты просишь! Что же это такое, о чем ты просишь?». — «Это бедняжка Таакель!». — «Молчи, — крикнул он громко, — не говори мне и слова об этом негодяе, прощелье, воре и пьянчуге; о нем ни слова, говорю я тебе!».

«У тебя такое доброе сердце, как можешь ты быть так жесток к своему родственнику; все мы бедные грешники». Старик говорит: «Именно то, что я, его родственник, о нем ничего, кроме худого, не слышу, меня больше всего и злит. У него были честные родители. Разве поведением своим он делает им честь? Смеет ли он ступить за ограду кирхи,⁴⁰ где почил в мире его отец и мать? Пусть себе идет, куда хочет».

[Марета.] Намедни он с пьяных глаз глупо себя держал перед тобой. В этом он кается от всего сердца, охотно пришел бы к тебе просить прощения, но не осмеливается. Будь же ты тем старым добряком, которого все хвалят и любят. Подумай, грех тебе «Отче наш»⁴¹ читать, ты ведь знаешь, что сии слова значат: «... и остави нам долги наши, яко же и мы отпускаем должникам нашим...». Что же, разве ты хочешь, чтобы бог тебя не простил? Слышал бы ты, как Таакель от души обещает по-другому жить и исправиться, видел бы ты беднягу, на нем лица нет, а каким тихим и кротким он стал. Его родители были тебе по душе, детей у тебя нет, будь ему отцом и наставником на пути праведном.

Пришла жена и стала упрашивать: «Золотой мой, прости ему, забудь прошлое и то, что грубил он спьяну». А старик говорит: «Кто велел ему пить! Если не бросит он эту привычку, толку от него не будет, и, значит, на горе себе возьму я его».

[Марета.] Говорят, кто на огне раз обжегся, тот палец в него не сунет. Таакель свои ногти обжег; надеюсь, что ты еще на него порадуешься.

Жена снова стала упрашивать, чтобы старик хоть на испытание взял его.

[Старик.] Не знаю, в какой корчме он сидит или где там шляется; не стану я его разыскивать.

[Марета.] Уж я-то его разыщу. Вышла я за дверь, взяла Таакеля за руку и говорю ему: «Идем сейчас же и проси прощения и обещай, что свернешь с широкого⁶ пути, а мы с теткой попробуем умиротворить старика».

49 Таакель зашел в комнату, стал просить, но так при этом заплакал, что и слова как следует сказать не мог; взял он руку старика, поцеловал ее¹⁹ и жалкими глазами смотрел на дядю.

[Старик.] Если ты на самом деле решил обратиться к добру, можешь у нас остаться. Говорят, ты болен, ничего, — старуха тебя выводит.

Я попрощалась с ними. Таакель там и остался, он и нынче там, вот уж неделя прошла. Был сперва болен, теперь ему лучше и нога заживает. Люди добрые диву даются, что нога живым его оставила.

Раз у тебя нет сегодня для меня работы, то я пойду». Хозяйка же сказала: «Потерпи немножко», — и пошла в камору. Вернувшись с коробочкой в руках, сказала: «Старик из города свежей салаки привез, ты половину своей салаки отдала Таакелю, так вот тебе взамен той другая». Марета удивилась и громко воскликнула: «Не бывало у меня больше! Теперь я каждому ребенку могу по хвостику дать. Боже благослови дом сей и дай плодам и скотине хорошо расти!⁴² А теперь поспешу к детям». Март же сказал, что пойдет ее проводить.

50 Прошли они немного вместе, Март и спрашивает: «Знаешь ли ты Anne Вайну?».

Марета. Как не знать? Знаю!

Март. Что о ней говорят, какое у нее сердце? Кротка ли она? Работящая ли, довольны ли ею кормильцы?

Марета. Anne все только и хвалят, лучшей девчонки не сыскать. Ее хозяйка наемни сказала: «Если кто нынче нашу Anne уведет, где нам такую сыскать». Кормилица ее строга, она зря не станет расхваливать.

Март. Выйдет она нынче замуж, у нее, кажется, и жених на примете; скажи мне, кто за нее сватается?

Марета. Не может у нее быть жениха, уж я бы об этом тут же проведала, я хорошо знаю Anne.

Март. Разумнай и дай мне знать, нет ли такого парня, которого она любит, но, чур, о нашем разговоре никому ни слова! Я заплачу за твои хлопоты папаше за ту меру, которую ты ему должна.

Марета. А можно ль сказать самой Анне о том, что ты меня спрашивал? 51

Март. Скажи. Не говори. Впрочем, скажи, но смотри же, как бы это дело не стало раньше известно, чем я отцу и матери скажу. Когда ты снова к нам придешь?

Марета. Не стану мешкать, скоро верну коробочку из-под салаки.

Март направился домой полон дум. Анне из мыслей не выходит. День клонился к вечеру, семья в сборе. Лучина горела, старик сидел на стуле,⁴³ что Март для него сделал. Сиденье было красиво сплетено из соломы, старик закурил трубку;⁴⁴ пес прижался к хозяину, голову положил между колен, и хозяин тихонько почесывал ему уши. Леену шила себе к рождеству юбку в полоску.⁴⁵ Март взял работу в руки, стал из черной ольхи и осинового досок мастерить кружку.⁴⁶ Хозяйка пряла на сон грядущий, как это вошло у нее в привычку. Юри Тарвель начал гнуть обручи для ведер и бочек, вдруг остановился и задумался. Хозяйка рукой придерживала колесо и спросила: «Скажи, Юри, что с тобой? Уж не заболел ли ты или какая другая забота есть у тебя?». Юри ответил: «Слава богу, нет ни хворобы, ни заботы; просто вспомнил, что сегодня было. Везли мы зерно в сарай, когда я воз перевязал, вдруг слышу крик журавля, будто кто зовет; гляжу на небо — три журавля кружат высоко, попрощались они с нашим краем и потянулись к югу. Кто их несет, кто направляет? Нет у них знаков по дороге. Все это делает великий Бог,⁴⁷ творец земли и неба. Как умны его законы, заботится о каждой твари; если подумать, то сердце наполняется благодарностью и в слезах хочется пасть ниц и благодарить, что милостью его и мы среди всего живого родились. Милость его и нам 52
дорогу проложит, когда мы уйдем из мира сего, как проложил он нам путь при рождении. Милость, нас создавшая, не даст нам погибнуть. Стояла у нас сегодня ясная, солнечная погода, а скоро начнутся дожди; когда уж жаворонки тепели свое и дикие утки улетели, тогда и лес шумит и промерзлая земля трещит, поднимается холодный ветер, вьюга бушует и хоронит землю под белой пеленой. Слышь, петухи поют, пойдём и мы на отдых».

Марета вспомнила, что Март наказал ей поскорее явиться с вестями. Вот она и пошла на следующий день к Анне, отыскала ее, поздоровалась и сказала: «Не дадут тебе нынче осенью покоя; знать, много женихов сваталось? Была бы я парнем, уж я б тебе проходу не дала! Есть ли девушка краше? Скажи, Анне, кого ты себе возьмешь? Мне ты можешь сказать, уж я-то о таких делах никому ни гу-гу. Ходила ли ты уже шерсть набирать?»⁷⁶ Что принес тебе жених в подарок? Какой материал на головной убор, не с золотистыми ли розами? А велик ли шелковый платочек? Дай, сама я взгляну, ведь мне-то ты, небось, не откажешь?».

54 Анне. Зря пришла, нет у меня жениха, а такое добро мне, бедной сироте, и во сне не снится.

Марета. Откуда бы мне взять хорошего мужа для моей Аннечки?

Анне. Ты, конечно, можешь и не одного отыскать, но ведь жених-то по твоему приказу не придет, не создан для меня жених, да и не хочу я мужа.

Марета. Все девушки так говорят, и я так говаривала, когда в девках ходила, а пришел мой старый калека да и забрал меня.

Анне. А плохо ли старой деве? ⁴⁸ Знакома ль тебе Элли Раудсеп? Все ее хвалят и жалуют; не думаю, чтобы она с тобой поменялась, хоть она и старая дева.

Марета. Что обо мне говорить, забота и печаль — такова моя доля. А вот подберу я доброго жениха и пришлю к тебе, тогда и услышим, что ты скажешь? Слушай, есть у нас в деревне добрый парень, старого Ханса Аккера сын, один он у него; отец-мать старики, работников при них немного, вот и смотрят, как бы сыну подобрать невесту; станет она работать, и нанимать никого не надо. Знаешь ли ты их? Сына-то, Марта, видывала?

Анне призадумалась и сказала: «Да, приходилось видеть. На толоке он весело смеялся и с девушками заговаривал, а на меня и не оглянулся.

55 Анне Матси взял за руку, а с Леену Траади даже танцевал; уже которая-нибудь из них ему и невеста».

Марета. А знаешь ли ты, Анне, что Март послал меня расспросить, нет ли у тебя суженого, кому ты себя обещаала. И еще сказал он: «Не хочу я жены, которой кто-нибудь милее, чем я; то правда, что тяжело будет мне жить без Анне, но навязывать себя ее сердцу я не стану; там, где другой опередил, там не бывать счастью». Вот и слушай, с какими речами он меня послал. Скажи теперь, что ему ответить от тебя?

Анне. Какой же ответ я сумею ему дать! Пускай в воскресенье приходит в кирху, если желает меня видеть. Передай ему привет.

56 Марета немедля направилась к Марту. Когда вошла в комнату, видит — хозяйка, ну и заговорила громко: «Это ты, моя добрая хозяйюшка, тысячу, тысячу раз тебе спасибо за вкусную салаку, вот я и коробочку возвращаю. Есть у меня еще корни подмаренника, я их тебе принесу, нет у меня, горемычной, ничего лучшего, а если хочешь, я тебе что-нибудь покрашу кубовой краской, в этом я мастерица.⁴⁹

«С бедным человеком всегда что-нибудь да стряется; хватилась я только что, куда моя свинка запропастилась, не затесалась ли она к деревенским свиньям, знаешь, такой черномазый поросенок, шустрая скотинка, дружна была с детьми, вместе возились; вся она моя живность и есть, а теперь и не знаю, куда эта тварь делась, за кем поплелась. Март, золотко, пойдем, пособи мне ее отыскать».

Отошли немного, и тут она Марту все и изложила до последнего слова, какой у них с Анне разговор состоялся. Март оставил Марету искать поросенка, а сам пошел с легким сердцем домой работу кончать.

Наконец, отыскав поросенка, Марета взяла его под мышку. У Мареты многое накопилось на сердце, задала она поросенку трепку и за ухо надрала. А свинка бедняга визжала, что было силы. Тут собака со двора Вайну тотчас прибежала на выручку поросенку, разодрала юбку Мареты, да ленту и оторвала, а Марета выпустить поросенка не может; так и попле- 57 лась, ругаясь, одной рукой придерживая свинку, другой же обрывки юбки за собой волоча.

Март долго не знал, говорить ли обо всем матери; отложил разговор до тех пор, пока встретится с Анне. То, что Анне сама назначила ему встречу в кирхе,³⁰ очень ему понравилось;⁵⁹ все из головы не шло — скорее бы настало воскресенье. В субботу вечером пошел он в баню, приготовил лучшую свою одежду. Желание скорее увидеть Анне рано подняло его, короток был его сон. Он так спешил в кирху,⁵⁰ что оказался там раньше кистера и служки. Медленно тянулось время, стал он беспокоиться, не случилось ли что с Анне, раз она так мешкает. Хотел уже сам направиться в Мяндику и все поглядывал в ту сторону, не идут ли люди в кирху. Тут он заметил идущих в кирху селян и еще издали распознал среди них Анне; забилось его сердце так, что самому слышно стало. Едва подошла Анне к нему, как он сказал: «Давно я здесь стою и вас дожидаюсь; собрался было идти в Мяндику».

Анне. Я бы раньше явилась, да люди не пускали, говорят: «Что ты там так рано делать будешь, ведь не тебе готовить проповедь».⁵¹ Не могла же я сказать, что вас спешила увидеть.

Зазвонили колокола, и народ направился в кирху. Анне и Март не 58 отважились остаться наедине, не осмелились и войти рядом в кирху. Едва окончилась проповедь, Март раньше других направился к выходу дожидаться Анне. Когда она прошла мимо, он тут же пошел за ней следом. Когда народ разошелся, сказал он Анне: «Если позволите, я вас провожу немного». Анне ответила: «С удовольствием, я иду отсюда прямо домой». То, о чем они говорили друг с другом, они мне запретили рассказывать.⁵² Март проводил Анне до самой деревни, а потом напрямик лесом вернулся домой. Дома застал он мать одну, все ушли в село. Мать стала расспрашивать, где он был так долго. Март признался матери, что вот уже с прошлой весны Анне кажется ему милее всех. Обнял он мать и стал просить:⁵³ «Дай мне ее в жены; она ж для меня лучше всех на свете; обещай же, дорогая матушка».

Мать. Повремени, покамест разузнаю, что она за человек, эта Анне, что о ней добрые люди говорят, довольны ли ею кормильцы. Если она 59 подойдет для нашего дома, я потолкую со стариком, и, тогда, быть может, из этого дела что-нибудь и получится. Но смотри, пока не говори ничего старику; уже я тебе подскажу, когда будет время просить его в добрый час.

Март приласкал свою старую мать и поцеловал ей руку.¹⁹ Разговор на том и оборвался; хозяин вошел в комнату, не поздоровался, не молвил

ни слова, а только ворчал да костил кого-то вполголоса. Жена спросила: «Что с тобой стряслось, что на сердце накипело?».

Хозяин. Черт бы побрал⁵⁴ этих людей, что живут на свете! Прошлой осенью пристал ко мне Юри Кадака, чтоб дал я ему 15 рублей взаймы, собирался он на ярмарке в Мярьямаа купить себе коня; долго он меня упрашивал! Бил себя в грудь¹⁹ и поклялся заплатить все почестному. Трижды я уже его спрашивал. Нынче он коня продал, 10 рублей барыша получил; и вот сегодня я ему опять о долге вспомнил; прежде он все отнекивался, дескать, денег нет, а вот сегодня эта лживая тварь говорит мне: «Что ты сюда зачистил, проваливай отсюда и оставь меня, наконец, в покое». Что поделаешь с сукиным сыном!⁵⁴ Я сказал ему: «Тебе бы, падло, следовало задать таску», — да и ушел от него прочь. Думаешь, даешь другу, а как получать, то как от врага. Теперь уж никогда и никому не стану взаймы давать ни копейки, это будет мне, дураку, наукой. Но и ему не пойдет впрок: всякий барыш, что нечестным путем добыт, здесь, на этом свете и останется, а грех на душу навсегда ляжет.

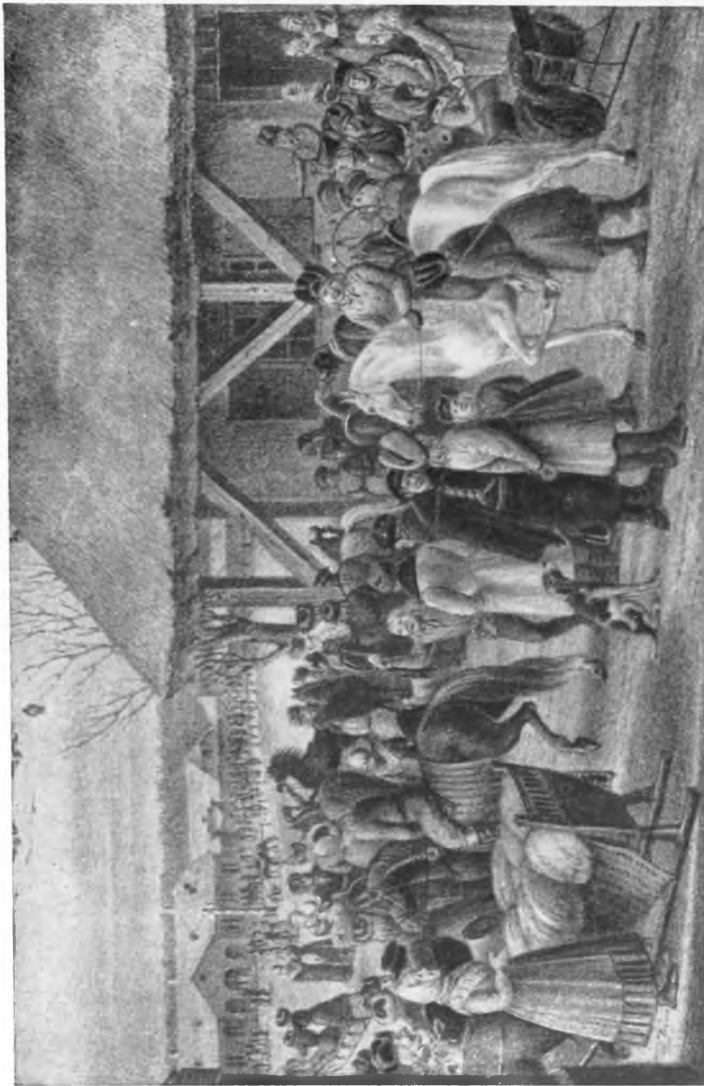
Хозяйка. Брось, не думай больше про это дело, оно лишь кровь портит, а денег это все равно не вернет.

Батрак Юри Тарвель тоже вернулся домой. Хозяйка спросила: «Что это за человек в синем сюртуке и в сапогах, который с тобой возле дверей говорил?».

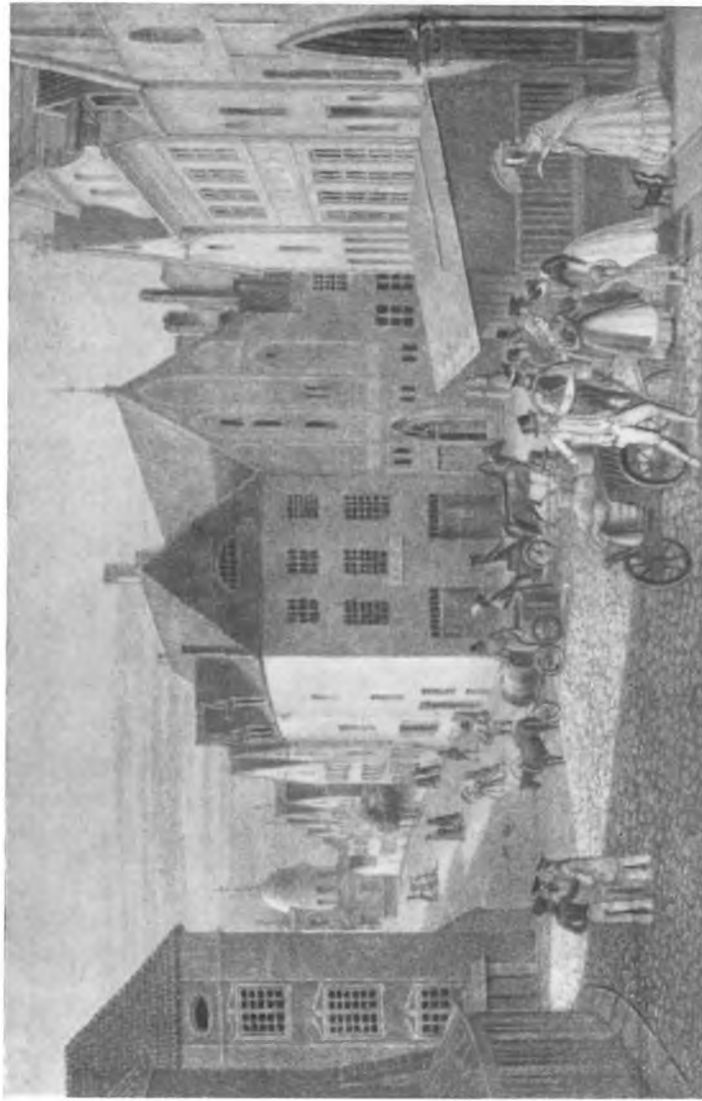
Юри Тарвель. То был барышник,⁵⁵ корчмарь из Нурга; звал он меня к себе в корчму; нынче многие обещали там собраться, будет конская потеха.⁵⁵ «Бери, — говорит, — своего коня с льянной гривой, там найдешь ты и покупателя». Я сейчас прямо из корчмы; а народу! Как на ярмарке. Корчмарь похаживал с бутылкой в руке, то одному, то другому даст отведать и все хвалит свою водку. Мне же он сказал: «Почему ты не пьешь?» А когда услышал, что я слово дал не пить водки,⁵⁶ то так ко мне пристал, что должен был я хогь бутылку пива взять. Когда откупорил бутылку, пиво уже бродило и силой вырвалось наружу из бутылки. Корчмарь сказал: «Наливай в стакан и пей». Я три стакана с лишком выпил. Уж с дрожжами вместе, бутылочное пиво противное, перекишее, в другой раз ни за что не возьму. И подумать только, заставил он меня уплатить ему за это пошло целых 15 копеек. Когда я выпил все до конца, а корчмарь разнес и другим водку и пиво, подошел он ко мне снова и спрашивает: «Ну, Юри, сколько ты мне доплатишь, если я с тобой сменяюсь?» Я в ответ: «Нет, не стану я меняться; уж если надумал, то покупай и деньжата не задерживай, тогда конь пусть остается у твоих дверей».

[Корчмарь.] Где мне такие деньги взять, но раз ты мне друг-приятель, то, так и быть, обменяю я твоего за моего гнедого — по рукам.¹⁹

[Юри Тарвель.] Нет, так у нас не пойдет; я менять не умею. Мой конь моложе, шея стройная, да и вообще он лучше на вид, чем твой гнедой. Корчмарь хлопнул меня по спине¹⁹ и сказал: «Во имя нашей дружбы, да чтоб выгода на твоей стороне была, я дам тебе мою трубку

Гельхаар/Шлагер. Конная ярмарка

Гельхаар/Шлагер. Городской рынок [в Тамине]

в придачу, ту, что с серебряным украшением». ⁴⁴ На это я ему ответил: «Что мне с твоей дымовой палкой во рту делать прикажешь, не стану же я топить свой рот, как печь; от куренья трубки уже было немало пожаров». Тогда обещал он в придачу пару сапог на толстой подошве, но и от них я отказался — уж больно жмут они и тяжелы на ходу. ⁵⁷ Гони сюда 120 рубликов и бери лошадь. Но тут его позвали в корчму, а я пошел своей дорогой.

День стоял солнечный; хозяин вернулся с поля; был он в духе, хвалил всходы и благодарил бога. Жена сказала: «Слушай, старик, а не думал ли ты о том, откуда брать жену для сына; мы уже стары, нас ненадолго хватит, тогда бы знали, для кого бог урожаем послал и кому наш труд и забота достанутся. Коль возьмет хорошую жену и бог даст детей, тогда не разбазарит он добро». ⁶³ ⁵⁸

Хозяин. Откуда я знаю, где ему взять жену; я даже и того не знаю, хочет ли он жениться; ведь он-то пока всего-навсего тридцатилетний мальчишка, нет у него ни дома, ни места, куда жену привести. У каждой птички свое гнездо на двоих, а где его гнездо? Значит, придется мне пойти на мызу и господина графа просить, чтобы господин граф ему наш дом и место доверил. Но если господин и разрешит, то откуда я найду ему жену, чтоб пришлась ему по вкусу и чтоб не была «фи-фу», ⁵⁹ подобно многим девушкам, которые, как мне известно, ни дела не сделают, ни горя не разделят.

Хозяйка. Если ты позволишь, я пойду скажу Марту, чтобы он сам пришел тебя просить; он на дворе ступицу для колеса мастерит.

Пошла мать, сказала Марту: «Поди, сам проси, чтоб отец разрешил тебе жениться». Когда хозяйка вымолвила это, Март тяжело вздохнул и пошел за ней следом. Подошел он к отцу, молчит, не знает, что сказать. С трудом проронил: «Дорогой отец, любимый отец! Мать, говори ты!». ⁶⁴

Хозяйка. Глупое дитя, что ты отца родного боишься? Говори все, как на сердце лежит.

Март. Дай мне Анне в жены, любимый, дорогой мой родитель!

Хозяин. Не знаю эту Анне; не ведаю, годна ли она в хозяйки. Она, говорят, пригожа собой, однако краса ⁵⁹ не увеличивает славу дома и не умножает семейной радости и покоя. Коль найдешь такую жену, что и тебя, и домашние дела полюбит, что ни забот, ни горестей не боится, за суетной красотой и гордыней не гонится, а все больше о доме печься станет, да и в ладах с тобой пребудет — вот это жена! Ибо муж и жена, аки два вола, что в одной упряжке: пусть себе один хоть и надрывается, но коль второй не тянет, то не бывать путному хозяйству. Проси-ка мать, чтобы она у людей разузнала, порядочна ли эта самая Анне, в ладах ли с ней ее кормильцы. Если мать сочтет, что мы с ней поладим, так тому и быть, я не запрещаю.

Март еще раз поблагодарил отца. Когда он отошел с матерью, то стал ее просить, чтоб она за него стояла, чтоб об Анне ничего худого не

стала говорить. Мать спросила, почему он так боялся, когда с отцом говорил. «Ты что, и с Анне так же разговариваешь?».

65 **Март.** Милая матушка, то ведь совсем другой разговор, и я мог бы его вести хоть целый день напролет.

Когда мать Марта расспросила и одну и другую из тех, на чью совесть и слово могла положиться, она взяла на себя труд и сама сходила в Мандивере, где она хотела как бы невзначай встретить Анне и лучше ее узнать по ее разговору и манере держаться; но сама и словом не дала понять, зачем она туда явилась; ведь хозяин-то еще не имел разговора с господином графом.

Итак, Анне она увидела и долго с ней разговаривала; тотчас сообщила старику, какова, по ее мнению, Анне. Когда все обдумали, старик обещал пойти на мызу просить графа. Эти заботы и разные думы отняли у хозяйки сон; она рано поднялась, зажгла лучину и пропела за работой 179 хорал⁶⁰ из молитвенника: «Нынче сияет над нами ясно, утренняя звезда прекрасна» и т. д. Старик сел на кровати, ноги спустил и руки скрестил на коленях. Когда хорал кончился, старик сказал: «Придется мне пойти сегодня на мызу господина графа просить, полагаю, что он не обидится». Хозяйка подошла к сундуку, вынула чистую сорочку и чулки, 66 новый сюртук и положила все наготове. После полудня она причесала старику седые волосы и отправила в путь. Когда старик прибыл на мызу, он попросил дозволения предстать перед графом. Скоро его попросили войти в комнату.

Граф. Наконец-то, после стольких лет довелось и тебя увидеть; скажи, дорогой Ханс, как идут твои дела и почему ты раньше не пришел меня навестить?

Ханс Аккер. Все шло как следует, и потому не было у меня к вам дел, а из-за пустяка нельзя беспокоить старших. Небось у них дела поважней наших. А нынче у меня как будто и есть большая просьба, если б только господин граф соизволил меня послушать.

Граф. Что же это за просьба? Поверь мне, что я от всего сердца постараюсь исполнить просьбу доброго человека.

67 **Ханс Аккер.** Чую я, что старость наступает; стали ноги, как изношенный лемех, который уж больше не режет. Силы на исходе, как истертая упряжка вола, не держат больше. Плохой я стал работник. И вот пришел я к своему дорогому господину с просьбой, не согласится ли господин граф дать тот хутор, что он мне доверил, сыну моему, дабы отцовский труд пошел ему на пользу.

Граф. Почему бы мне и не согласиться? От всего сердца, дорогой мой старик! Поверь мне, что мызе трудно да и накладно⁶¹ отбирать хутор у одного и передавать другому. Конечно, нельзя доверить дом какому-нибудь бездельнику и транжире, это большой урон для волости, ибо если одним дельным человеком станет меньше, тем тяжелее падет бремя на остальных. За сына твоего опасаться нечего, я его знаю, не было слышно

о нем дурного. Я благодарю тебя за то, что вырастил мне⁶² такого хорошего и честного хозяина. Пусть он остается вместо тебя: да благословит его господь и да спорится у него работа.

Старик собрался было идти домой, чтобы принести скорее добрую весть жене. Граф, заметив это, остановил его и сказал: «Поговорим еще немного, неизвестно, когда мы снова свидимся и как долго еще продлят нам пребывание на этом свете! Тридцать лет мы ладили и очень хорошо устраивались, не причинил ты мне за это время никаких огорчений; великий бог благословит тебя за это. Скажи, дорогой Ханс, ты ведь наблюдательный и умный человек, не считаешь ли ты, что бедность увеличивается, а житейские нравы становятся все хуже.⁶³ С чего бы это? В чем тут 68 дело?».

Ханс Аккер. Да, дорогой граф, это, пожалуй, и в самом деле так, как господин граф говорит. Ведь подумайте, почтенный граф, мир становится теснее, людей прибавляется все больше, а земля та же, прежняя, не видать, чтоб она увеличивалась. Как говорится, чем больше псов, тем жиже похлебка.⁶³ Когда я еще подпаском хаживал, с той поры вспоминаю этот лес и то пастбище. Где нынче лес? Куда делось пастбище? Лес спилили на дрова, а пастбище пустили под пашню. Весной на луга пускают скот; много накопишь там сена, где быдло топталось? Так нельзя скот растить, не получить этак навозу, а раз поле не получит пищи, то и оно перестает кормить. Земли, где еще на моей памяти лес стоял, нынче запущены и так истощены, что на них едва трава растет. Но есть и еще одна беда, которая много вреда приносит — это водка. Господин граф, пожалуй, это лучше моего понимает,⁶⁴ а я своей глупой головой так полагаю: не был ли глоток водки тем, что змий Еве преподнес! Ибо водка туманит разум и вносит в человека злую гордыню и непокорность. Ну и хитер же был, скотина, что сперва он Еву угостил: знал же, подлый, что женщины лакомки и что мужчина станет поступать по совету жены своей.⁶⁹ Что же другое, как не плотские страсти, портит человека на этом свете, коль он не прислушается к голосу разума и не осилит их?! Да, дорогой граф, видывал я не одного мужика и не один дом, что от водки сошли на нет. Ныне даже женщины и то пьют, только давай! Водка не что иное, как соблазн, задаток самого черта, и ею он и человека портит и гибель в дом впускает.

А теперь пора мне своему дорогому господину сказать «с богом», небось уж старуха моя высматривает из дверей, не иду ли я домой. Тысячу раз спасибо за все. Бог да благословит нашего дорогого графа.

Граф простился и велел передать привет старухе.

А жена старика, как только его увидала издали, тут же пошла навстречу и спросила: «Какие вести ты принес?».

Хозяин. Очень хорошие; граф был так учтив, что изволил вести со мной сладкую беседу; хутор обещал доверить Марту.

Хозяйка. Ну-ка, расскажи, какая у вас там сладкая беседа велась?

Хозяин. Граф сказал: «Поставь же поскорее свинью на откорм, чтобы она к свадьбе как следует разжирела».

70 Хозяйка. А ведь неправда это, скажи же, что за сладкая беседа у вас была?

Хозяин. А разве свинина не вкусна, что может быть слаще? Граф велел тебе передать привет, это сущая правда. Передай и ты теперь добрую весть Марту, а я пойду в поле доделать борону, которую я начал чинить.

Хозяйка. Вошел бы хоть в дом, надел рабочее платье. Когда тебя соберу, тогда и пойду к Марту.

Едва только Март услышал добрую весть, он тотчас бросил работу и хотел было отправиться бегом в Мандивере обрадовать и Анне, но мать не позволила и обещала сама сходить с ним туда, чтобы дать знать обо всем кормильцам Анне.⁶⁵ Март попросил разрешения у матери хотя бы сходить в воскресенье в город, купить Анне подарки. «Я куплю ей башмачки, три убора, три шелковых головных убора, а свадебный убор, чтобы был с золотыми розами; четыре передника, пять платков, — три шелковых, а два бумажных. Еще куплю тонкого сукна на лиф с рукавами с широким тонким кружевом внизу. А когда она нарядится, вот тогда я ее поцелую и скажу: посмотри, какая ты красивая!».

71 Хозяйка. Молчи, что ты понимаешь в женских товарах; когда ты покажешь свои покупки, их охают, а тебя высмеют, что дал ты себя провести.⁶⁶ Я сама поеду в город, есть там у меня родня, она в дворничихах служит, заодно и свижусь с ней — много лет я ее не видала, она понимает в таких делах и уж всегда сумеет выторговать хоть полкопейки.

Март. Так когда ж ты, дорогая матушка, соберешься? Нынче ночи лунные, за ночь можно далеко проехать.

Хозяйка. Так и быть, поедем под воскресенье.

Март. Пойду посмотрю, подкована ли лошадь, и поставлю телегу наготове.

Хозяйка. А я наберу свежего масла и овощей на гостинцы дворничихе, а уж тогда пойду к отцу денег просить.

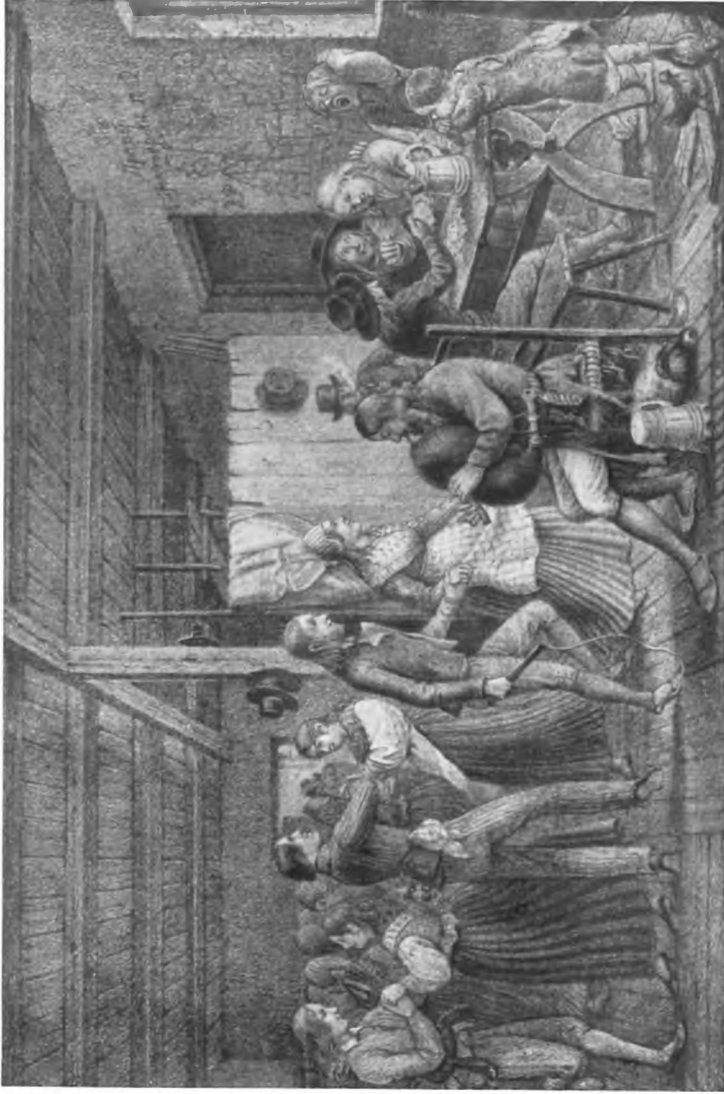
Март. У меня у самого есть деньги, и на украшения для Анне я их охотно потрачу.

Хозяйка. Держи их для Анне; нет лучшего средства на черный день, как та копейка, что в кошеле.

72 После ночевки в городе женщины пошли по лавкам, и Март поплелся за ними следом. В лавках его спрашивали, нравится ли то или другое. Когда вещи были куплены, женщины пошли домой, а Март побрел по улицам. Увидел к одному дому подвешенное колесо самопрялки и загляделся, долго стоял и все глядел на него. Спрашивает его один горожанин: «Что ты уставился и смотришь все время на это колесо?».

Март. Хочу купить самопрялку для Анне, продашь⁶⁷ мне ее?

Горожанин провел его к токарю. Когда Март вошел в комнату, то

Гельхаар/Шлагер. Вольщик [в корчме]

Гельхаар/Шлатер. Покрывание головы невесты чепцом [свадебный обряд в крестьянском доме]

спросил: «Ты ли токарь будешь? Я пришел, чтобы купить прялку для Анне, сколько стоит прялка?». Токарь сразу понял, что не знает он цены прялок, и запросил четыре рубля серебром. Март же слышал, что следует⁶⁶ торговаться и сказал: «Ты что, никак рехнулся, я за эти деньги могу купить четыре колеса и телегу впридачу; дам я тебе три рубля». Когда торг окончился и деньги были заплачены, Март сказал: «Продай ты⁶⁷ мне ботинки, хочу я для Анне ботинки купить». Токарь направил Марта на улицу Св. Николая.⁶⁷ «Где увидишь, — говорит, — сапоги нама-леваны, там их и делают». Март прошелся по улице Николая и видит золотой сапог висит, осмотрел он его и понес самопрялку на квартиру, где остановился. «Вот принес я хорошую прялку, но сапог у него для 73 продажи не было и направил он меня на улицу Николая. Я сразу заметил, где делают золотые сапоги;⁶⁷ однако, боюсь, что они очень дороги и тяжелы,⁵⁷ — не станет их Анне носить».

Хозяйка. Что ты погнался за пустяками; вот я и летом и зимой хожу босиком. Бросит их старик в огонь,⁵⁷ как только они ему в руки попадутся. Запряги коня, а то ты последнюю копейку из кошелька растратишь. Забирай товар под мышку, а я стану прощаться.

Но товар под мышку не поместился; Март завернул все в мешок и положил на шею.⁶⁸ Так и домой пошли.

Подъехали прямо к дверям, и хозяйка вошла в комнату. Настроение у старика было хорошее, рад был, что его старая Лизочка вернулась, и приказал Леену сделать теплого квасу и положить туда побольше сладкого. Март внес самопрялку в комнату, хлопнул рукой по мешку и сказал: «Тут красота моей Анне». Хозяйка показала всем свои покупки, хозяин спросил: «А где же кольца? Небось у Марта?» Март сплюнул и воскликнул: «Черт бы побрал эти башмаки и золотые сапоги, из-за них я и про кольца позабыл; пойду сразу в город, до утра доберусь, а к вечеру ворочусь домой с кольцами». Мать тут и говорит: «Где ты их в го- 74 роде найдешь-то, если они у меня в кармане лежат».

«Скажи, Март, — говорит отец, — про какие золотые сапоги ты упомянул, я век прожил, а таких не видывал». — «Да, отец, давненько, знать, не бывал ты в городе; я сам видал золотой сапог и знаю дом, где их делают».

Марета явилась, чтобы поздравить Марта; прослышала, что в город ездили, наряды покупали; она спросила: «Где ж Юри?». Ей указали. Подошла и спрашивает: «Что ты тут делаешь?».

Юри Гарвель. Гну полозья к дровням.

Марета. Как идут дела?⁶⁹

Юри Гарвель. Как видишь по топору — довольно прямо.

Марета. Ты все для других трудишься, когда же начнешь для себя работать?

Юри Гарвель. А это все равно что для себя, раз я тружусь на пользу тем, кто обо мне заботится.

Марета. Юри, прислушайся к совету, я тебе желаю добра!

Юри Тарвель. Что же это за добро?

75 Марета. К вам в дом скоро явится молодая хозяйка, неизвестно, как-то ты с ней поладишь; она молодая, а у молодых гордый и быстрый нрав, станет она тебя гонять то туда, то сюда.

Юри Тарвель. Лишь бы она не стала принуждать меня стричь овец и доить коров,⁷⁰ а всю остальную работу я делать умею и выполню ее охотно. Я всегда со всеми ладил, почему мне с нею не поладить, ведь можно хотя бы попытаться.

Марета. Слушай, что я хотела тебе сказать. Хозяйство Юри Транзи день ото дня становится хуже: заборы развалились, жерди пожгли,⁷¹ озимь посеяна кое-как, жниво не вспахано, а теперь он и солому, и сено продал. Кубъяс уже сообщил об этом на мызу: не оставят его дольше на хуторе. И откуда такое разорение? Еще год-два назад хозяйство было хоть куда. Всему причиной — жена его. Жена, как гласит пословица, что замок от дома.

Юри Тарвель. Видно большая пружина⁶⁹ в этом замке не в порядке, а муж не сумел ее починить.

76 Марета. Рассказывают, что прошлым летом жена отправилась со всей семьей на покос, что за лесом, да и пропала; целый день найти не могли, думали в лесу заблудилась, а оказалось, забралась в сарай спать. Ну скажи, что это за хозяйка? Ты, Юри, старый холостяк, и я не оставлю тебя в покое, пока ты не женишься.

Юри Тарвель. А зачем?

Марета. Кто же станет о тебе заботиться?

Юри Тарвель. Я сам.

Марета. Кто станет вязать тебе чулки и чинить платье?

Юри Тарвель. Я сам.

Марета. Кто выстирает твои рубашки?

Юри Тарвель. Я сам.

Марета. Чем ты теперь стираешь рубашки?

Юри Тарвель. Обеими руками,⁶⁹ так же как и женщины.

Марета. Где этакое чудо видано?

Юри Тарвель. На озере, что у лагеря, солдаты стирали рубахи и штаны; ого, как чисто было! Куда чище, чем сорочка, что на тебе.

77 Марета. А ты все ж послушайся моего совета: есть у тебя силенка, осенью продал ты вола,² взял за него 62 рубля, есть у тебя еще два вола на корму у чужих.² У тебя и конь добрый. Знаю я, дал ты большие деньги взаимы и в твоём сундуке их немало. Так смотри, не упусти же хутор, а я присмотрю тебе хорошую жену.

Юри Тарвель. Еще неизвестно, понравится ли мне та, которую ты предложишь.

Марета. Не стану же я предлагать тебе калеку,⁵⁹ она работающая и все умеет делать в поле, смышленная она, не испугается ни холодного

дождя, ни солнечного зноя, ни вьюги, ни огня; она и вяжет, она и прядет, а какова работа! Свои вещи бережет в порядке, и они у нее всегда на месте. Показывала она мне иглу, что вот уж два года торчит в клубке. Это хорошо, что она бережет свои иголки,⁵⁹ ибо женщина без иглы, что кошка без когтей.

Юри Тарвель. Кто же эта драгоценная девица?

Марета. Младшая сестра моя, Ану.

Юри Тарвель. Не сберегла она брусок, потеряла свой, а затем и тот, что одолжила ей Леену.⁵⁹

Марета. Виноват пояс; она засунула брусок как положено за пояс, а он оттуда упал в сено.

Юри Тарвель. Не хочу я ее, ты б скорей пришлась мне по вкусу.

Марета. Ты прав, Ану для тебя слишком молода. У моего старика чухотка: господь скоро приберет его к себе. Пусть будет по-твоему, я выйду за тебя, когда он помрет. С богом, любимый Юри, я пойду хлопотать по дому.

Когда Марета ушла, Юри в сердцах вонзил топор глубоко в колоду: «Вот так женщина! настоящее наваждение, нет ей равной среди женщин! Муж еще жив, а она уже смотрит, где б подцепить другого. Нет, не стану жениться: что мне без этого плохо, что ли? Живу с добрыми людьми вместе».

Когда полозья были сделаны, он огляделся вокруг — за что бы ему еще взяться. Ведь его смолоду кормильцы приучили к труду. Потому и вырос Юри настоящим человеком. Его мысли никогда не брели по широкому пути.⁶ Лень — начало всего худого.

Стали готовиться к свадьбе⁶⁵: гумно убрали,⁴ ткацкий станок сняли, столы и скамейки починили. Настал день, когда по обычаю посылали вино. Март одет был по-праздничному; лошадь стояла в упряжке, оставалось только дожидаться старика Пуусепа, который обещался быть посаженным отцом.⁷² Вот и он пришел; хозяин пожал ему руку и сказал: «Старина, что ты думаешь о беспокойстве, которое нынче приходит в мой дом? Было бы по-моему приятнее беседовать с тобой не торопясь и спокойно посасывать трубки». Хозяйка пошла в камору; завернула подарки в чистый платок, перевязала узелок красной лентой⁷³ потуже, отнесла его Хансу Пуусепу и, передавая, сказала: «Вот я принесла тебе куколку, ты ведь знаешь, кому нужно ее отвезти». Затем она ушла и вернулась снова, неся на тарелке немного водки и городскую булку. «Смотрите, — сказала она, — чтобы к вечеру возвратиться; мы подождем с ужином, узнаем, как все обошлось».

Март взял вожжи в руки и стал так погонять, что старик даже закричал на него: «Ведь ты разнесешь телегу вдребезги. Как нам до места доехать да еще вечером вернуться домой!».

В доме Анне, слышав свист кнута и бряцанье железной цепочки, сразу догадались, что идет жених. Поздоровались, посаженный отец и

говорит: ⁷⁴ «Пропала из нашего дома птичка, которая у нас гнездиться собиралась; это белая голубка, и глаза у нее ясные и добрые, я ее сразу опознаю. Слух был, что она сюда залетела, вот мы за своим и пришли».

Хозяйка в ответ: «Покажу я вам наших птичек, выбирайте, которая ваша». Пошла и привела древнюю старуху: «Никак это и есть ваша птица?». ⁸⁰ Посаженный отец сделал вид, что испугался, и сказал: «Эту птицу не стоит и в телегу класть, уведи ее скорей в угол потемнее». Хозяйка увела старуху и вернулась с причудливо разодетой девкой. Посаженный отец воскликнул: «Что за дьявол, ведь это же наше огородное пугало! Нет! Нашу птичку можно и по глазам узнать, смиренны они и ясны. Вы хотите нас обмануть, но будьте так добры, отдайте нам наше». Хозяйка вернулась с Анне и тотчас Март и посаженный отец воскликнули: «Вот это наше! Это она, наша птичка!». Посаженный отец пошел Анне навстречу с узелком в руках, говоря: «Несу я младенца, через год прошу расплатиться другим».

Когда Анне приняла подарки, посаженный отец попросил: «Выпейте теперь за здоровье молодых». Март принес водку в избу и стал подавать каждому, кто только хотел.

Затем посаженный отец подозвал к себе Марта и сказал: «Чтоб птичка не улетела, я прикую ее к тебе серебряными цепями». Взял он кольца и обручил ⁷⁴ их, пожелав много лет счастья. Затем наказал он, как им быть, когда пойдут к пастору читать и просить его объявить о помолвке с амвона.⁷⁴

А теперь давайте прощаться, наш путь далек. После ужина Март отвез посаженного отца домой и поблагодарил его за хлопоты.

Теперь у хозяйки были полны руки забот, чтобы к свадьбе все было красиво и чинно.

⁸¹ Анне пришла поздравить ⁷⁵ новых своих родителей и поблагодарить их за украшения, которые они ей прислали. Матери она связала пару чулок, а свекру варешки.⁷⁶ Стала просить их милостиво принять эти скромные подарки, так как принести что-нибудь получше ей, сиротке, было не под силу. Старушка сказала: «Самое лучшее, что ты могла нам принести — это ты сама». Март воскликнул: «Верно, мама! Так это и есть!». Анне опустила глаза и зарделась от смущения. Будто свежую радость внесла она в дом: на кого ни взглянет, каждый просветлеет от удовольствия. Время быстро склонилось к вечеру, а там ночь настала. Март и Леену ⁷⁷ пошли провожать Анне. Марту и Анне многое хотелось сказать друг другу. Леену шла рядом молча. Подошли они к загону, где эти большие березы стоят и струится река, а тут месяц играет в воде. Леену взглянула а небо, луна ей в глаза глянула. Раскрылось сердце девушки и она запела:

Слушай, слушай же, луна,
Смолоду тебя люблю я
И тебе, моя луна,
Все скажу я без утайки.

Слушай, слушай же, луна,
Я о Хансе лишь мечтаю.
Отвечай же мне, луна,
Где теперь мой друг сердечный?

82

Ты же, милая луна,
Видела его со мною,
Погляди ж теперь, луна,
Ныне я одна осталась.

Так внемли же мне, луна,
Подари мне перстень светлый!
Знаешь ты о том, луна, —
Рождество уж недалеко?

Неужели ты, луна,
Пожалеть меня не хочешь?
Ну, так, милая луна,
Мне дружка пришли скорее!

Ярче посвети, луна,
Ты на праздник свадьбы нашей!
Принеси ты мне, луна,
Много радости и счастья!

Когда настал день свадьбы, все, что можно было, отнесли в сторону, двор подмели начисто. В гумне⁴ в каждом углу поставили по молодой елке. Вдоль верхних бревен развесили гирлянды из еловых веток. И все это было так красиво. 83

У ворот на дворе стояли две елки, а две другие связали дугой. Чтобы изба⁴ казалась светлее, хозяйка велела покрыть стены льняными простынями. К потолку было подвешено держальце на красивой ленточке, и в него были воткнуты четыре свечи. На свадебном столе у каждого места стояла тарелка, и на ней лежал большой кусок пшеничного хлеба. На столе расставили свинину, жареных гусей, лепешки и капусту; в нескольких жбанах пенилось пиво.

Все было готово, осталось лишь дожждаться гостей.

Едва только свадебный поезд показался у деревни, как дружка вихрем помчался в дом дать знать, что едут. С ним послали молодым штоф пива. 84 Дружка, держа штоф высоко в руках, пустился что было силы обратно, припевая и приплясывая. Юри взял ружье в руки, и, как только прошли ворота, он выстрелил.⁷⁸ Бросив ружье, он поспешил к дверям. Конь не

успел еще остановиться, как он сорвал с него дугу и воскликнул: «Уж мы-то такое добро не пропустим мимо; ⁷⁸ из этого дома обратно не отдадим». Он помог молодухе слезть с телеги. А молодая дала ему пару синих варежек ⁷⁶ и сказала: «Эти варежки, Юри, я сама для тебя вязала».

Когда все выбрались из телег и женщины отряхнулись от приставшего сена и привели в порядок передники, дружка спросил: «Ну, готовы?». Ему ответили: «Да!». Тогда он прошел первым и мечом сделал на дверях знамение креста. Затем вошел в комнату и снова трижды сделал мечом знамение креста ⁷⁸ на восток, на юг и запад, громко при этом воскликнул: «Да скроются злые духи, вы, святые ангелы, ⁷⁸ примите молодую чету под крылья свои, несите в их дом счастье, чтобы все у них хорошо спорилось». Затем он взял молодую за руку, усадил ее за стол и только тогда уселись остальные гости.

⁸⁵ Когда все поели, хозяйка принесла младенца и положила его на колени молодой, приговаривая: «Даю тебе, любимая доченька, поняничить ребенка — это первая забота женщины. Когда суждены будут тебе дети, расти их во славу божию и ближним на радость, ибо обязанность родителей заботиться о детях своих — будут они ответ держать перед богом».

Вечером дружка принес стул, положил на него подушку ⁷⁹ и покрыл ее красивым одеялом. Посаженный отец покрыл голову молодухи и подвязал ей передник, наказывая, как это и положено на свадьбе, когда убор ⁷⁹ на голову одевают: «Оставь девичьи привычки, держи мужа в голове и о доме заботься. А чтобы тебе это запомнилось, я тебя разок ударю». ⁷⁹ И дал ей, словно гладя, пощечину. Тут женщины запели. Когда песня кончилась, женщины сказали: «Теперь молодая одета». Та встала со стула и поклонилась гостям на все стороны.

На третий день ⁸⁰ объявился дружка, держа полный до отказа короб на голове, и воскликнул: «Зовут на свадьбу, на свадьбу, на свадьбу съезжайтесь на белых конях!».

⁸⁶ Подарки были розданы; посаженный отец провозгласил здравицу и что-то пообещал в дом молодой чете; затем пообещали и остальные: кто барана, кто поросенка, а кто кошку или курицу. И было тут смеху! Вечером поставили на стол миску, полную щей, ⁸⁰ в знак того, что свадьба пошла к концу. Гости распростились и разошлись с богом.

Уже на другой день ткацкий станок и самопрялку поставили на старое место.

Молодая была очень довольна новым домом, и все домашние полюбили ее. Свекровь же полюбила свою невестку как родную дочь. Старая хозяйка скоро увидела в молодухе хорошую помощницу и поняла, что ей можно доверить дом. Через три месяца старушка стала жаловаться на ломоту в костях и на боль под ложечкой, сказала, что чувствует приближение тяжелой болезни. Она стала молчаливой, часто задумывалась, а когда

смотрела на своего старика, то слезы навертывались на ее глаза. Часто стала вставать из-за прялки и шла прилечь на постель.

Однажды утром она подозвала к себе Анне и Леену: «Подите сюда, помогите мне добраться до сундука; возьмите ключи под изголовьем и отсприте сундук». Стоя у сундука, хозяйка сказала: «Ради тебя, Леену,⁸⁷ я встала, вот тебе кусок холста, а здесь сукно на три платья — это я тебе дарю. Бери эту брошь⁸¹ из моих рук, носила я ее на груди, носи теперь ты на память обо мне; это тебе за то, что была ты смирной и послушной девочкой, вместо дочери была ты мне». Леену закрыла глаза руками и горько заплакала. «Неужели собралась ты умирать, любимая, дорогая мама!».

М а т ь. Да исполнится воля божья; раз он зовет меня, зачем мне не пойти к нему. Анне, возьми себе ключи от сундука и владей теперь как хозяйка всем, что там есть; уж я-то себе в карман ничего не положу. (Анне в слезах взяла ключи). А теперь ведите меня обратно; ни слова не говорите никому, чтоб мой старик и остальные не огорчились.⁸²

Ложась в постель, сказала: «Кончились мои силы!».

Леену хотела было пойти на мызу²³ за лекарством, но мать не пустила: «Пустое, не растет на этом свете зелья от смерти. Мне нечем помочь, я ухожу с этого света».

Назавтра старик подошел к ее постели и спросил: «Очень ты больна, моя дорогая Лийзу? Если бог тебя заберет к себе, куда я, бедный, денусь? Уповаю на бога, что милостью своею убережет он тебя от смерти».

М а т ь. Смерть и есть божья милость;⁸³ тот, кто рождением показал нам путь на этот свет, тот уведет нас смертью на другой свет. Смерть спасает нас от греха. (Взяв руку мужа, она сказала:) Смерть снова соединит наши руки воедино; не печалься, не плачь! Ты всегда уповал на бога своего и упование сие, что он вселил в тебя, и есть обет вселюбящего бога соединить нас во веки веков.

Муж заметил, что жене трудно говорить, он вышел во двор,⁸² чтобы она осталась одна. Когда больная отдохнула, она позвала к себе Юри и спросила его: «Что бы мне оставить тебе на память как благодарность за то, что был ты хорошим, послушным мальчиком?».

Юри Тарвель. Все доброе, что ты мне делала, навеки будет памятью о тебе. Отец и мать мои отблагодарят тебя в небесах за то, что ты меня, сироту, взяла на воспитание, научила любить бога и наставила на праведный путь. И ничем не могу я тебе за это заплатить.

М а т ь. Нет, можешь, если ты останешься моему Марту товарищем и наставником, когда отец умрет. Март тебя всегда слушался. Уж долго я тебя больше не увижу.⁸⁴ Останься возле меня и дай смочить язык, когда я попрошу.

Отдохнув немного, она спросила: «Что такое смерть?».

Юри Тарвель. Смерть — это когда дух отходит от плоти.⁸⁵ Тело схоронят, как прах во прахе, ибо духу оно больше не потребно, как цып-

ленку не нужна скорлупа яйца, из которого вылутился он на белый свет.

Через некоторое время она спросила: «Скажи мне, что такое душа?».

Юри Тарвель. Душа означает жизнь сего света, когда дух и плоть пребывают вместе. Когда нет дыхания, значит, нет больше жизни на этом свете, значит, тело отслужило свой век.

90 Скоро она опять спросила: «Что такое дух?».

Юри Тарвель. Дух бесплотен, как мысль; он-то и владеет плотью. По нашей вере,⁸⁶ бог создал дух для вечной жизни. Ибо мысль, которая исходит от духа, не боится гибели, а раз мысль не может погибнуть, то и дух не подлежит гибели. А раз каплю не осилить, как же можно покончить с морем? Это и есть дух, что движется между нами, что чужую мысль понимает и ответ на нее дает.⁸⁷ Смотри, мы отдалены друг от друга, тело твое слабо и все-таки ты поняла то, о чем я думал, и уразумела то, что я сказал. Слово близко, а уносит мысль вдаль; а там, где письмо разумеют, там и буквы несут мысль вдаль. Ухо и глаз суть приемники мысли. В духе держится память, и сколько бы времени ни прошло, в нем остается то, что свершилось. И дух уносит с собой, с этого земного света, память о том, каким он был и как готовился к смерти.⁸⁷

91 Большая сказала: «Поверь, Юри, я снова встречу с теми, кто был мне дорог на этом свете. Эта надежда все более крепнет во мне, и смерть становится все милее».

Юри Тарвель. На это и я уповаю. Вселюбящий бог, сотворивший человека для блаженства, не разлучает тех, кто пребывал в чистой любви. Когда земная плоть более не скрывает нашего духа, мы ясно его зрим, словно дуну, с которой сползла туча, и мы видим ее сияние, видим и ее пятна. Там и люди живут вместе, добрые — друг другу на радость, злые — один другому на искушение.

92 В доме была печаль, не было надежды, что больной станет лучше. Все сидели озабоченные, молчаливые. Вдруг больная воскликнула: «Май! Тыну! Любимые мои детки! Вы пришли за мной, я иду!».

Все подошли к постели и увидели, что больная спокойно уснула. Через некоторое время она сказала: «Привиделся мне хороший сон, увидела я своих деток, которые умерли. Они пришли за мной, радость сияла в их глазах. Это было больше, чем сон. Душа моя была легка, и я не чувствовала в себе тела. Постелите мне одр,⁸⁸ поднимите меня из постели». Ее уложили на одр. Через некоторое время Анне сказала: «Она уже больше не дышит!». Подошел Март и посмотрел на любимую мать, взял ее руки, поцеловал и смочил своими слезами. «Спасибо тебе, что научила меня постичь бога и возлюбить его превыше всего и чтить его святую волю».

Подошел старик к ее одру, посмотрел на нее с печалью, упал на колени¹⁹ рядом с ней. То же сделали и остальные.

93 И была молитва старика: «Великий боже, иже жену мою со света сего позвал, возьми и меня поскорее, отче небесный, возьми к детям своим».

Юри позвал Марта: «Давай, понесем маму в клеть». Только подняли они лесенку, на которой лежала усопшая, как упала лучина, погас огонь. Когда же раскрыли настежь двери комнаты, сияла утренняя звезда; молодая заря озарила новый день. Небесная красота поразила Юри, оставила его и он сказал: «Видишь, Март, так зачинается день новой жизни нашей матушки.⁸⁸ Уже вкушает ее дух радость великую!».

Когда до мызы дошла весть,⁸⁹ что Лийзу умерла, явился писарь в дом и сказал: «Господин граф шлет песнопение, которое он сочинил в честь покойной жены твоей и в честь каждой доброй женщины. Я должен тебе это прочесть:

Ты мой голос не услышишь,
Мне тебя уж не забыть.
Радость вся с тобой уходит,
Без тебя мне не прожить.

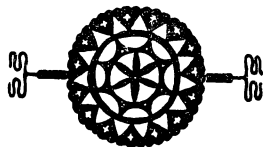
Одиноко я горюю,
Взор туманится слезой.
На твою иду могилу,
Славя смерть, не свет земной.

Сердце радость там почует.
Глас услышу с небеси.
Ты, жену к себе вознесший,
Душу и мою спаси!

У могилы на коленях
Смертный прах целую я.
С ней меня похороните,
В этом радость вся моя».

94

Сложив молитвенно руки,¹⁹ старик в слезах, вздыхая, сказал: «Благодарение да будет богу за смерть, ибо ею собирает он нас воедино!».

БАСНИ⁹⁰

1. ЛИСА И ВОРОН⁹¹

⁹⁵ Ворон несся по ветру, вкусный кусочек мяса во рту. Лиса заметила его; глазами впившись в этот лакомый кусочек, думала: хорошо бы выманить мясо у него изо рта! Лиса — хитрая тварь. Едва лишь уселся Ворон на ветвь, она под деревом тут как тут и гладким язычком заговорила: «Братец белоперый, рада тебя я видеть и голосок твой сладкий слушать! Что трели соловья против голоса твоего? Когда запоешь ты, сердце рвется и лес эхом отвечает! Ну, дай же голос твой послушать, сердцу на утешенье!». Ворон, услышав, голову набок, глазом моргнул и подумал: «Не зря же она меня хвалит! Надо ж для старой подружки спеть во весь голос!». Как открыл он рот, мясо — наземь, прямо перед Лисой. Схватив мясо, Лиса ⁹⁶ сказала: «Что ты сдуру там раскричался? Более подлого голоса и на свете не сыщешь! Ты послушай-ка лучше, что я тебе скажу: кто лести внимает, того обманывают, да глупость его высмеивают, ибо пустое тщеславие заполняет его сердце».

2. ПЧЕЛА И МУХА⁹²

Пчела на цветке мед сосала. Муха, учуя носом сладкий запах, подлетела. Пчела спросила: «Что, собственно, ты делаешь целыми днями? Ты все, вижу, летаешь с места на место, не сделала ты сот, не собрала меду!». А Муха в ответ: «Дел у меня много, то за одно, то за другое хватаюсь, всех дел так и не переделаешь!». Пчела дала ей понять, что этак работа не станет спориться, коль за многое разом браться, а до конца ничего не доводить.

3. СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ⁹³

Пуст был желудок Стрекозы, не знала она, откуда взять еды. Тут на ум пришел Муравей, его она всегда видала за работой. Не пойти ли к нему 97
взаимы просить?! Подошла к муравейнику, смотрит, Муравей, кряхтя, большую ношу тащит на себе. Вот он остановился, чтоб дух перевести. Подошла Стрекоза поближе и сказала: «Братец, тяжело тебе, небось?». А Муравей отвечает: «Что здесь, на этом свете, без труда и мук дается! Кто без труда обойтись хочет, того удел горе и нищета».

Стрекоза. У тебя, пожалуй, много накоплено добра; пришла просить еды взаимы.

Муравей. Тебе, лентяйке, давать взаимы? Все ты норовишь обмануть! Чем же ты все лето занималась, коль уж теперь у тебя пусто?

Стрекоза. Пригала я, состязалась с Хансом Листом да певала, время коротая.

Муравей. Ну что ж, напелась вдоволь, теперь с Хансом Листом всласть попляши!

Стрекоза. Тяжело плясать на пустой желудок.

Муравей. Работай, тогда и желудок не будет пуст. Не для того я трудился, чтоб тебя кормить. Ступай, трудом копи, тогда не бывать стыду, по миру ходить да хитростью брать взаимы. Честно копи, чтоб бог благословил. Ступай, ты зря мое время тратишь.

Прошла Стрекоза шаг, другой и легла под листом. День склонился 98
к вечеру, работа у муравьев вся сделана, все они в сборе на муравейнике. Вечер был славный, луна взошла. Стрекоза вылезла из-под листа и запела:

Глянь, луна — колесо золотое
Покатилось в озерный туман.
Солнце скрылось вдали за лесами,
Спрятав лик свой в тени голубой,
Только жаворонок не смолкает
И творца благодарит за любовь.

Когда Муравей выслушал эту песню, он взял сенное семя и отнес Стрекозе. Она сказала: «Спасибо тебе за подношение, но еще большее — за ученье! Слова твои глубоко запали в сердце мое и в голову. Я начну трудиться и честно копить, чтоб не приходилось мне у других милостыню просить».

Да будемте разумны, аки Стрекоза, и давайте жить по учению!

4. СОБАКА И КУСОК МЯСА⁹⁴

Жила Собака, получила она кусочек мяса. Проходя через реку, она заметила, что кусочек, отраженный в воде, казался гораздо большим. Она выпустила свой кусок изо рта, дабы взять со дна тот, что побольше.

99 Искала, искала напрасно. А течение тем временем унесло мясо за шлюз. Когда Собака взглянула на воду с пустой пастью, мяса она не увидела, не было его больше.

Стряхнув воду, Собака сказала: «Когда теперь у меня будет добро, не стану я искать лучшего».

Возлюбленные мои, когда вы на хорошем месте, не ходите искать другого. Новое место, что отражение на воде, всегда оно кажется лучшим. Горе — участь той собаки — может постигнуть и вас.

5. ЛОЖЬ И ВОЗМЕЗДИЕ ЗА НЕЕ ⁹⁵

Юри пас овец. Он, как это бывает у негодных людей, имел обыкновенные дразнить и обманывать. Вдруг он начал кричать и звать себе на помощь. Когда люди его слышали, они бросились к нему едва дыша. Прибежали, а он им смеясь говорит: «Ничего не стряслось, хотел, было, проверить, не дремлете ли вы».

Возвращались люди всердцах за то, что зря бежать пришлось, его ругая.

100 На третий день волк забрался в стадо. Одну овцу он растерзал, за других уж взялся. Ну, Юри давай кричать и звать людей на помощь. Никто не явился. Теперь же он понял: «Кто ко лжи прибегает, и правду его за ложь почитают».

6. ЗАГАДКА ⁹⁶

Нас четыре гладких брата, в один день у одной матери родились. Чего выиграют оба старших, младшие проиграют. После игры никто не может выигрыша назвать своим.

(*вжнэдэвэж тгоН*)

7. ЖИТНИЧЕК ⁹⁷

Житничек построил себе дом под большим камнем. Все сделал с умом, складно. Много добра накопил он себе там заботливым трудом. Немало колосьев ржи и ячменя было им припасено.

Тут на годы хватит! Могу и жену в дом привести. Детям нечего бояться, что нужда их толкнет на дурной путь.⁹⁸ Лишь бы мне бог послал жену, работающую и заботливую!

101 Приняв такое решение, Житничек принарядился, вылизал бока, лапы и пошел искать себе лучшую половину. Прошел добрый кусок, глядь, перед ним родное племя. Подошел, присмотрелся, подойдет ли к его норе.

Затем поздоровался и спросил: «Как вы время свое проводите?». Та отвечает: «Вожусь я с жуком, он взлетит, а я лапкой по крылышку. Тут он скоро свои крылья и складывает. Хочешь, посмотри!».

Побрел жених дальше, про себя думая: «Что буду я делать с той, что пустяками занимается да время зря изводит?! Нет, не быть из нее домохозяйки, что о доме заботится! Поищу себе жену по вкусу!».

И с этой надеждой пошел он дальше. Не успел он далеко пройти, видит другую мышку, колос ржаной во рту держит. «Вот моя суженая!». Осмотрелся жених, где бы такой же колос подцепить. Скоро нашел и ну за нею следом. У самой норы выпустил он колос изо рта и сказал: «Пришел я к вам на помощь, чтоб вам легче было!».

Девуца. Какой же это труд!? Умеючи работа спорится, не впервой мне; по куче видать, сколько накоплено.

Парень. Дозволено ль мне будет взглянуть на кучу?

102

Девуца. Родителей нет дома, не смею я вам позволения давать в наш дом войти, потерпите уж немного!

Тем временем вернулись родители. Едва заметив чужого у норы, они пустились к нему бегом.

(Хозяин, его жена, жених).

Хозяин. Не знаю я тебя! Кем будешь? Что тебе тут надо?

Жених. Не прощельга я! Недалече дом мой, отсюда за тремя бороздами. Будьте любезны, потрудитесь осмотреть его.

Жена и муж переглянулись, стоит ли-де идти. Хозяйка скоро собралась, и хозяйку сказала: «Пойдем, старик, раз нас он приглашает».

Хозяин. Ладно уж, пошли! Ты, доченька, дома оставайся, за двором следи и дело делай!

Идя по дороге, хвалили они солнечную погоду и обильный урожай, что бог послал. Подошли к норе. Тут хозяин просил гостей войти, сам же пошел вперед, чтоб все показать.

Там было несколько широких троп, которые он проложил, нося издалека различные злаки, стручки чечевицы и гороха. Увидев эти широкие дорожки и большие запасы, старуха завилала хвостиком и воскликнула: «О, о, какое здесь добро!». Никак не закрыть было ей рта, пришлось хозяйку дать ей чечевичный стручок. Едва получив подарок, она тут же попрощалась, сунула стручок в рот — и стремглав домой.

103

Мужчины остались. Тут жених спросил гостя, отдаст ли он ему свою дочь в жены. Когда старик-отец услышал это, он задней лапой почесал себе ухо и сказал: «Не знаю, что вторая половина себе думает, приходите к нам в гости. Когда посоветуемся, тогда и решение дадим знать».

Вернувшись домой, застал свою старушку распростертую на животе — до того она утомилась, неся стручок.

Когда старик завел разговор о сватовстве, бабка вскочила на ноги и закричала: «Как же мне без дочери обойтись? Нет, старик, не отдам дочь!».

Муж. Хорошо бы послушать, что дитя скажет.

Жена. Что у ребенка спрашивать, ты только предложи, она же рада-радехонька принять.

Муж. Ты б была недовольна, будь у тебя и три мужа!

Жена. Зачем бы мне не быть довольной, имея трех мужей! Я бы их всех заставила работать, а сама сидела бы в норе, не тужила бы.

104 Муж. Нет недовольницы больше тебя! Стоит ли с женщиной спорить, последнее слово все равно за ней останется! Ворчи себе сколько захочешь, а я пошел поговорить с дочерью.

(Дочь и отец).

Отец. Пришел я к тебе, доченька, по делу: есть для тебя жених. Не знаю, по душе ли тебе такой разговор.

Дочь. Конечно, по душе! Нынче осенью у нас съестных припасов полно, на несколько свадеб хватит. Четверг, говорят, хороший день⁹⁹ для свадьбы. Сыграй свадьбу в этот четверг, а?

Отец. Не будь же столь нетерпеливой, ведь я же и жениха-то еще не назвал!

Дочь. В самом деле, папенька, я совсем забыла спросить, довольно гладка ли у него кожа, востры ли уши, длинные ли когти?

Отец. Вот этого-то я и не заметил. По разговору, видать, серьезный и разумный, да и по сердцу, видать, чистая и добрая скотина! Весь дом его и все, что видел, сделано было честь-честью. Такой может к себе и жену привести.

Дочь. Бегу сказать маме!

105

(Мать и дочь).

Дочь. Мама, дорогая маменька, у меня жених, в четверг свадьба; он красив, кожа гладкая, здоров он кругом, не хромает и крестец в порядке.

Мать. Вот так разговор! А я для чего на свете? Разве я тебя не воспитала, от всякой напасти не оберегала, всякой работе не учила? Как же вы свадьбу без моего позволения и совета назначаете? Кто же он, жених твой, которому так не терпится? Ты даже по имени его не назвала!

Дочь. Уж отец его знает! Ведь не врал же он, не стал бы меня печалить. Вот он идет, спроси его, маменька, правда ли это.

(Отец, мать и дочь).

Мать. Скажи мне, разумник, что вы, детки, вдвоем затеяли? Вы, небось, думаете, что меня кошка съела, коль вы по своему разумению, без меня это дело проворачиваете? Ничего, можете теперь повременить.

106 Отец. Ну, зачем ты сразу зубы оскалила? Мы же с дочерью пришли, чтоб тебя послушать, чтобы мы в совете едины были. Да, чуть не забыл

сказать, что жених тебе и дочери послал большой привет. Он остался искать чечевичные и гороховые стручки получше, обещал принести их тебе в подарок.

Старушка, услышав такие речи, призадумалась, усы заиграли, а язык так и поехал по губам. Тут она и сказала: «Ладно! Видать, хозяин он домовитый, всяк, кто с ним знаком, хвалит его».

Как только эти слова были сказаны, дочь забежала из угла в угол, хвостик на спине, на выход поглядывает, не идет ли уж жених.

У кого добрые нравы и кто по разуму живет, всякое дело у того спориться будет.

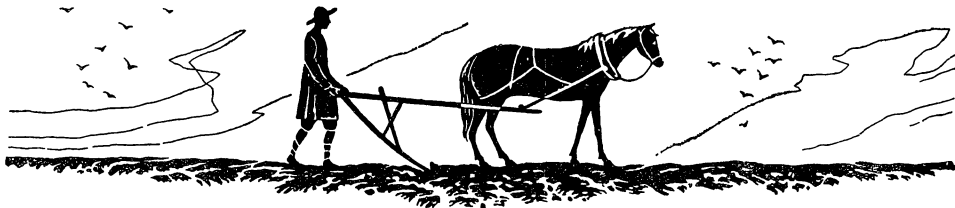
Люд земли эстонской!

Пусть это будет тебе на память, что мил ты сердцу моему.¹⁰⁰

10-го дня мая месяца
1838 года.

Старшина¹⁰⁰ мызы Равила
П. Гр. Мантейфель.

ПРИЛОЖЕНИЯ

СТАРИННАЯ ЭСТОНСКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ И «ДОСУГ ПРИ СВЕТЕ ЛУЧИНЫ» П. МАНТЕЙФФЕЛЯ

Русский читатель захочет, вероятно, узнать подробнее о месте предлагаемого памятника в литературе, а заодно и ближе познакомиться со старинной книжной культурой народа Эстонии. Этому возможному пожеланию идет навстречу настоящая статья.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Об истоках и путях развития эстонской книжной культуры русский читатель будет склонен судить по аналогии с историей русской литературы. В подобном, вполне естественном подходе читателя нельзя упрекнуть. Есть много общего в исторических судьбах эстонского и русского народов, издавна живущих по соседству. Культурное общение между ними началось еще во времена Киевской Руси. Об этом свидетельствуют в эстонском языке ранние заимствования культурных понятий и предметов восточнославянского происхождения. Христианское имя Ярослава Мудрого носил укрепленный им город Тарту (Юрьев-Ливонский, Дерпт).

С петровских времен, вплоть до крушения романовской империи, на протяжении двухсот лет Эстония входила в состав России.

Эстонский и русский народы пережили немало общих бед, страдая от феодального гнета и самодержавия. Их дружба крепла в общей борьбе за свободу и социальную справедливость.

Наряду с фундаментальной общностью судеб этих, ныне объединенных одной целью, народов Советского Союза имелись в прошлом немалые различия в их исторических путях. Сопоставление аналогий и различий в свете социальной структуры общества, их породившего, способствует пониманию культуры народов и помогает исторически правильно понять прогрессивные черты и осудить реакционные тенденции, иногда одолевавшие литературу. В кратком обзоре, однако, уместно обратить внимание читателя преимущественно на особенности исторического развития, обусловившие своеобразие эстонской культуры.

До вторжения немецких и скандинавских крестоносцев в прибалтийские земли в начале XIII в. эстонские (прибалтийско-финские) племена были на пути к политическому сплочению. При более благоприятных обстоятельствах это привело бы, вероятно, к образованию феодального государства, как это имело место у литовцев, скандинавов и славян, их (эстонцев) соседей. Но условия оказались неблагоприятными. Народ попал под иго немецких и датских, а впоследствии также шведских и польских феодалов на целых 700 лет.

Ничего удивительного, что письменность у эстов возникла позднее, нежели у русских, да и стала она развиваться иными путями. Если в период феодальной раздробленности и монгольского владычества русская книжная культура, духовная и светская, развивалась, замкнувшись в монастырях, оставаясь достоянием только высшего клира и боярства, эстонская письменность, зародившись позже (XVI в.) под церковно-протестантской опекой, с самого начала была в силу оппозиционности раннего лютеранства к феодальному строю так или иначе предназначена для общения с «низами» и поэтому скоро стала в какой-то мере доступной народу.

Присоединение земель, населенных эстами, к дворянской Российской империи в начале XVIII в. не только сохранило, но и значительно расширило привилегии остзейских дворян, «наследников» завоевателей. С наступившим затем полным закрепощением крестьян приток эстоноязычного населения в города по существу прекратился. Горожане эстонского происхождения постепенно онемечивались. Сроднившись с немецким и шведским бюргерством, они все более отчуждались от своих закрепощенных соотечественников-крестьян. Некоторые из них подались в Петербург, где они, как лютеране, пользовались теми же привилегиями, что и приезжие «немцы». Города Прибалтики, особенно в XVIII в., приняли северноевропейский, «немецкий» характер, эстонский народ и его культура стали крестьянскими по преимуществу.

Немецкое меньшинство в Эстонии. Значение неэстонского, остзейского, немецкого населения ни в коем случае не следует ни переоценивать, ни обходить молчанием. Немцев в Эстонии никогда не проживало более 30—50 тыс. человек. (В 1939 г. покинуло свою родину, чтобы отправиться в «отчизну», 13 тыс.). Это составляло не более 1—2% (по некоторым данным, 3—5%) общего, подавляюще эстонского населения. Не

менее 80% немецкого меньшинства проживало в городах, остальные постоянно пребывали в сельских местностях. То были пасторы, врачи и чиновники различных ведомств, землевладельцы, а также персонал мыз, промыслов, как например, винокуры, агрономы, учителя и т. д. В сущности население, говорящее отроду по-немецки, составляло меньшинство и в городах. Тем не менее это меньшинство издавна владело непропорционально огромной частью достояния и дохода этого края, чем именно и определялось его господствующее положение. Классовая вражда, тесно переплетенная с национальной рознью, все больше влияла на сознание одних и других. Разумеется, неприязнь перенеслась постепенно и на сферу языков, культуры.

Эстонский язык — это язык Эстонии. Двужычие немецкого меньшинства в XIX в. в условиях некомпактного расселения было естественным и, как утверждает исследователь А. Вейсс (Andreas von Weiss. Hauptprobleme der Zweisprachigkeit. Eine Untersuchung auf Grund deutsch-estnischen Materials. Heidelberg, 1959, p. 10), даже типическим явлением. Однако социальное значение эстонского и немецкого языков было отнюдь не равноценным. Эстонский язык был и остался подавляющим, жизненно необходимым и для господствующего меньшинства, хотя в культурном отношении, на первый взгляд, этот «мужицкий» язык неэстонцу ничего дать не мог, кроме разве материальной выгоды. Но и этот стимул был достаточным. Эстонский язык местными неэстонцами в те времена не изучался по книгам, а воспринимался естественно, в непосредственном общении, как воспринимается язык родной. Городские слои, ремесленники эстонского происхождения также естественно владели и немецким языком. Знание же немецкого (как, впрочем, и русского) языка открывало эстонцу путь в «высший свет», давало возможность приобрести «тонкую» профессию, переехать в близкие и далекие города, в Петербург и вольготнее устроиться. Несмотря на истинную, а частично и мнимую выгоду, которую сулило онемечение, лишь относительно небольшая часть населения порвала узы, связывающие ее с собственным народом, хотя эти «узы», будучи социальными, были, следовательно, весьма неустойчивыми. Переход от народа к народу был для определенных социальных групп, преимущественно городского населения, гораздо более легким, чем это кажется теперь. Тем более, что немецкий язык в Эстонии, за исключением десятилетия между обеими мировыми войнами, отнюдь не носил характера национального языка немецкого народа.

Воздействие эстонского языка на родной язык немецкого населения проникло, пожалуй, глубже, нежели влияние германского на эстонский язык. Так, в Эстонии сложился особый территориальный немецкий говор с существенными фонетическими особенностями, между тем как у эстонских мещан, склонных к ассимиляции и даже к сознательной измене, сложился всего лишь некий жаргон с вычурными, «модными» оборотами и социально выраженной, заимствованной лексикой.

В учебных пособиях нуждались только приезжие пасторы. Они-то первыми и занялись изучением языка, написанием грамматики, переводами.

Таким образом, трудный процесс превращения эстонской устной народной речи в язык книжной письменности длился веками, вплоть до середины XIX столетия, преимущественно усилиями немцев, нередко даже приезжих. Это оставило глубокий след как на форме, так и на содержании эстонской письменности, как, впрочем, и на отношении народа к печатному слову и письменности к народу.

Итак, в первой половине XIX в., когда национальная русская литература достигла пышного расцвета, в Эстонии, совсем недалеко от Петербурга, на эстонском языке издавались лишь неприхотливые народные книжки.

Одна из причин этой скудости и кроется в отсутствии просвещенного читателя, «эстонской аристократии» или «сознательной» национальной буржуазии, т. е. обеспеченных классов, способных (как, например, в России) на определенном этапе поощрить (в силу национальных интересов) талантливых писателей. Единственным «потребителем» печатного слова на эстонском языке вплоть до конца XIX в. был в сущности эстонский крестьянин, а эта предназначенная для него письменность по своему объему (несмотря на малочисленность народа), да и по уровню не уступала ни русской, ни немецкой литературе для крестьян (что только и подлежит какому-то сравнению).

Лишь с середины XIX в. появляются наконец из крестьянской среды достаточно образованные люди, способные заложить основы новой национальной литературы. Основателями этой литературы, стремившейся пробудить в эстонском народе и его просвещенной молодежи чувство собственного, национального достоинства, считаются Фр. Фельманн (1798—1850) и в особенности Фр. Р. Крейцвальд (1803—1882). Это они сумели из разнородных элементов сковать эпос «Калевипоэг» (1861), воодушевлявший не раз эстонский народ на борьбу за свободу.

Позже (1860—1880), вдохновленные любовью к родине, взялись за перо поэтесса Койдула, поэт Кульбарс, языковед и поэт Веске, прозаик Пярн, К. Р. Якобсон и другие, которые в духе своего времени стали развивать эстонскую письменность.

Поистине подвигом стало всенародное собрание (и частичная публикация) устных преданий, затеянное Якобом Хуртом, сумевшим мобилизовать лучшую часть молодежи на служение демократической культуре. Доселе не писанная словесность, романтически считавшаяся тогда, в духе учения братьев Гримм, национальным наследием, подлежащим неотлагательному спасению, стала, таким образом, достоянием и книжной культуры.

Лишь в самом конце XIX и начале XX в. эстонская литература медленно вступает в пору относительной зрелости уже в тесном взаимодействии с русской и мировой литературой. Этот период, противоречивый в своей классовой сущности, в стиле и методе, связан прежде всего с име-

нами Вильде, Китцберг, Сяргава, Туглас, Суйтс, Таммсааре и др., основные произведения которых ныне доступны и в русском переводе.

На высоком подъеме находилась литература при установлении Советской власти в Эстонии (1940 г.).

Эстонская литература послевоенного периода, являясь частью многонациональной советской культуры, лучше всего известна русским читателям (превосходящим, быть может, по числу читателей оригиналов, которых на свете около одного миллиона человек).

После языка именно литература явилась едва ли не самым могучим оружием эстонского народа в борьбе за духовный суверенитет против немецкого влияния. Эстонская литература помогла сохранить эстонский облик, быть может, самой уязвимой и жизненно важной пограничной провинции Российского государства, на которую исстари покушались чужеземцы. Это имело положительное значение и для России во время международных конфликтов, и для революционного движения.

ИЗ ИСТОРИИ РАННЕЙ ЭСТОНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Древнейшие памятники эстонского языка восходят всего лишь к XII—XIV вв. В старых летописях мы находим отдельные эстонские слова и фразы, записанные неэстонской рукой, латинскими буквами по чуждому правописанию.

Католическое духовенство, олицетворявшее одновременно и духовную и светскую власть, не испытывало особой необходимости иметь даже богослужебные книги на языке местного населения, так как служба совершалась на латинском языке. Сведения о печатном слове за весь «католический» период (до XVI в.) скудны. Со временем число языковых памятников увеличивалось, разнообразнее становился их характер.

В силу многих обстоятельств средневековый гуманизм и Ренессанс, способствовавшие процветанию литературы на итальянском, английском и французском языках, почти совсем не коснулись эстонского народа, несмотря на наличие прочных экономических связей между Прибалтикой и Западной Европой. Лишь Реформация, порожденная мощным движением крестьян и городских слоев немецких земель, быстро распространилась в Эстонии (уже в 1522 г.).

Реформация и первопечатные книги. Успехи антикатолической Реформации в земледельческой Эстонии объясняются видным положением Риги и Таллина в Ганзейском союзе и некоторыми другими обстоятельствами. Судя по письмам Лютера к городским властям Таллина, он лично заботился о внедрении нового учения в Эстонии. В этой связи увидела свет (вероятно, в количестве 1500 экз.) одна из самых ранних дошедших до нас книг на эстонском языке — лютеранский катехизис, появившийся в 1535 г., т. е. несколько раньше, чем подобные книги у соседних

народов: у финнов (1540), латышей (и даже за несколько лет до появления первопечатных книг на русском языке).

Любопытна в культурно-историческом отношении история этой ранней книги. Нидерландский немец Ванрадт (род. 1500) пребывал в период Реформации (1525—1529) в Тарту. После учения в Виттенберге, этой богословской цитадели Лютера, он вернулся магистром в Таллин, став проповедником в кирхе св. Николая. Сбежав вскоре с любовницей из Таллина, Ванрадт долго скитался по разным городам Эстонии и, наконец, попал в Кенигсберг, где потом состоял при университете. Оттуда он был послан в Вильну и положил там начало евангельской проповеди на литовском языке. Им был сочинен катехизис для прибалтийских народов. Не владея, вероятно, эстонским языком, Ванрадт поручил перевод катехизиса своему сослуживцу Кыллю. При поддержке городских властей Таллина книга была напечатана в Виттенберге 25 августа 1535 г. и через Любек доставлена в Таллин, где она была конфискована (ее фрагменты были случайно обнаружены в 1929 г.).

Катехизису Ванрадта—Кылля предшествовали некоторые другие издания духовного содержания на языках прибалтийских народов (см.: P. Johansen. Zeitschrift für Ostforschung, 1959, p. 523f.; E. Siirak, «Keel ja Kirjandus», Tallinn, 1960, p. 703).

XVII век. Все наследие эстонской книжности XVII в. восходит к 1632—1700 гг. и сводится к 42 учтенным печатным произведениям, содержащим вместе около 10 тыс. страниц. Сюда относятся 32 книги (9651 стр., в среднем по 302 стр. каждая) и 10 брошюр (185 стр., в среднем по 19 стр. каждая). 86% всего известного печатного наследия XVII в., т. е. 26 книг, богослужебного содержания. Вся светская литература этого столетия состоит из 4 грамматик и 2 букварей. (Пожалуй, только буквари-азбуки были непосредственно предназначены для народа).

По условиям того времени всякое печатное слово на эстонском языке внушало чувство национального достоинства и будило мысль забитого крестьянского народа.

Взаимоотношения светской и духовной литературы отличаются тонкой диалектикой, многими недооцениваемой. Эти термины весьма условны. Светская литература не всегда прогрессивна, как не всегда письменность являлась реакционной лишь потому, что она церковна. Пропась между этими литературами временами сокращается, иногда увеличивается. Только безнадежные формалисты и вульгарные социологи заранее определяют ценность литературного памятника вне времени и места по его форме или по социальной принадлежности автора. В известных условиях и церковный хорал может звучать как революционный гимн.

Значение письменности XVII в. Начало XVII в. в истории эстонской письменности ознаменовано рукописным сборником проповедей, принадлежащих Георгу Мюллеру.

В 1601 г. этот уроженец Таллина занял место Б. Руссова, знаменитого летописца, пастора кирхи св. Духа в Таллине. Мюллеру суждено было стать свидетелем опустошительных войн, страшного голода и свирепого мора, постигшего город в первые годы XVII в. После его смерти, последовавшей в 1608 г., осталась рукопись проповедей, им же, вероятно, сочиненных, в которых исследователи нашли отражение очень любопытных бытовых подробностей. Эта рукопись является первоклассным памятником, за-

вершившим длительную эпоху в развитии литературного языка. В литературном отношении проповеди Георга Мюллера, оставаясь в рукописи, подобно другим спискам богослужебного назначения, мало изучены. Между тем проповедь не только занимала центральное место в протестантском богослужении, но, являясь своеобразным устным достоянием лютеранских народов, оказала на письменность значительное влияние (см. U. M a s i n g in: EKSAr X 1964, p. 123).

Возрождение эстонского печатного слова наступило лишь после Столбовского мира (1617), заключенного между Швецией и Россией. Последовавшее вскоре в Альтмарке соглашение, по которому Польша уступила Лифляндию (Ливонию) шведскому королю Густаву Адольфу, воссоединило эстонский народ под единой верховной властью. Усиливая свою администрацию, Густав Адольф дал указание упорядочить лютеранскую духовную власть. В этом деле принял видное участие уроженец Таллина богослов Генрик Шталь (1600?—1657).

Шталь собрал и дополнил имевшиеся в эстонских приходах рукописные богослужебные сборники, подготовив таким образом к печати свою четырехтомную «Подручную и домашнюю книгу для княжества Эстонии в Лифляндии» — 1632—1638 гг. (Hand- und Haußbuch für die Pfarherren und Haußväter Esthnischen Fürstenthumbs etc., von M. Henrico Stahlen etc., Revall, Anno MDCXXXVII). Текст, состоящий из катехизиса, напутственных слов и фрагментов из евангелия, проповедей и молитв-хоралов (это характерно для многих печатных произведений XVII в.), расположен на каждой странице параллельно, по-немецки и по-эстонски. Видимо, эти книги (как, впрочем, и 4 грамматики) предназначались преимущественно для приезжих пасторов неэстонского происхождения. (Коренные эстонцы к лютеранскому духовному сану, надо думать, не допускались из классовых, политических соображений, а «отцы семейств» в первой трети XVII в. еще не успели приохотиться к чтению). К тому же Шталь решил «упорядочить» эстонский язык, исходя из совершенно несостоятельной концепции. Его книги оказались неудобочитаемыми для эстонца, а хоралы абсолютно непригодными для песнопения.

Эстония середины XVII в. вовсе не была захолустьем, каким ее иногда пытаются изобразить. Уже в XVI в. в городах Тарту и Таллине стали действовать школы. Умение читать вскоре распространилось и в народе. В окрестности города Тарту, например, почти во всех приходах имелись школы для обучения народа грамоте. Первый букварь вышел в свет еще в 1641 г. Основанный Форселиусом в 1684 г. семинар выпустил вскоре около 160 молодых учителей-эстонцев, продолжавших сеять доброе семя во всей Эстонии, которая по уровню народного просвещения едва ли отставала от своих великих соседей.

Интеллектуальная жизнь прибалтийских центров по своему уровню не уступала таковой западноевропейских городов. В Таллине и Риге нашли убежище многие выдающиеся люди, бежавшие из немецких земель, опустошаемых Тридцатилетней войной. Им уже был чужд дух коло-

ниального стяжательства, характерный для их меченосных предков. Они еще были лишены и прусской спеси, присущей их воинственным потомкам. Многие пришельцы относились к местному населению с большим сочувствием, чем туземная знать, а некоторые пришельцы стали даже свое имя писать согласно народному эстонскому произношению (например, Штаден, Луце, Виллманн). Но эти высокообразованные богословы наивно верили, что все несчастья (и они видели бедственное положение населения) происходят оттого, что эстонский народ вынужден безмолвствовать, когда иные народы хвалят бога! Поэтому эти предтечи эстофилов сочли первостепеннейшей задачей составление молитвенника на эстонском языке. За это дело взялись пребывавшие в Таллине в конце 30-х годов XVII в. пасторы и поэты: Салеман, Гилеус, Брокман и Гёзеке (старшие). Судя по сочиненным ими в разное время (1637—1641) анакреонтическим виршам-посланиям, которыми они по великосветскому обычаю обменивались между собою по случаю семейных торжеств, эти приезжие ученые успели обнаружить поэтические достоинства эстонского языка (бывшего тогда, видимо, еще в таллинском обиходе) и его пригодность к рифмованному стихосложению. Как пасторы они, естественно, обратили внимание и на жалкое состояние богослужбной поэзии. Сообщая они свели воедино имевшиеся в рукописях или уже опубликованные Штадем литургические хоралы, перевели или же сочинили многое заново. В результате их усилий в Таллине начиная с 1656 г. выходит в свет новая «Подручная, домашняя и церковная книга для пасторов и отцов семейств» (уже без немецкого параллельного текста!). Эта книга перерабатывалась и перепечатывалась (2-е изд.—1673, 3-е изд.—1693) и в XVIII в. большими тиражами и уже тем самым сыграла выдающуюся роль в истории народного просвещения, в деле воспитания поэтического вкуса к рифме.

После немцев, шведов и датчан, оплота Реформации, доселе малоизвестный эстонский народ благодаря этой книге перестал быть, по понятиям того времени, «безмолвствующим». И хотя составители сулили в предисловии эстонским крестьянам «вечную свободу» лишь после «перенесенного пожизненного рабства», тем не менее *sub specie aeternitatis*, укрепляя духовный суверенитет, равноправие эстонской церкви, поэты в какой-то мере способствовали национальному самоопределению и раскрепощению народа.

На раннюю эстонскую письменность, в частности XVII в., литературоведы долго смотрели глазами просветителя-вольнодумца XVIII столетия, видя в этой письменности лишь «религиозную проповедь», в лучшем случае лишь «бесполезные хоралы» и только! Между тем известно, какая огромная сила духа была раскована Реформацией в Германии переводом богослужения на родной повседневный язык. В меньшей степени это можно сказать и об Эстонии. Не только смелый язык этих хоралов (местный язык простого люда, а не господ!) звучал вызывающе.

Содержание, образы хоралов XVII в. гораздо более земны и в социальном отношении более радикальны, нежели язык и произведения пиетистского XIX столетия. Гёзекен открыто выступает против крестовых походов католических инквизиторов, все еще мечтавших уничтожить лютеранскую «ересь», угрожая этим и Эстонии. Сравнивая мызу с адом, просвещенный горожанин Салеман обвиняет ее в алчности, которая приводит ко всеобщему бедствию:

Велика адова мыза,
Никогда не бывает она полной.
Богатая алчная мыза
До тех пор не успокоится,
Пока рот не наполнится землей
И не почует огня геенны.
Вот тогда ты, алчная, получишь
И даже больше, чем желала.

Пройдет немало времени, прежде чем подобная точка зрения, отвевающая народным воззрениям, отраженным в фольклоре, снова проникнет в публицистику, в литературу светскую.

Не удивительно, что еще в XIX в. из церковного обихода были удалены чересчур смелые хоралы. Забвению были преданы стихотворения, восхваляющие мир и порицающие войну, вкуче с именами составителей книги. [См. G. Suits, M. Lepik. Eesti kirjandusajalugu tekstides, I. Tartu, 1936; P. Ariste. 17 saj. eestikeelsetest lauludest. Edasi, Tartu, 8 VI 1956; U. Masing, A. Soosaar. Kolme sajandi eest värsistatud lauluraamatust. EELK Aastaraamat 1956 Tallinn (1957), pp. 49—74].

В 1678 г. выходит в свет сборник И. Бёклера, содержащий шесть стихотворений. Они даются параллельно на немецком и эстонском языках (История Эстонской ССР, т. I. Таллин, 1961, стр. 469).

XVIII век. Все книжное наследие XVIII в. состоит из 220 учтенных печатных произведений (в среднем свыше 8 стр. каждое!). Сюда относятся 121 книга и 99 брошюр. Однако 52%, т. е. 115 книг духовного назначения, составляют 31 582 стр., тогда как 48% светских насчитывают всего лишь 5817 стр.! Притом 74%, т. е. 85 единиц светской литературы, представляют собой календари. Несмотря на опустошительную для Эстонии Северную войну и усилившееся закрепощение крестьян, книгопечатное дело продолжает развиваться, особенно в последней трети столетия.

О продолжающемся интересе к эстонскому языку среди неэстонцев свидетельствует выход в свет двух грамматик (Тор Хелле и Хупеля). Значительный вклад в распространение грамоты внесли 6 букварей. В конце века появляются в печати 6 «общеполезных» книг поучительного содержания: врачебная книга Хупеля — 1771 г., «Кухонная и поваренная книга» — 1781 г. и др.

Во второй половине XVIII столетия увидело свет шесть произведений, которые можно назвать беллетристическими. Об этом подробнее

ниже. Доселе неизвестное стихотворение этого рода, сочиненное на эстонском языке Карлом Г. Штаденом, выявлено недавно О. А. Веберманном, см.: О. А. Webermann. Ein estnisches und ein ungarisches Gelegenheitsgedicht a d. J. 1721. Ural-Altäische Jahrbücher Band XXIX, N. 1—2, Wiesbaden 1957, р. 38—44. Знаменательно, что автор приветственных виршей был весьма расположен к эстонцам и их языку, хотя он и был решительным противником гернгутерства, весьма способствовавшего распространению эстонской письменности в XVIII в.

Библия. Крупнейшим достижением эстонского печатного слова в XVIII в. был перевод библии.

В языковом отношении Эстония делится на две зоны: на севере говорят на так называемом таллинском, а на юге — на тартуском диалекте. Отчуждению сильно способствовала административная граница, снесенная лишь революцией 1917 г. Южная часть Эстонии подчинялась Риге, принадлежа к Лифляндии, а северная часть составляла особую территорию, Эстляндию, с центром в Таллине.

Соответственно сложившимся историческим условиям издавна начали складываться две письменности, два литературных языка. Книги на южноэстонском наречии, очевидно для населения Лифляндии, выходили преимущественно в Риге. Две книги, обе богослужебного назначения, содержащие отрывки из евангелия, дошли до нас с 1632 г.

Переводческая деятельность, поощряемая властями, развивалась благодаря усилиям Виргиниусов (старшего и младшего), Форселиуса и др. В последних десятилетиях XVII в. издание эстонских книг в Риге заметно увеличивается. Самой значительной книгой явился перевод Нового Завета (1686). О заметном расширении исторического и географического горизонта эстонских читателей свидетельствует появление в свет, правда в виде приложения к большому катехизису, пожалуй, первой исторической повести на эстонском языке — «О разрушении града Иерусалима» (1690).

Переводом библии на североэстонский язык, а затем и экономическим развитием страны и в силу ряда других обстоятельств говор северной Эстонии и Таллина постепенно утвердился в качестве общенародного, литературного языка, хотя первоначально на нем говорило меньшинство населения.

Переводчики библии на так называемый таллинский язык, особенно Хорнунг, а потом и Тор Хелле, решительно порвали с церковной традицией. Церковная иерархия продолжала отстаивать прерочный стиль Штала, плод насилия немецкой грамматики над живым организмом эстонского языка. И хотя этот искаженный, но освященный язык успел прийтись по вкусу консервативным пасторам и даже некоторым онемеченным горожанам, переводчики библии смело обратились к повседневной речи крестьян. Язык Хорнунга, например, народен в своей основе, хотя автор не был эстонцем.

Новый Завет печатается в Таллине в 1715 гг., т. е. в условиях Северной войны. Самое трудное — перевод Ветхого Завета с бесконечно далекого языка оригинала на язык эстонских крестьян — было еще впереди. За это дело, отнюдь не лишенное некоторого миссионерско-политического аспекта, принятию сообща Рижская и Таллинская консистории. Главная заслуга принадлежала здесь Антону Тор Хелле, человеку, прославившемуся уже своей грамматикой и вообще широкими познаниями в области языков. Он проделал гигантскую, поистине исследовательскую,

«полевую» работу в поисках нужных слов, точных соответствий. Рукопись была представлена в 1736 г. При помощи небезызвестного графа Цинцендорфа (1700—1760) на средства, полученные займы от прежнего губернатора Лифляндии, приступили, наконец, в Таллинской типографии к печатанию библии. К сожалению, наблюдение за корректурой было поручено профессору гимназии Бийку, который умудрился, вероятно из набожности, внести в текст (разумеется, без ведома Тор Хелле) артикили по образцу немецкого языка. В этом испорченном виде книга увидела свет в 1739 г.

Едва ли возможно переоценить значение перевода этой книги в истории эстонской письменности. Потребности лютеранской церкви в печатном слове были в сущности удовлетворены. Народ получил большую, многостороннюю, занимательную, хотя и противоречивую книгу, которую он мог читать и главное толковать по своему разумению, без помощи пастора и вне кирхи. Непосредственное общение крестьян того времени со «словом божьим», как это известно и на русском примере, делало их независимыми от всякого «земного» авторитета, а это был первый шаг и к духовной самостоятельности. [См. J. H a r d e r. Kleine Geschichte der orthodoxen Kirche. 1963, p. 130. E. v. D o b s c h ü t z. Die Bibel im Leben der Völker. 1954].

В условиях почти полного отсутствия материала для занимательного чтения библия успешно выполняла функцию «чтива».

Независимо от содержания библии самое наличие эстонского перевода среди множества переводов библии на другие языки, чтение одной и той же книги во многих странах внедряли идею исторической общности с другими народами и расширяли географический горизонт даже в условиях закрепощения и вынужденной изоляции. Общность и преемственность европейской культуры сказались в различных сферах народной жизни, вселяя надежду на будущее.

Таково функциональное значение перевода библии, которое временами оказывалось в противоречии с происхождением и воздействием (обусловленным толкованием содержания) этой многоликой книги.

Присоединение Эстляндии и Лифляндии к Российской империи обеспечило истощенному народу мир на целых двести лет — небывалая передышка для этого края. Едва население научилось читать, едва изнуренные крестьяне успели одолеть увесистую библию, как наступил новый, просвещенный XIX век.

XIX век. В развитии эстонской книжности второй четверти XIX в. наблюдается даже некоторый застой. Сказалось тяжелое материальное положение крестьянства, жестоко эксплуатируемого небольшой кучкой мызников, а также усилившаяся политическая реакция центрального правительства. Все же и за первую половину XIX в. увидело свет 638 печатных произведений (итого 77 301 стр., что составляет примерно по 0,10 стр. на душу — цифра, независимо от тиража, внушительная!).

Соотношение духовной и светской литературы остается прежним. Изменился, однако, характер светской книжности. Правда, 58%, — 166 печатных произведений, — это все еще календари. Но и их вид и содержание значительно улучшились. Доля же беллетристики постепенно увеличивается. Появление книги П. Мантейффеля «Досуг при свете лучины» в 1838 г. ознаменовало собою перелом в количественном и качественном развитии эстонского печатного слова.

СТАРИННАЯ БЕЛЛЕТРИСТИКА НА ЭСТОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Чтобы оценить по заслугам вклад Петра Мантейффеля в эстонскую литературу, надо ближе ознакомиться с состоянием эстонской просветительской письменности конца XVIII—начала XIX в. и представить себе ее художественный уровень.

Просвещение. В чем же состояла просвещенность века? Просветительством принято считать усилия, направленные на разоблачение ложных представлений о действительности. Просветители боролись за освобождение от уз невежества, от преклонения перед официальными авторитетами, особенно церковными. Мироустройство они объясняли, исходя из доступной им науки, из разума. Как материалисты, просветители признавали также и значение чувственного опыта. Чем глубже была убежденность просветителей в возможности объяснения и переустройства мира на разумных началах, тем сильнее сказывался их оптимизм. В моральном отношении их оптимизм выражался в утверждении чувственного счастья, в искреннем стремлении осчастливить себя и других прежде всего путем просвещения ума и воспитания добродетелей.

Практически этот пафос находил выражение в гуманном и терпимом отношении к людям (даже к их невежеству и заблуждениям) независимо от их происхождения и положения в обществе. По условиям времени еще не проповедовался принцип равноправия народов. Национальные отличия вообще оставались в тени. Внимание было обращено на человека и устремлено к общечеловеческому идеалу. В основном склонялись к мысли, что не народы и, пожалуй, даже не сословия, а люди, просвещенные и добродетельные, должны быть равноправны.

В каждой стране, затронутой течением просвещения, эти идеи проявлялись своеобразно, в зависимости от уровня развития социальных сил, бравших их на вооружение в классовой борьбе.

В Англии Просвещение, зародившееся как движение еще в XVI в., носило передовой политический характер и было направлено против церковной власти. Соответственно уровню производительных сил и науки английская философия Просвещения носила выраженный эмпирический характер (Бэкон, Гоббс, Ньютон, Локк).

Во Франции, между тем, Просвещение было сначала склонно к скептическому рационализму и тем самым к аристократическому свободомыслию. Демократические и критические элементы просветительства получили во Франции широкое развитие и применение лишь в период буржуазной революции 1789 г.

В раздробленной Германии в соответствии со сложившимися здесь общественными отношениями Просвещение носило непоследовательный, эклектичный характер. Но именно у немцев просветительство оказало (как нигде) значительное влияние на художественную литературу и вообще на книжность. Отвлекаясь от сугубо теоретико-литературоведческой деятельности немецких просветителей, рассчитанной на узкий круг академически подготовленных читателей, следует отметить, что именно немецкое Просвещение стало обращаться непосредственно к народу путем печатного слова. Появились периодические издания для мещан, кое-какие книжки для крестьян. Складывается тип «народной книги». Из литературных жанров особое значение приобретает басня.

Первоначально в силу особо сложившихся условий протестантская церковь в землях северной Германии покровительствовала Просвещению, видя в нем полезное оружие в борьбе с католичеством. Однако разрушительная сила просветительского рационализма и его опасность для лютеранства были вскоре осознаны. Намечается путь к компромиссу, обусловленному состоянием классовой борьбы. Сначала подымается волна пиетизма с выраженным антиклерикальным уклоном. Литературу одолевает вскоре сентиментализм.

Идеи немецкого противоречивого и социально несмелого Просвещения, проникнув в Прибалтику, находят здесь сочувствие прежде всего среди лютеранских пасторов, бывших студентов немецких университетов. Этим и другими историческими обстоятельствами, сложившимися в остзейских провинциях России, и был обусловлен характер местного запоздалого Просвещения. (О распространении пиетизма гернгутерского и галлензийского толка в Прибалтике, о роли Цинцендорфа и А. Г. Франке в этом движении, в частности о связях университета Галле с Эстонией и Россией см.: J. Ph. Fresenius. *Bewährte Nachrichten von Herrnhutischen Sachen IV*, Leipzig 1751, p. 245—337; E. Winter. *Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert*. Berlin, 1953, p. 255—276).

Антикрепостнические, прогрессивно-буржуазные и демократические идеи английских, французских и русских просветителей находят иногда выражение в местной публицистике на немецком языке, предназначенной для землевладельческой аристократии и других привилегированных сословий. В литературе же на эстонском языке, предназначенной, разумеется, для крестьян, антифеодалная сторона Просвещения остается в тени (уже по цензурным причинам, в обстановке все усиливающейся классовой борьбы). Если считать основной чертой Просвещения ее антикре-

постнические тенденции, то эстонская письменность соответствующего периода едва ли может назваться просветительской. Выраженные антикрепостнические демократические черты появляются в эстонской литературе вообще довольно поздно, лишь в произведениях Фельманна и Крейцвальда. Однако комплекс идей, свойственных Просвещению, как было отмечено, гораздо сложнее. Применительно к Эстонии или России (см.: П. Н. Берков. Основные вопросы изучения русского просветительства. В сб.: Проблемы русского просвещения в литературе XVIII в., М.—Л., 1961, стр. 5—27) понятие «Просвещение» должно толковаться шире, тем более что значительная часть литературы, которую мы называем просветительской, увидела свет уже после отмены крепостного права, когда назревали более острые и совершенно непосильные для просветителей вопросы.

Местные литераторы еще долго будут прилагать усилия к улучшению жизни народа путем распространения знаний, выступая за рациональное использование имеющихся весьма скромных возможностей в условиях существующего правопорядка. Это настроение вообще присуще литературе прошлого, ждать иного было бы в данном случае неправильно.

Сомнений тут быть не может: немцы, писавшие по-эстонски для своего народа, уже тем самым были просветителями-рационалистами. Они взялись за перо не столько желая удержать народ в повиновении, сколько стремясь помочь ему выгодно вести хозяйство, беречь здоровье, смягчать нравы. Словом, они ратовали за «рациональную» жизнь. Эти люди, обычно пасторы или домашние учителя с богословским образованием, не вдаваясь в подсчеты, быть может, наивно верили, что крестьянская выгода вполне сочетается с пользой господ. Это не вина, а следствие исторической ограниченности таких просветителей.

Приносили ли их книги, числом около двадцати, пронизанные иногда и проповедью холопского смирения, ощутимый вред? Едва ли! Вера в нерушимость существующих порядков была и без того достаточно сильна в крестьянском народе. Даже излишняя идеализация господ, веками установленных порядков не мешала читателям извлекать из сочинений просветителей некоторую пользу. Соблюдая элементарную гигиену, освобождаясь от суеверного страха, воздерживаясь от пьянства, трезво трудясь, разводя картофель и другие полезные культуры, т. е. руководствуясь «разумными» советами просветителей, эстонский крестьянин в те скудные времена мог бы жить несколько лучше, нежели живя по старинке, «неразумно». Такова первая, пожалуй, основная утилитарная черта просветительской «беллетризованной» письменности.

Основные черты просветительской литературы в Эстонии. Литераторы той поры зачастую стремились изобразить средствами художественного слова жизнь народа, пусть даже для того, чтобы проповедь возымела силу примера. Вместе с тем развивалось и само эстонское слово,

без которого немислима национальная культура. И эта вторая черта прибалтийского Просвещения была исторически прогрессивна.

Справедливости ради следует отметить, что на эстонской литературе сказалоь не только Просвещение, но и направленное против него гернгутерство, призывавшее не к разуму, а к чувствам, ставя превыше всего личную набожность, опирающуюся непосредственно на слово божье, на Библию. Сперва в имении (Гернгут) графа Цинцендорфа в Силезии, затем в Германии и за ее рубежами стали возникать «братства» сентиментально-мистического толка, старавшиеся социально реализовать идеалы пиетизма. Подобные братства были организованы и в Эстонии. Надо полагать, что у многих грамотных эстонцев пробудилась в то время тяга к этим братствам, поддерживавшим внутри демократические порядки, а вовне — интернациональные связи. Как разъясняет современный исследователь пиетистского движения Э. Винтер (ГДР) [Материалы см. в кн.: E. Winter. Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin, 1955, p. 260; 266; 280; 282—283], царские власти очень скоро усмотрели в распространении гернгутерства на вновь обретенной территории Российской империи политическую опасность, направленную против классовых, сословных и церковных устоев общества и государства. Ведь тесное общение лиц высших сословий с народом, пусть даже только во время религиозных собраний (абсолютно несвойственных русскому православию), несомненно способствовало внешнему стиранию социальной грани, угрожая привилегиям господствующих классов. С точки зрения пиетистской, гернгутерской морали, крепостные крестьяне являлись не только равными «братьями во Христе», но, как это все чаще высказывалось, даже более достойными христианами.

В своей работе «Крестьянская война в Германии» Фр. Энгельс показывает, как идея равенства перед богом перерастала в требование равенства гражданского и даже имущественного. Такой «еретический» вывод был сделан и эстонскими крестьянами, соратниками Таллима Паапа (1742), пиетистского «пророка». Сообщение современника о деятельности Таллима Паапа содержится в письме от 15 марта 1750 г., опубликованном в Acta historico-ecclesiastica 14 (1751), pp. 1016—1020; ср.: O. A. Webermann, Ural-Altische Jahrbücher, Band XXIX, H. 1—2, Wiesbaden, 1957, p. 42.

Понимая, какие последствия может возыметь «чрезмерная» забота об эстонском печатном слове, даже когда речь идет всего лишь об издании коралов, Библии или «спасительной» литературы для крестьян, царское правительство, вероятно не без влияния синода, для которого все это было вообще опасной лютеранской «ересью», приняло решительные меры против радикальных пиетистов, отразивших, как показал Э. Винтер, в значительной мере протест разоренных крестьян, покровительствуя тем самым таким деятелям протестантской церкви, которые даже вопреки ее миссионерским интересам, в весьма сложных политических условиях Эстонии, проповеде-

вали католическое смирение и не «возмущали» умы забитых эстонцев «излишней» премудростью. В этих условиях поле деятельности эстонских литераторов, разумеется, чрезвычайно сузилось.

Как рационализм Просвещения, так и сентиментализм гернгутерства и пробудившийся интерес к широкому свету и экзотике в конечном счете направили внимание литераторов и на окружающую действительность.

Абстрактный, пусть даже и непоследовательный гуманизм прибалтийских просветителей объективно подготовил крестьян к действенной, активной самопомощи. Такова третья черта просветительской литературы.

Еще больше, чем «равенство перед богом», проповедуемое ветхозаветными пророками и гернгутерами, на умы крестьян должны были возыметь революционизирующее влияние идиллические картины просветителей, в которых крестьяне и господа изображались как люди, живущие в согласии, братстве. Разрыв между изображаемым и действительностью в тех условиях оказывал на умы крестьян большое влияние.

Прибывшая к балтийским берегам волна Просвещения вливает новую силу в эстонское печатное слово: появляются первые чисто светские книги и на эстонском языке.

Беллетристика XVIII в. Уже в 1732 г. в качестве приложения к грамматике А. Тор Хелле увидели свет несколько диалогов практического содержания (вероятно, пера Э. Гутслеффа) о пользе льна и пчеловодства, о вреде суеверий для земледелия.

Знаменательно, что Эбергарт Гутслефф (род. 1700 в Таалине — ум. 1749 г. в Петербурге) за рвение, проявленное им к насаждению духовной письменности на эстонском языке, был арестован в 1747 г. царскими властями и доставлен в Петербург. Этот видный сановник лютеранской церкви Эстонии попал в опалу как поборник гернгутерства и соратник Цинцендорфа.

В 1740 г. выходят в свет «Пять полезных рассказов», сочиненные переводчиком библии Тор Хелле. Автор, между прочим, старается опровергнуть два тезиса, часто, видимо, повторяемые в господских кругах: достаточно ли у эстонских крестьян ума, чтобы прочесть с пользою для себя всю библию, и не жилось ли лучше в старину, когда народ не занимался толкованием слова божья? Свои рассуждения автор вкладывает в уста эстонского крестьянина, они представляют интерес, хотя степень их народности сомнительна.

В сущности полемика велась между прогрессивным крылом церковных деятелей и реакционными остзейскими мызниками о духовном суверенитете эстонского народа. По условиям времени это выражалось в споре о целесообразности перевода библии для эстонцев и о допустимости в церковном обиходе эстонских хоралов, не переведенных с немецкого, а самостоятельно сочиненных для эстонских крестьян. Вопрос о желательности перевода библии был положительно предпрешен существом лютеранского богословия. Власти могли лишь чинить препятствия и оттягивать сроки выхода в свет подобной книги. Переход остзейских про-

винций к православной России ускорил дело. Однако проблема, могут ли эстонцы молиться по-своему, т. е. имеет ли эстонская церковь право на самостоятельный свод хоралов, отличных от немецких, была чревата политическими выводами. (Русский читатель может себе уяснить дело, представив, например, претензии Новгородского епископа на непосредственное подчинение Константинопольскому патриарху, минуя Москву!).

Надо отдать должное поборникам независимости эстонской церкви от немецкой, тем более что эстонский народ был закрепощен остзейцами, а заступники его не были эстонцами. Лишь в этом свете можно понять смелость и демократизм деятелей вроде А. Тор Хелле и Э. Гутслеффа, значение их рассказов.

В 1739 г. выходит в свет «Беседа Ханса и Марта» (сочиненная, вероятно, упомянутым выше Гутслеффом или тем же Тор Хелле). Здесь отражены некоторые бытовые подробности: крестьянин рассказывает об удачной продаже купцу разных товаров по выгодной цене; другой крестьянин описывает свое пребывание в городе, где он-де по-господски развлекался в трактире. Обе темы весьма традиционны у крестьян. Но автор как просветитель заводит речь о вреде пьянства, разумеется, с позиций пиетизма, пекущегося, как известно, гораздо больше о спасении души, нежели о сохранении плоти.

Известны имена литераторов эстонского происхождения, членов братства гернгутерского толка. Дошли до нас (правда, в рукописи или списках) некоторые повести, служившие, очевидно, для чтения вслух. Так, например, в 1768 г. была переведена с немецкого «Печальная и правдивая история из жизни дочери турецкого султана», свидетельствующая о возникновении вкуса к экзотике и у эстонцев. От другого переводчика дошла до нас рукопись с изложением весьма популярного во всей Европе сочинения английского писателя Беньяна «Странствия паломника». (Еще Пушкин счел возможным перевести его на русский язык!).

Видное место в истории культуры Эстонии занимает А. В. Хупель, выходец из Германии, иенский богослов и энциклопедист, член Вольного экономического общества в Петербурге, осевший в местечке Пыльтсамаа и начавший писать на немецком и эстонском языках научно-популярные сочинения.

Хупелем был основан первый журнал на эстонском языке под названием «Краткое наставление» (с 1766 г. всего вышел 41 выпуск). Хупель и врач П. Вильде, в чьей типографии журнал печатался, уделяют много места врачебному делу. Наряду с распространением практических знаний Хупель систематически разоблачает суеверия, осуждает дурные нравы, пьянство. Со страниц журнала Хупель стремится внедрить в крестьянское хозяйство рациональные методы земледелия. Он выступает с разъяснением пользы разведения овощей, в частности картофеля. Касаясь вопроса оздоровления всего быта, Хупель высказывается за улучшение жилищ. (В те времена даже дымоотводные трубы были еще редкостью,

топили начерно). Хупель всячески дает понять, что эстонцы способны одолеть науки, что просвещение откроет им путь к некрестьянским профессиям, т. е. к лучшей доле. Именно ради этого он и не щадит своих сил. Благодаря ученым трудам Хупеля (на немецком языке) положение дел в Эстонии и народная культура края получают широкую огласку и становятся достоянием европейской науки. Гердер, например, обращается именно к Хупелю за образцами эстонских народных песен для своего знаменитого сборника.

И весьма показательно, что романтик Гердер в Германии, а не просветитель Хупель в Эстонии обращает свое просвещенное внимание на народную поэзию. Взгляды Хупеля на жизнь народную отнюдь не лишены противоречий. Но его скептическое отношение к народным песням порождено не только предубеждением. Само понятие «народная песнь» и восторженное отношение к ней являются продуктом относительно позднего времени, романтизма. До Гриммов именно Гердер и явился родоначальником романтической фольклористики, имеющей и в наши дни немало приверженцев. В их глазах отсутствие восторженности и всякое неромантическое отношение к фольклору неминуемо представляется как пренебрежение к народу.

Каждая эпоха вообще по-своему оценивает фольклор, который к тому же меняется и по содержанию и по форме. Как восторг, так и сдержанность в отношении народного творчества не зависят только от качества фольклора, но являются и выражением настроения среды и эпохи. Хотя Хупель и отстал от нового, романтического времени, тем не менее его скептическое отношение к народным песням, при всей раздражающей нас крайности, было близко к народному.

Наряду с «энциклопедическими журналами» вроде хупельского функции журнала выполняли также и календари, начавшие регулярно выходить на эстонском языке с 1731 г. Они содержали разного рода сведения о мироздании, о России, о войнах с турками и т. п.

В условиях малоподвижного образа жизни календари и экзотические рассказы расширяли горизонт, нередко ограниченный межой мызы. Многие из того, что ныне называется фольклором, восходит к подобного рода тривиальным источникам, все еще мало изученным филологами. Подобно тому как современные суеверия нередко оказываются неизжитыми остатками религии прошлых эпох, современные народные знания могут отчасти быть названными «суезнаниями», являющимися пережитками популярно-научных, школьных знаний недавнего прошлого. Обе сферы тесно переплетены, их рассматривают, однако, односторонне.

К этому же периоду относится литературная деятельность Фр. В. Виллманна (1746—1819), о котором речь будет ниже в связи с развитием басенного жанра.

Крайне противоречивой фигурой остзейского просветителя рисуется нам Фр. Г. Арвелиус (1753—1806). (О значении Арвелиуса и его литературных связях см.: A. Vinkel. Friedrich Gustav Arvelius 18. saj. kirjanikuna. In: Paar sammukest eesti kirjanduse ja rahvaluule uurimise teel, I. Tallinn, 1958, pp. 9—65).

Родом из Таллина, получив высшее образование в Лейпциге, Арвелиус вернулся в Эстонию и занялся здесь педагогической деятельностью.

Он неплохо владел эстонским языком, хорошо знал, как живет крестьянству, и по-своему хотел ему помочь. Это он выступил с эстофильской программой изучения и культивирования эстонского языка, и, обращаясь к остзейцам по-немецки, назвал эстонских крестьян даже «братьями нашими и кормильцами», воздерживаясь, однако, от каких бы то ни было последовательных социальных выводов. Обращаясь же с печатным словом к эстонцам, он не упускал возможности лишний раз призвать их к безусловному подчинению воле господ и смирению.

В 1782—1787 гг. выходит его книга в двух частях под характерным и пространным названием, гласящим в русском переводе: «Красивая книга бесед и поучений. От друга для наших деревенских земляков и для веселого досуга тех, кто с детства учится читать, собраны и составлены». В основном это не что иное, как переделка книги немецкого педагога Рохова (1734—1805) «Kinderfreund» (1776), весьма популярной в Германии и вызвавшей ряд подражаний во многих странах. Отрицательная критика, данная Энгельсом (см.: Фр. Энгельс. Анти-Дюринг. М., 1950, стр. 173—174) реакционной направленности этой книги в условиях Германии, вовсе не лишает ее переводчика некоторых заслуг в деле народного просвещения Эстонии. Уже то знаменательно, что Арвелиус, стараясь улучшить нравы, обращается преимущественно к юношеству, разъясняет народу необходимость школ и подлинно просвещающих книг. Он зло высмеивает тех, кто читает молитвенник только ради богоугодного чтения, ставшего у лютеран обрядом. Арвелиус старается привить вкус к полезному чтению. Ради этого берется он за перо, бичуя суеврие, безделье, лукавство и пьянство, щедро снабжая читателей всевозможными, довольно дельными советами.

Среди многочисленных поучительных рассказов этой книги особое место занимает (как полагают, оригинальная) повестушка «Крошечный народец» о вырождении крестьянского племени не под влиянием тяжелого труда, ибо труд, дескать, идет лишь на пользу здоровью, особенно молодых, а из-за чрезмерного пьянства.

В 1790 г. Арвелиус обращается к старшему поколению, бесплатно, при помощи меценатов, распространив (около 10 000 экземпляров) книгу Беккера (B e c k e r, Noth- und Hülfsbüchlein) в собственной обработке под подкупающим названием, гласящим в русском переводе: «Книга страданий и помощи Хромого Йозепа, или сладкие и полезные беседы и поучения о том, как крестьянский народ может радостно жить, стать честным путем богатым и как самому себе и другим оказать в разных бедах и страданиях помощь» (Галлин, 1790). Это сентиментальная повесть о преданном слуге, сопровождавшем своего господина в заграничных вояжах; Йозеп спасает своего хозяина от нападения разбойников, сам получает увечья. Но даже став хоомым, он отказывается от «вольной» и денег, оставаясь верным слугой своего господина, при помощи которого он все же становится зажиточным хуторянином и по воскре-

сеньям собирает у корчмы пьяниц и горемык, наставляя их на путь праведный. Вложенные в уста Йозепа поучения (многие среди них касаются врачевания) и составляют содержание, впрочем, весьма занимательной книги.

Дело, начатое Виллманном и Арвеллусом, было не только хорошо воспринято народом, но нашло продолжателей и среди передовых людей Эстонии.

Генрих Валь, бывший управляющий мызы, сочиняет стихи, стоящие на рубеже между духовной и светской поэзией.

Заслуживает упоминания и Хр. И. Ю. Шлегель, обративший внимание просвещенных читателей на тяжелое положение эстонских крестьян. О его расположении к эстонцам и в то же время о слабом знакомстве с духовной культурой народа свидетельствует его статья «Volksgedichte der Esthnischen Nation» (*Der Teutsche Merkur*, 1787, № 3—4). Путевые записки Шлегеля являются ценным народоведческим источником по сей день.

Любопытно и творчество Р. И. Винклера, бывшего одно время ректором немецкой гимназии в Москве. Он даже сочинил, подражая немецким образцам, патриотическую песню эстонских ополченцев, идущих на войну против Наполеона.

Самой характерной фигурой прибалтийского просветителя того времени был И. В. Л. Луце (1750—1842), немец из Хассельфельда, получивший богословское образование в Геттингене.

В 1781 г. он приезжает в Эстонию в качестве домашнего учителя. Затем в 1783 г. становится пастором на острове Сааремаа, однако в 1795 г. порывает с церковью и уезжает в Геттинген, где изучает медицину. Возвратившись в Эстонию, он, не имея прав практиковать врачом в России, покупает мызу и берется за сельское хозяйство, развертывая одновременно большую общественную деятельность. Этим Луце заслуживает «римское дворянство», а вскоре получает степень доктора медицины в Петербурге, дающую право на врачебную практику. Тем не менее он не покидает Сааремаа, а практикует в Аренсбурге (Курессааре, ныне Кингисепп) и, сплотив вокруг себя единомышленников, любителей эстонской словесности, занимается изданием полезных книг для народа.

Сочинение Луце «Книга рассказов Сааремаа» («*Sarema Jutto ramat*», I—1807, II—1812) все еще напоминает произведения Хупеля, беллетризованную энциклопедию. Тут и сведения по хозяйству, и руководство по уходу за больными, сообщение о дальних странах и космографии. Сверх того, книга Луце (совсем как литература нашего времени) учит искусству разумно и радостно жить. Диву даешься, какой покой, какая безмятежная атмосфера «богом обетованной земли» царит в этих литературных произведениях, сочиненных в господских усадьбах и просторных пасторатах, несмотря на грозные события эпохи! Какой силы должно было быть доверие к человеку, к вновь открытому разуму, коль скоро ученый муж вроде Луце при помощи этого разума, какого-нибудь вполне конкретного совета на нескольких страницах устранял все беды, одоле-

вавшие эстонских крестьян в период кризиса крепостничества! Луце не просто «доказывает» могущество разума, но он, почти не прибегая к басням, притчам или голым поучениям, пытается показать образными, литературными средствами живительную пользу своих, часто довольно разумных советов. Луце повествует с кипучим оптимизмом о плодах добродетели, о вознагражденном труде, он с умилением рассказывает, как разбогател крестьянин-горемыка, получив от своего барона дички яблоки, семью пчел, хмель для развода, немного морского ила для удобрения или просто добрый совет. Автор показывает своему читателю, как прощелыга, который почитал родителей и старших, становится богатым хозяином. Верили ли читатели подобным чудесам? Или относились они к рассказам этим, как некогда к сказкам, где, казалось бы, бесполезные вещи приносят богатство, а неказистые крестьянские сыны становятся под конец царскими зятьями? Как бы то ни было, подобные сочинения вопреки идиллическому настроению, вообще располагающему к благодушию, не только внушали бодрость, но в отличие от сказок будили мысль, толкали к делу. Было бы несправедливо уличать Луце в лукавстве, в желании показать просвещенного барона благодетелем.

Внимания заслуживает О. Р. Гольц (1757—1828), сын пленного шведского офицера, участника Северной войны, который предпочел (после освобождения) остаться в подданстве пленившего его Петра I в Эстонии. Как и другие литераторы-просветители, О. Р. Гольц получил свое образование в Германии. В 1812 г. он был назначен в комиссию по делам эстонских крестьян и с тех пор не прекращал бороться за улучшение быта крестьян. Эта практическая деятельность сказалась и на характере его литературных сочинений. Так, например, он выпускает первое пособие для повивальных бабок (перевод с немецкого). Значительны его заслуги в области художественной литературы. Учитывая, что «некоторые ненавидят поучения, но зато любят сказки», он издает «Чтения для напутствия разума и сердца крестьян» (*Luggemissed Eestima Tallorahwa Moistusse ja Süddame Juhhatamiseks*. Tallinn, 1817).

Крылатым словом стало название его рассказа «Сказка — скорлупа, а учение — зерно» («*Jutt on se koroke. Orpetus on se lwwa*»). Этот рассказ смело может быть назван эстонской повестью «Поль и Виргиния» как по чувству природы, так и по замыслу автора. Однако она значительно короче и гораздо схематичнее своего французского прообраза. Изменения любовных отношений как бы сопровождают смену времен года. Отношения эти едва раскрыты, потому правдоподобны. Это — скуповатая на внешние ласки любовь эстонского крестьянина. Индивидуализацию предмета любви здесь столь же напрасно искать, как и в эстонском народном творчестве.

Остальные рассказы «Чтений» Гольца уже менее правдоподобны. Пожалуй, наиболее показательным для своего времени является рассказ «Нето и Юри» («*Netto ja Jüri*», 1806).

Автор пишет, что общество разобщено противоречием, что пребывающие в рабстве отделены стеной от свободных людей, что люди, следовательно, не братья. Однако сюжетный ход уводит автора от жизни, склоняя его к счастливому финалу: раб становится свободным и зажиточным хозяином, а бывшие его господа танцуют на его свадьбе. Интрига здесь чрезвычайно упрощена, нравоучение навязчиво, а местного колорита меньше, чем у Луце. Впрочем, трудно сказать, какое общественное звучание расказ имел до отмены крепостного права.

Беллетристика XIX в. Оригинальная проза 20-х годов XIX в. в общем остается на уровне названных произведений Луце и Гольца.

Первый писатель полуэстонского происхождения О. В. Мазинг обращается к научно-популярному очерку. В 1818 г. он издает «Воскресные чтения» (Pühharäwa Wahheluggemissed), где старается ознакомить читателей с природой России и других стран. Под его руководством издается с 1821 по 1825 г. «Сельский еженедельник», который как бы распахнул окно в широкий мир. Эту же цель преследует О. В. Мазинг своими очерками в календарях, находивших тогда широкий сбыт.

Оригинальная поэзия достигает относительной зрелости лишь в стихах первого поэта-эстонца Кр. Я. Петерсона (1801—1822), безвременно угасшего таланта, получившего признание посмертно. О. В. Мазинг и Кр. Я. Петерсон занимают в истории эстонской литературы видное место.

В этот период все еще преобладают довольно складные переводы, преимущественно с немецкого языка. В периодическом двадцатитомном альманахе, издаваемом с 1813 по 1832 г. И. Г. Розенплэнтером, большим ценителем эстонской словесности, под названием «Beiträge zur genaue[n] Kenntniss der ehstnischen Sprache» (Pernau, 1813—1832), и в других изданиях наряду с научными материалами и оригинальной беллетристической появляются сочинения Гёлти, Матиссона, Шиллера (ода «К радости», например, в двух разных переводах — один принадлежит Гольцу), подражания Ольдекопу и Роту на языке эстонских крестьян.

Значительны заслуги Розенплэнтера и в истории эстонского театра.

В драматургии на эстонском языке в это время уже могут быть отмечены некоторые успехи. Известно, что уже в 1824 г. ставилось для горожан эстонцев «Сновидение Перми Яго» (подражание Л. Гольбергу, «Иэппе»), а немного спустя появилось народное зрелище, сопровождаемое песнями и плясками, под названием «Лизо и Адо или хитрый жених». Так как тексты этих театральных постановок утеряны, трудно о них что-нибудь сказать.

Знаменательной премьерой была сценическая картина «На толоке», сочиненная местными любителями А. Фр. Ф. Коцебу и Кноррингом. Прославившийся затем как драматург Коцебу подвизался на театральном поприще именно в Таллине, где в 1784 г. он собрал любительскую труппу. Некоторые его драмы содержат эстонские мотивы, иные его драматические произведения были очень рано переведены, вероятно

Розеплэнтером, на эстонский язык и поставлены провинциальными любителями. Народного театра эстонский фольклор не имел, как не сохранился народный театр и у других лютеранских народов.

В 30-х годах XIX в., в период усиления реакции, лишь незначительные сочинения, преимущественно духовного содержания, могли увидеть свет. Предприимчивые учителя и причетники постепенно начинают промышлять печатным словом, предлагая приохотившемуся к чтению эстонскому крестьянину переводы мещанских «народных книг», лубочно-трогательные экзотические фабулы, гораздо более далекие от жизни и, безусловно, менее полезные, нежели незатейливые, но искренние рассказы просветителей. Период такого застоя длился вплоть до середины XIX в.

Гуманистический образ мыслей XVIII в., прежде чем окончательно угаснуть, жалует эстонскую словесность произведением, которое доводит до совершенства все лучшее, что было в эстонской письменности прошлого, и вместе с тем предваряет новую эру эстонской литературы. Последним и самым выдающимся просветителем эстонского народа и одним из основоположников реалистической литературы на эстонском языке был Петер граф Мантейфель (19 I 1768—26 IV 1842), автор «Досуга при свете лучины». И как бы внезапно мир эстонских крестьян, на который пала черная тень николаевских канцелярий и казарм, озаряется светом лучины.

«НЕИСТОВЫЙ ГРАФ» И ЕГО ДОСУГ

Кто знает, по какой причине совершилось это необыкновенное явление в истории остзейских, в общем крайне реакционных и по-прусски заносчивых немцев в пору общеевропейской и всероссийской реакции: владелец латифундии Петер Мантейфель, да к тому же на семидесятом году жизни, взялся за перо, чтобы написать об эстонцах для эстонцев и к тому же стилистически на превосходном эстонском языке?!

То, что некоторые остзейцы, например образованные пасторы, по необходимости стали писать по-эстонски, вполне понятно в свете социально-политических условий, сложившихся в Прибалтике. Заслуживает удивления, что некоторые мызники, вообще не занимавшиеся сочинительством и на немецком языке, взялись за перо и, поддаваясь влечению сердца, стали писать не по-немецки, а по-эстонски. Ведь в те времена уже одно это, выражая в какой-то мере демократическое, непредубежденное отношение автора к носителям этого языка — крестьянам, влекло за собой народность содержания. Писать по-эстонски практически означало тогда так или иначе писать для народа, что свидетельствовало о демократическом настроении пишущего.

Для понимания такого явления, как Петер Мантейфель, необходимо вникнуть в подробности биографического характера, способствовавшие

на склоне его беспокойной жизни сближению с народом и пробуждению писательского таланта.

Образ жизни остзейского графа. По отрывочным воспоминаниям родственников, а также по меморатам (бывальщинам) крестьян известно, что молодой граф плохо уживался с условностями аристократической жизни. Это был страстный человек с живой фантазией. Вероятно, немалую часть кипучей энергии и страсти растратил он «в стиле рококо», или, говоря прозаически, на амуры и вино. Дед молодого графа Петера, Готард Иоганн фон Мантейффель, владел шестью именьями (Равила, Кабала, Пада, Курси-Пуурманни, Сааремыйза в Эстонии и Цёгенгоф у Риги), слыл остроумным дворянином. Был он и ландратом, а временами занимал пост вице-губернатора Эстляндии. Когда Петеру было всего лишь 11 лет, он полностью осиротел. Мальчик остался на попечении деда, который, надо думать, сумел дать внуку приличествующее сословию светское воспитание. Хорошее воспитание предполагало тогда посещение центров европейской образованности. Наперсником и домашним учителем был к Петеру приставлен Отто Виллем Мазинг, сын кистера из Лохусуу, образованный молодой человек полуэстонского происхождения, о котором уже была речь выше. О. В. Мазинг был старше своего воспитанника лет на пять, но, борясь с нуждой, уже успел завершить штудии на теологическом факультете в Галлее. Вернувшись из Германии, О. В. Мазинг стал домашним учителем в Таллине. Вместе с О. В. Мазингом Мантейффель длительное время пребывал в Западной Европе, между прочим в Риме. Видимо, наперсник пришелся молодому графу ко двору, так как Мазингу с трудом удалось освободиться от службы при особе графа и вернуться на родину. В 1788 г., когда Петеру Мантейффелю было лет 18, Мазинг был уже посвящен в сан пастора в Люганузе. Стало быть, их общий вояж состоялся незадолго до этого года. Возможно, что кроме общих веяний просвещенного века, молодой граф испытал на себе влияние своего учителя О. В. Мазинга, направившего, быть может, его пытливым ум в малоизведанную область эстонской словесности.

Позже молодой граф проживал в столичной, но отнюдь не чопорной Вене. Там он познакомился с красавицей (сестрой одного фабриканта), прельстил ее и увез к себе на родину. Вернувшись вместе с нею в Равила, свое родовое имение, он доверил этой австриячке все свое хозяйство и весьма уважал ее, но не женился на ней официально. Тем не менее жили они счастливо, и родилось у них трое дочерей. Их не величали титулом «фрэйлейн», а называли по-венски несколько неопределенным «мамзель». Отец, соблюдая чистоту сословия, желал видеть их в браке с «добрыми ремесленниками», но поскольку он дал дочерям вполне аристократическое образование, то вопреки намерению должен был дать согласие и на их брак с молодыми людьми из дворянского сословия, которые, видимо, по-иному понимали «аристократизм». Тут можно разглядеть некоторое противоречие между «демократическими» взглядами на жизнь самого графа

и сословными нравами, чуждыми идеалам просвещения. Впрочем, и его личные воззрения не мешали ему, отцу семьи, свататься вполне официально к аристократическим девицам, но он, по воспоминаниям своего родственника Цёге фон Мантейффеля, долго получал отказ, так как никто не желал идти в дом, где фактически уже имелась одна жена. Неудачное сватовство, за которым кроется осуждающее отношение окружающих к графу, его поведению и идеям, причинило ему, вероятно, немало огорчений. Граф мог себя почувствовать исключенным из своего круга, а это могло вызвать в нем презрение к остзейской аристократии и в какой-то мере приблизить его к эстонскому народу, к своим крестьянам, к «природе», свободной от «предрассудков». И без того известны его руссоистские наклонности. Он увлекался садоводством, занимался оранжереями, сам рыл землю, собственноручно поливал растения и даже работал в поле.

«Граф Петер был недюжинным человеком. У него было множество интeресов, ему постоянно приходили в голову новые идеи. Окружающие имели всегда пищу для пересудов и повод для смеха. Только у своего родственника Цёге фон Мантейффеля из Оясуу находил он понимание», — пишет о графе Петер Цёге фон Мантейффель. «Он возился у токарного станка, стругал, полировал, а целый штат слуг должен был воплощать в жизнь его изобретения. Между тем все изобретенные им машины и приспособления никуда не годились, ибо у графа не было познаний в области физики и механики. Все было лишь игрой», — продолжает его критически настроенный родственник и биограф. «Особое внимание уделял он летному делу. Причем он вовсе не имел в виду лететь на воздушном шаре, изобретенном Монгольфье. Нет, он думал о полете птиц и хотел построить машину, которая должна была бы лететь при помощи движущихся крыльев, будучи тяжелее воздуха. Так трудился он над этой машиной вместе со слугой несколько лет, т. е. лет за сто до изобретения аэроплана. Наконец, машина была готова. Настала пора провести испытание. Много соседей и крестьян собралось возле господского дома, на крыше которого стояла машина. Граф сел в машину, взял в руки рычаги от крыльев и стал нажимать на педали. Однако он не поднялся вверх, а упал вниз вместе со своим аппаратом. Исцарапанный и помятый, но в общем целехонький, встал он на ноги. Его высмеяли. Восхотеть летать! Да разве может и смеет ли человек летать? Не означает ли сие искушения бога?» — так пишет не без иронии биограф, опирающийся здесь на семейные воспоминания.

«Свежо предание...». В народе также сохранились предания об этом странном графе.

«Лет сто тому назад владел имением Равила, что в уезде Козе, граф Петер Мантейффель. У этого человека было много странностей. Всякие работы старался он делать сам. При этом всегда сопровождал его слуга Якоб. Однажды граф пахал. В плуг запряжены волы. Якоб погоняет ско-

тину, а граф сам поддерживает рукоятку сохи. У края поля мужчины остановились, чтоб табачку в трубки заложить. Тут замечает граф приближающегося кубьяса. Быстро сует он зажженную трубку в карман и кричит: „Якоб, черт, огрей волов, видишь, фогт идет!“. И сразу мужчины взялись за работу. Надсмотрщик проходит мимо и улыбается.

«Некоторое время спустя граф прочел книгу, где речь шла о летном деле. Вот пришла графу мысль попытаться лететь. Велел нарезать множество гусей. Самые длинные перья были связаны крепкой льняной веревкой и прикреплены к треугольным рамам. Эти рамы были затем подвязаны ремнями к рукам графа. Старик Петер Мантейффель бегал по большому залу взад и вперед, махая крыльями, словно птица страус. Потом велел он Якобу опоясать себя крепкой веревкой и вздернуть блоком из люка, что под крышей. Долго болтался граф между небом и землей, махая крыльями так, что перья летели, однако подняться ввысь он все же не смог. Наконец, помутнело все перед глазами и кровь ударила ему в голову. Успел он только крикнуть: „Якоб, черт, тяни меня скорей наверх, голова уж совсем в облаках!“. Слуга вздернул господина в люк, принес добрый глоток коньяку и скоро поставил графа на ноги.

«Однажды хозяин Равила велел себе построить парусную телегу вроде коляски, но с большим парусом. Якоба посадил он держать парус, а сам сел править. Ветер был попутный, легкая коляска покатила по большаку прямо к школе. А дорога прямехонькая, как линейка. Скорость все нарастала. Вдруг граф как закричит: „Якоб, черт, снимай долой парус, иначе мы проедем сквозь школу!“. Едва слуга успел свернуть паруса, как телега со всех сил ударила в стену школы. Граф получил сильный удар, а Якоб отделался испугом. Учитель опрокинул на графа, который, лишившись чувств, лежал на земле, несколько ведер воды, и только тогда граф пришел в себя.

«Подобные чудачества графа, которые случались в Равила частенько, давали в былое время окружающему народу пищу для разговоров» (Н. Кинтс, газета «Esmaspäev», Tallinn, 1923, № 13).

Еще совсем недавно местные старожилы показали литературоведу А. Винкелю, посетившему Равила, кусок пашни, который будто бы собственноручно пахал граф Петер.

Согласно другому, тоже народному преданию (из уст девяностолетнего паркового сторожа бывшего имения Равила), граф Мантейффель все же сумел подняться с крыши на своей машине, но его слуга Якоб слишком рано потянул машину за веревки вниз. Парусные сани были разбиты при сильном ветре о стену какого-то дома.

Однажды граф развалил стену неоконченного дома, потому что кладка ему не понравилась, и тут же стал сам строить. В другой раз приказал он кубьясу пахать, когда люди обедали, потому, что-де кубьяс всегда только посматривает, как другие работают. Крылья летательной машины были, как у птицы; сохранились они вплоть до 1905 г., когда сгорели

вместе с мызой. Граф нередко боролся со своим слугой Якобом и приказывал ему бить себя так, как он сам бил слугу Якоба, а когда тот исполнял приказ, граф хвалил его (Эстонский фольклорный архив, II 132, 428/30 из Ко́зе, Ра́вила, от Т. Выймула в 1936 г.).

Правда, предания о сумасбродных графах нередки. И в имениях Пуурманни и Сааре около Тарту тоже помнят о «безумном графе Мантейффеле», но здесь речь идет о другом графе, родственнике, в безумстве которого нет и следа пытливого ума графа из Равила. «Чужачества» Педера Мантейффеля интеллектуальны.

Мы отвели много места этим рассказам потому, что перед нами не просто курьезные воспоминания, а характерные образцы современного (не только эстонского) фольклора, так называемые мемораты, отношение которых к действительности столь же сложно, как и в других жанрах.

Описания техники, в частности летательных средств, занимают в фольклоре видное место. Народны не только рассказы о полете человека на орле (АаАн 301; 313В), но и рассказы типа АаАн*936 или АаАн 575 (см. комментарий 90). Последний гораздо старше, чем предполагали: в нем речь идет о деревянном орле, при помощи которого умелый мастер добывает царевну.

Занятия графа, отраженные в преданиях о нем, сами по себе тоже народны и обусловлены духом времени.

Еще в 1838 г. в Европе распространилась весть, что 15 декабря некий юноша-перуанец за 12 минут в Европе распростирился на своем дрессированном орле путь из Ливорно во Флоренцию (см: *Dorpater Zeitung*, 1839, стр. 238). Нечто подобное мы находим и в рассказах, записанных много тысячелетий тому назад.

Попытки построить летательный аппарат с «мышкульной силой» продолжают и сейчас, в наши дни реактивной авиации (см.: *Tyubuna Ludu*, Warszawa, 10 февраля 1962 г.). Отметим, что при современном уровне развития техники вообще наблюдаются тенденции к достижению технического успеха при помощи примитивного оборудования: странствия по океану на плоту или в рыбацкой лодке без навигационных инструментов и т. п. По описанию реалий, будущему фольклористу будет трудно определить время возникновения подобных рассказов.

Итак, проблема полета была во времена Мантейффеля актуальна, а ее решение средствами, о которых речь была выше, представлялось возможным. И все же есть существенная разница между подлинными занятиями графа и рассказами о них в современном фольклоре. Ум Мантейффеля был устремлен в будущее, тогда как записываемые ныне рассказы о технических достижениях «чужаков» как бы переносят современную технику в прошлое. Тем самым техника перестает быть небывалой, становится народной. Это и характерно для современного фольклора, в этом функция меморатов.

Впрочем, настроение графа Мантейффеля отнюдь не облегчало положение его крестьян. В волнениях 1804 г., вспыхнувших в Ко́зе-Ууэмыйза, приняли участие и крестьяне из Равила, за что были потом жестоко наказаны розгами. Можно, однако, предположить, что, будучи расположен к народу (и не только к деревенским девицам, воспетым им стихами), старый граф в личном общении держался просто. Он следил за поведением крестьян, вслушивался в их речь и не только тогда, когда крестьяне находились на мызе за работой, но и в корчме, где можно было на досуге вести неторопливую беседу. Ранняя смерть родителей (мать Елена умерла в 1772 г., а отец Карл Рейнгольд в 1779 г.) способство-

вала более тесному общению с ровесниками из эстонцев. Граф овладел эстонским народным языком так, как этого было бы невозможно достичь при редком общении. Еще до своего тридцатилетия Петер Мантейффель уже сочинял вирши на эстонском языке.

[До недавнего времени не было никаких точных сведений о литературной деятельности Мантейффеля за период до 1838 г. Но вот в 1958 г. удалось обнаружить одно стихотворение пера Петера Мантейффеля, датируемое вполне основательно 1798 г. (см. работу А. Винкеля в журнале «Keel ja Kirjandus», 1959, № 1, стр. 22—28. В настоящей статье с благодарностью используются и другие, устные высказывания этого ученого)].

Ранние сочинения Мантейффеля. Эти вирши, дошедшие до нас в рукописи, не были предназначены ни для печати, ни для устного распространения в народе подобно некоторым стихам из «Досуга при свете лучины». То были «анакреонтические» опыты, написанные для развлечения соседа Ф. В. Шиллинга, но и это проливает свет на раннее творчество писателя. Дело в том, что Шиллинг поместил в таллинской немецкой газете панегирик в честь губернатора А. Лангелля. Этим он навлек на себя поток пародий и насмешек других остзейских «стихотворцев». Одним из таких посланий, но на эстонском языке, и было саркастическое стихотворение Мантейффеля, сохранившееся до наших дней. Послание написано в виде диалога в корчме между кубьясом Хансом из мызы Орина и какой-то женщиной по имени Лепа Трийну. Женщина всячески расхваливает народолюбие своего господина и спрашивает кубьяса, правда ли, что в Таллине-де плохо отзываются о виршах хозяина Орины. Кубьяс подтверждает это словами:

Все лихие стихоплеты
В город пущены теперь,
Скачут, словно псы и волки,
Зайца травят лаем злым
И хозяина свирепо
Уж грозятся разорвать.

Далее излагается содержание критических замечаний по поводу злополучного стихотворения. Затем Трийну спрашивает:

Кто ж велел ему, бедняге,
В полный голос распевать?
Без нужды полез он в баню,
Хватит жару там ему.

На этот резонный вопрос даже кубьяс не в состоянии вразумительно ответить, полагая, что это произошло по «наваждению дьявола» и

Помоги ему, создатель,
Убежать от страшных псов.

Из юмора этого диалога следует, что автор хотел подтрунить над музой соседа, а заодно и обратить все происшествие в шутку. Стихотворение написано на эстонском языке в виде театрализованного диалога. Это прежде всего свидетельствует о том, что оба соседа были весьма расположены к таким «народным картинкам», к жанровым театральным сценам. Сочинение и восприятие такого диалога предполагает некоторую близость к народу как автора, так и его читателя из остзейских дворян. Именно это и отражено в словах Трийну, восхвалявшей своего господина ни за что другое, как именно за близость к народу. Эта мысль высказана, кстати, и в злополучном стихотворении самого Шиллинга. Трийну же бесхитростно заявляет:

Не найдешь во всей округе
Лучше барина, чем наш,
Зла он нам не причиняет
И не мучает трудом.

В чем конкретно проявляется отеческая забота, говорится дальше:

Поможет, коль помощь нужна, господин,
Охотно беседует с каждым.
Бывает заходит проведать и нас
Под кровлею нашего дома,
Садится тогда он на нашей скамье,
Как будто во всем нам подобен.
И булкой своею детей угостив,
Посмотрит на нашу работу,
И если увидит, что есть урожай,
То с нами он рад и доволен.
Слыхали мы даже, что наш господин
Частенько стихи сочиняет.
В чужой стороне приходилось бывать
И там научился стихи он слагать.

Слава «доброего господина», по крайней мере с точки зрения самих господ, не ко многому обязывала. Стоило только подать детям кусочек пшеничной булки, сказать пару ласковых слов! И тем не менее «не найдешь во всей округе лучше барина, чем наш». Можем с уверенностью сказать, что в образе «доброего господина» воспет не только Шиллинг. Это был идеал и самого автора, Мантейффеля, который также бывал в далеких краях, тоже писал стихи. Впрочем, общность литературно-общественных вкусов обоих соседей подтверждается и тем, что, как указывает А. Винкель, оба, правда, в различное время поощряли деятельность немецкого театра в Таллине. Не исключено, что разбираемый здесь диалог и на самом деле был инсценирован при участии дворовых актеров и в этом исполнении предложен вниманию Шиллинга. Такие развлечения имели место в те времена в Западной Европе.

Как бы там ни было, этот стихотворный пустячок написан довольно складно. Этому должно было предшествовать длительное письменное

упражнение в эстонском языке. Более чем вероятно, что некоторые стихи, между прочим и те, которые вошли впоследствии в «Досуг», были написаны Мантейффелем задолго до появления книги в печати.

Песни Мантейффеля и их распространение в народе. Некоторые стихотворения-песни, сочиненные Мантейффелем, оставаясь в рукописи, погибли в 1941 г. Из рукописного наследия Мантейффеля М. Кампмаа в своем учебнике опубликовал лишь незначительные выдержки в качестве иллюстрации (M. K a m p m a n n. Eesti kirjandusloo peajooned. Tallinn, ed. 3—1924, p. 271). М. Кампмаа пишет: «Из отрывков стихотворений Мантейффеля видно, что воодушевляли его жизнь и труд народа, любовь и бокал... Любовные песни напоминают старые стихотворные свадебные поздравления... Любовь к крестьянским девушкам изображена с чувственной стороны, страстно, но стихи эти не были переданы для печати». Известны некоторые имена девиц, которым граф посвящал свои стихи или которых он воспел стихами. Имя одной — Тио. Ее неподатливость, ее гордый нрав умножают страсть поэта и явно причиняют ему огорчение. Это стихотворение легло в основу песни в «Досуге» («Я тебя в Иванов вечер»). В первоначальном виде первая и шестая строфы, исключенные из текста «Досуга», звучат следующим образом:

Тио, я сказать не смею,
Знать язык мой онемел,
Подними глаза скорее,
Чтобы дух мой осмелел.

Затем следует текст, известный по «Досугу».
Шестая строфа:

Тио, дни идут за днями,
Уж для глаз сомненья нет,
Что ты мне дороже стала,
Чем вся жизнь и целый свет.

Вполне возможно, что граф посвятил эти вирши некоей гордой Тио, и в какой-то степени они являются автобиографическими. Но какое это имеет значение? Стихи выдержаны в духе пасторалей рококо, как, впрочем, и сама жизнь графа. Позже автор, видимо удалил автобиографические строфы и, предав забвению имя Тио, вложил стихи в уста Анне, поющей их якобы у качелей. Именно так и рождаются стихи о любви, да и сама любовь. (См. комментарий 31).

Имя Лийзу (старая хозяйка из «Досуга») встречается уже и в раннем творчестве Мантейффеля. Она гораздо ласковее, чем Тио. Сперва и она сомневается в серьезности намерений молодого человека:

Не тверди же мне неправду,
Я заметила сама, —
На толке ты последней
С Анной Вайно танцевал.

Но, продолжает Кампмаа, излагая рукопись, девушка соглашается выйти замуж, и вкушают они радость брачной жизни. Вскоре Лийзу умирает. Глубоко опечаленный и потрясенный горем вдовец поет:

Голос мой ты не услышишь,
Лийзу смерть не возвратит,
Радость вся с тобой уходит,
Без тебя мне не прожить.

Дальнейшая часть, за некоторыми разночтениями, включена в «Досуг» как песнь, сочиненная графом по случаю смерти Лийзу, жены старого Ханса Аккера. (См. комментарий 89).

Кроме упомянутых здесь стихотворений, имеющих отношение к тексту «Досуга», Кампмаа приводит цитату из «трудовой» идилической песни:

Тяни, светлоглавый, тяни, вороной,
Как весело с вами идти мне стерней,
И друга такого нельзя вам бросать,
Что лемехом поле собрался поднять.
Как след кораблей, что от ветра бегут,
Так ровные борозды тянутся тут.
Пусть же сравнятся с морской глубиной,
Те борозды в поле, что вспаханы мной.

Этим, в сущности, и ограничиваются цитаты Кампмаа, на основе которых он сближает музу Мантейффеля чуть ли не с поэзией XVII в. Каковы бы ни были истоки ранней поэзии Мантейффеля, гораздо поучительнее выяснить ее дальнейший путь, ее переход в народ.

Пути перехода поэзии в народ. По ходу повествования мы узнаем из «Досуга», что народ получает какие-то песни или стихи в готовом виде «из мызы». О песне «Меня прялка утомила» рассказывается, что девушка услышала ее якобы из уст кухарки на мызе, и потому песня пользуется успехом. Другую песню приносит писарь из конторы мызы и вручает ее старому Хансу Аккеру, как сочиненную графом «в честь покойной... и в честь каждой доброй женщины» (и это усиливает торжественность сцены).

Известно, что в ту пору западноевропейские, как, впрочем, и русские помещики, «покровительствовали» искусствам, содержа придворные хоры, оркестры и даже театральные труппы из крепостных для своего развлечения. О том, что и в имении Равила был подобный хор, можно догадаться по намеку в «Досуге» (стр. 19).

Эстонская народная песня была отмечена в немецкой и мировой литературе такими деятелями, как Гердер и Хр. И. Ю. Шлегель, ею интересовался и К. Маркс, в альбоме которого находим образцы песен. В эстонской же литературе народная песня впервые удостоилась похвалы именно здесь, в «Досуге» Мантейффеля, оказавшегося в этом отношении предшественником Крейцвальда.

Впрочем, если быть точным, то первое упоминание эстонской народной песни в эстонской письменности встречается в эстонском календаре за 1829 г. и принадлежит анонимному автору. Заметки Крейцвальда по поводу эстонской народной песни появляются значительно позже, а именно в 1841, 1848 и 1861 гг.

Каково же отношение песен Мантейффеля к народным, к «старым»?

Стиль старинной и новой народных песен. Старинная эстонская народная песня резко отличается от так называемой новой как стиливыми приемами, так и содержанием.

Для старинной песни характерна аллитерация, т. е. повторение в одной строфе в начале слов одних и тех же согласных или гласных (ассонанс), так же как в древнегерманской поэзии. (Впрочем, для ассонанса достаточно начать слова любыми гласными, тогда как аллитерация согласных строже). Своеобразный ритм (квантитирующий четырехстопный хорей), а также широкое использование параллелизма как универсального стилистического средства вполне возмещают отсутствие конечной рифмы и деления на строфы. Стремление к параллелизму, т. е. к расширению и эпическому повторению одной и той же мысли, два, три и больше раз, нередко растворяет логику повествования, иногда нарушая повседневный языковой строй. (По крайней мере именно в таком необычном виде и дошли до наших дней старинные народные песни). Мелодия песен проста, обычно охватывает один стих. Русский читатель получит представление об этой поэзии по переводам «Калевалы». Стиль «Калевалы» характерен для старинной эстонской поэзии, особенно северной Эстонии, как, впрочем, в той или другой мере и для поэзии остальных финно-угорских народов, даже венгров. В «Калевипоэге» Крейцвальда этот стиль подвергся значительной литературной обработке, он стал ближе современной поэзии.

Для новой народной песни характерна прежде всего конечная рифма. Наряду с рифмой новая песня сохраняет нередко и излюбленную аллитерацию (и ассонанс). Новая песня, распадаясь на строфы, более сюжетна, поэтому она редко прибегает к параллелизму, ее язык избегает архаики и ближе к разговорному, а ее мелодия, охватывающая всю строфу, сложнее и ярче.

Непосредственных свидетельств о старинной эстонской поэзии очень мало. Хотя эстонские старинные песни безусловно восходят к довольно отдаленным дохристианским временам, мы судим о них в основном по записям XIX в., когда они уже вытеснились из обихода так называемой новой песней. Некоторые новые песни в соответствии с новыми вкусами, вероятно, городских низов возникли довольно рано, уже в XVII—XVIII зв. (даже раньше некоторых рун!), и, видимо, не без влияния церковного хора Массовым же этот новый стиль стал только в течение XIX в., т. е. на глазах у автора «Досуга» — книги, отразившей этот любопытный процесс.

Ограничимся этими замечаниями, дающими русскому читателю представление об эстонской народной поэзии, ее стиливых приемах.

Песенные вставки «Досуга» композиционно лишь условно увязываются с развитием сюжета. И все же не стоит их считать инородным телом. Наоборот, они вроде жанровых картинок углубляют идиллическое настроение, своеобразно отражая деревенский быт и поэтический вкус крестьян начала XIX в.; это отразилось и в сказках, где также встречаются стихотворные вставки.

Стихотворения-песни из «Досуга» и связанные с ними ремарки раскрывают филологу самый процесс становления нового поэтического жанра в народном репертуаре. Они показывают, какими путями вошли в народный быт эти «трогательные» песни с необычными для эстонской поэзии предыдущей эпохи рифмами. Читая наш литературный памятник, можно

заметить, что носителями новых песен, нового стиля были дворовые люди, прислуга мызы и, видимо, также ремесленники, винокуры и пивовары, мельники и трактирщики, учителя. Возможно, и господа принимали иногда участие в утверждении близкого им нового стиля. Просвещенный Мантейфель оказался не только пассивным носителем новой народной песни, но ее сочинителем, насаждавшим и прививавшим новый поэтический вкус сверху, т. е. гораздо активнее, чем это могло бы случиться только книжным путем со стороны или народным певцом снизу. Поэтому, кстати, новые эстонские народные песни нередко и сюжетно связаны с общеевропейским интернациональным репертуаром (см.: W. Anderson. Das Lied von den zwei Königskindern in der estnischen Volksüberlieferung. Dorpat, 1931, pp. 1—4), тогда как ареал так называемых старинных песен совершенно другого свойства.

Мантейфель и фольклор. Чтобы разобраться в вопросе об отношении старинной эстонской письменности, в частности «Досуга», к народному творчеству, надо, хотя бы кратко, охарактеризовать место каждой песни из «Досуга» в современном устном народном репертуаре.

Sirise, sirise, sirbikene (p. 39) «Летя, журчи, журчи серпок» (стр. 20)

Эту песню Мантейфель в основном воспринял из народных уст. Ее пели девушки после жатвы, гадая бросанием серпа. Мантейфель переделал аллитерацию в конечную рифму, внеся и некоторые изменения в содержание песни. Его дополнением является третья строфа. Редакция старого графа с ее реалистическими бытовыми штрихами настолько полюбилась эстонским крестьянам, что именно она почти повсеместно вытеснила подлинно народную редакцию. В настоящее время в эстонском фольклорном архиве при Литературном музее в Тарту имеются 170 записей этой песни, из них 40 восходят несомненно к редакции Мантейфеля, а 35 иного, явно народного происхождения. В сотне остальных вариантов обе редакции переплелись. Отделить их очень трудно, иногда даже невозможно.

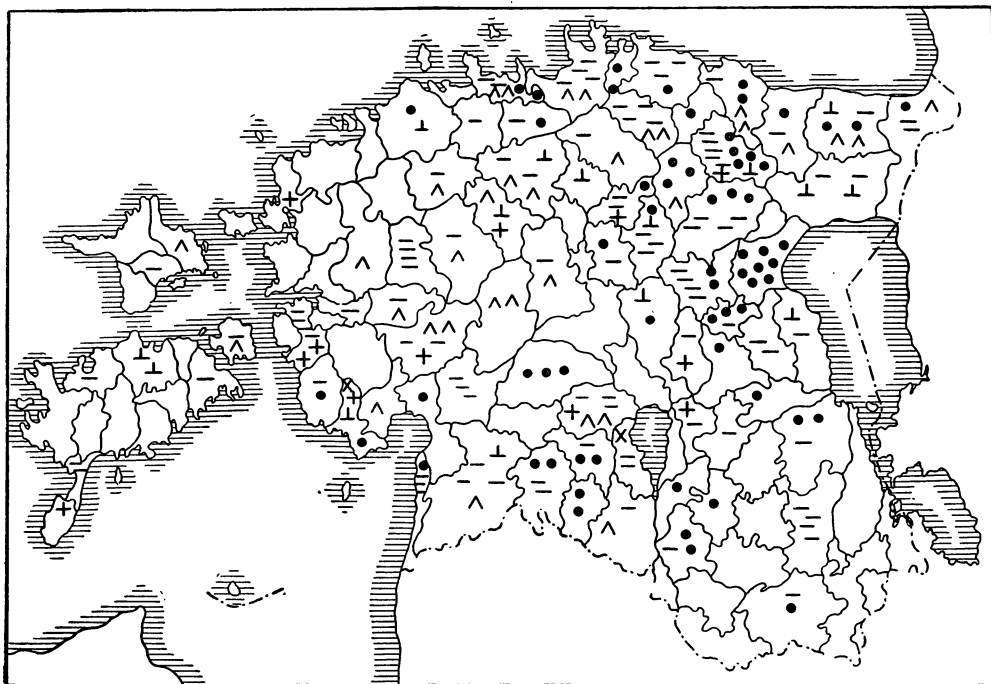
Небезынтересен и ареал. Старая, народная редакция песни засвидетельствована преимущественно в восточной Эстонии, между тем как в западной Эстонии и на островах песня бытует в основном в литературной редакции Мантейфеля (см. картограмму). Всякому специалисту ясно, что такой ареал сложился преимущественно в результате устного (а не только книжного) распространения песни. Картограмма лучше всяких слов раскрывает в этой связи роль Мантейфеля. История этой песни отражает культурно-исторические закономерности, представляющие общий интерес.

Известна и другая песня на тему жатвы, самостоятельно сочиненная также Мантейфелем и распространившаяся впоследствии среди народа:

Võtke röömsast sirbid kätte (p. 37) «Вот серпы вы в руки взяли» (стр. 19).

Эта песня контаминировалась с предыдущей и также полюбилась народу, несмотря на наличие в ней ошибочных, несвойственных эстонскому

языку оборотов. Эта контаминированная редакция (состоящая, следовательно, из трех элементов: одного народного и двух литературных) распевалась еще в начале XX в. в окрестностях Таллина.

Картограмма.

География-статистика распространения песен Мантейффеля на территории современной Эстонии

(По данным фольклорного архива при Литературном музее им. Крейцвальда в Тарту)

Объяснение условных знаков: ● — народная песня о серпе — — песня Мантейффеля о серпе (здесь: „Летя, журчи, журчи серпок“) + — песня Мантейффеля о толоке (здесь: „Вот серпы вы в руки взяли“) ⊥ — песни Мантейффеля о серпе и о толоке в народной контаминации × — песня Мантейффеля о прялке (здесь: „Меня прялка утомила“) △ — песня Мантейффеля про Иванов вечер (здесь: „Я тебя в Иванов вечер“)

Küll mo jalg nüüd keerab ratast (р. 11) «Меня прялка утомила» (стр. 9)

Содержание стихотворения почерпнуто, правда, из народной жизни: девушка сидит у прялки, ждет не дождетсѣ жениха. И все же эта песня бытует на более ограниченном ареале, чем «Летя, журчи, журчи, серпок». Видимо, сказался несколько беспомощный язык. Песня распевалась даже в Петербурге, среди местных эстонцев. И ее текст нередко контаминиру-

ван с предыдущими стихотворениями Мантейффеля. Контаминации песен способствовал их общий стиль, а отчасти и содержание. К тому же все песни Мантейффеля распространялись из одного центра, хотя народ едва ли знал имя их автора.

Jaani õhtu, tule juures (р. 29) «Я тебя в Иванов вечер» (стр. 16)

Эта песня стала исключительно популярной. Не удивительно! Содержание пронизано неподдельными штрихами народного обряда. Тут и костер в ночь на Иванов день, тут и качели. Здесь нашло выражение не только настроение народного гулянья, но даже и суеверие народное, которое прежними просветителями было бы даже осуждено, изъято.

Имеются 32 записи этой песни (1869—1928 гг., см. картограмму), преимущественно из северной Эстонии. Первая редакция стихотворения появлялась в печати дважды: в первом издании «Досуга», а затем в сборнике Фр. Брандта 1875 г. Однако тщательный анализ всех записей, принятый в 1930 г. Л. Хаммермаа, показывает, что большинство устных вариантов восходит, как ни странно, не к дважды опубликованному тексту первой редакции, а к исправленной второй редакции, помещенной во втором издании «Досуга» (1839). Появление стихотворений в популярной книге, конечно, способствовало распространению их в народе и сохранению исходного текста, но вовсе не в такой мере, как этого ожидали бы некоторые теоретики. Песни Мантейффеля распространились главным образом из уст в уста, из одной волости в другую, и произошло это довольно быстро. Песня, видимо, очень понравилась слушателям. Известны семь мелодий, на которых она распевалась в народе. Это убедительный показатель живучести традиции, ибо обыкновенно каждая «новая» песня имела одну мелодию, которая нередко переживала первоначальный текст. Обратные случаи бывают реже.

Остальные два стихотворения:

Kuule, kulla, kuuke (р. 81) «Слушай, слушай же, луна» (стр. 36) и

Ei sa kuule minu heale (р. 93) «Ты мой голос не услышишь» (стр. 41)

формально тоже довольно близки к старой народной песне. Тем не менее, что очень показательно, они не были ни разу записаны из народных уст! Конечно, наличие чуждых эстонскому языку оборотов мешало распространению песен, но ведь и другие песни Мантейффеля страдают этим же недостатком! В чем же дело? Возможно, что народ не воспринял этих песен из-за отвлеченности содержания, из-за «фольклоризма», который у Мантейффеля мог звучать только фальшиво. Ведь неспроста народ перешел от вековой традиции к более реалистическим приемам! Народ хотел видеть себя, свои настроения, свой быт в новой песне. Там, где Мантейффелю удавалось это отразить, его стихотворения, несмотря на некоторые ошибки языка, получали в народе самое широкое распространение; где не было главного достоинства — жизни, там народ оказывался безучастным. Таким образом, выясняется не только роль Ман-

тейффеля в народной поэзии, но на примере творчества Мантейффеля раскрывается и роль народа в фольклоре, как, впрочем, и отношение письменности к народному творчеству. И то и другое имеет гораздо более общее значение для советской филологии, чем на первый взгляд это может читателю показаться.

Фольклор и литература. Поэзия «под народную песню», всяческие стилизации и псевдофольклор занимают и в эстонской литературе XIX—XX вв. довольно видное место. Мантейфель же на этом поприще (в этом жанре) почти не имел предшественников. Но если основоположник национальной литературы Крейцвальд и другие поэты-романтики конца XIX в. пытались освоить и продолжить традицию старинной песни с ее аллитерацией и громоздким параллелизмом, то Петер Мантейфель предпочел стиль новой песни, быть может, именно потому, что этот стиль был более близок современности и немецкой традиции и более понятен ему. Итак, Мантейфель, пускай случайно, оказался исторически на более верном пути, нежели последующее поколение романтиков. Не умаляя идейных достоинств и огромного политического значения эпоса «Калеви-поэг», надо отметить, что ни одна сочиненная вновь руническая строфа из этого эпоса не проникла в фольклор, между тем как, казалось бы, «безыдейные вирши», неприхотливые жанровые песенки старого графа могут еще и ныне быть записаны из народных уст. Это вовсе не недопонимание, а знаменательная закономерность. Руническая поэзия романтиков-демократов в период «национального пробуждения» (вторая половина XIX в.) выполняла, разумеется, актуальную агитационно-политическую функцию, хотя формально она была архаична. Современной нищете в самом широком общественном смысле слова противопоставлялась воспеваемая старинным слогом свободная жизнь, которая, естественно, рисовалась в далеком прошлом.

Соответственно утвердившимся в конце XIX в. воззрениям (в Эстонии они распространились довольно поздно) «старинное», «историческое» считалось полноценным и достойным не только бережного хранения, но и воссоздания и даже подражания, граничащего с подделкой. В этом кроется пафос национального романтизма («пробуждения»), сказавшийся не только в литературе, но и во всей народной культуре.

Новая же поэзия (неруническая!) возникла до распространения романтического отношения к прошлому, когда старина отнюдь не представлялась столь привлекательной. Эта поэзия с самого начала была обращена к современной действительности по форме и по содержанию, как, впрочем, и функционально. Не зря эта поэзия и в народе называлась «новой». Стараясь облегчить труд, поддержать дух забитого народа, новая поэзия и формой и содержанием отражала радость труда. Памятуя, что «даже и подневольный труд на грабителей мира все-таки увлекал и радовал...» (М. Горький. Литературно-критические статьи. М., 1937, стр. 620), не приходится удивляться отсутствию мотивов, изобра-

жающих подневольный труд, голод или нищету в ранней «новой», как правило, распеваемой народной песне. Безвестным народным певцам было, надо полагать, нелегко отвлечься от горькой доли. Однако Мантейфель уже по социальной природе своей воспринимал крестьянский труд и связанную с ним увлекательную обрядность как источник радости. В первой трети XIX в. в условиях Эстонии подобное лишенное исторической перспективы отношение к труду и жизни еще отвечало мироощущению народа, как и самой функции песен, пения. Это подтверждается, кстати, и судьбой песенного творчества Мантейфеля. Было бы, однако, преувеличением считать старого графа тем, кого обычно называют народным певцом. Следует иметь в виду, что в ту пору достойной «большой» поэзии начинала считаться очищенная от несправедливостей, нанесенных человеком человеку, жизнь, т. е. в сущности переживания, радости и страдания абсолютно понятые, следовательно, современность, настоящее, действительное. Именно в этом заключался пафос сентиментализма, тогда как руническая национальная поэзия вводила читателей в романтическую даль древней вольницы, утерянной при нашествии немецких рыцарей. Новые песни Мантейфеля, доходчивые по форме и народные по содержанию, показывая созидательный труд с желанной, «игровой» стороны, а ростки радости — в настоящем, устремляли слушателей вперед, чего (хотя и иными средствами) добивались поэты национального пробуждения. Именно этим песни из «Досуга» и полюбились народу, а Мантейфель завоевал себе прочное место в истории эстонского стихосложения.

Независимо от исторических корней прибалтийско-финской рунической поэзии, она была воспринята поэтами «национального пробуждения» XIX в. как поэзия романтическая. Новая песня, каковы бы ни были ее истоки, привлекала к себе реалистов.

Фольклоризм Мантейфеля следует признать сентиментальным. И надо сказать, что из всех общеевропейских течений нового времени именно сентиментализм и оказал наибольшее влияние на песенное народное творчество. В этом смысле фольклоризм Мантейфеля стоит довольно близко к народному вкусу и фольклору.

Мантейфель-баснописец. Наконец, несколько слов о шести баснях и одной загадке, помещенных в первом издании «Досуга» в начале, а в третьем издании и нашем переводе — в конце книги. Хронологически — это, вероятно, самые ранние литературные опыты автора. Что же они представляют в историко-литературном плане?

Современные исследователи, например Мейли (K. Meuli. *Herkunft und Wesen der Fabel*. Bern, 1954), различают уже в античной литературе два направления в баснописи: восточное, где басенные звери всего лишь замаскированные люди, и греческое, где якобы натура животных изображается реалистически. Иными словами, речь идет о характере реализма этого жанра (см.: Л. Колмачевский. *Животный эпос на западе и у славян*. Казань, 1882, гл. I). Видное место басня заняла в литературе

Реформации, например в творчестве Э. Альберуса, Б. Вальдуса (связанного теснейшим образом с Прибалтикой) и М. Лютера, оказавшем особое влияние на эстонскую письменность. Очень рано басня была провозглашена чисто просветительским жанром (Гарсдорффер). В период позднего барокко и рококо басенный жанр считался вообще воплощением идеала литературы, которая, как полагали, призвана развлекать и поучать. Именно такой «высшей формой искусства» басня представляется у Лафонтена, затем Геллерта и др. Особенно активно басней занимался Лессинг. На этом этапе идейного, формального и теоретического развития басня становится достоянием письменности народов Прибалтики. (Последнего расцвета басенный жанр в Европе достиг в творчестве Крылова, у которого басня, даже в заимствованных сюжетах, подымается до уровня реалистической сатиры на современность, нарушая все теоретические каноны).

Проводником басенного жанра в эстонскую литературу оказался И. М. Ген (1743—1793), пастор-просветитель из Тарту, своей небольшой книгой (J. M. H e h n. Jutto Nink Moistu Kõnne, Ma-Rahwa Tullus Nink Rõõmustamisses trükkitu. Dorpat, 1778, 40 pp.). Эта книга считается ныне утерянной. Вслед за ним обогащает басенную литературу на эстонском языке известный просветитель, сочинитель руководства по практической этике на эстонском языке, разочаровавшийся в своей духовной карьере, Фридрих Вильгельм Виллманн (род. в Курляндии 1746 г., ум. в Эстонии, на о. Сааремаа 1819 г.), получивший высшее образование в Гёттингене и Кёнигсберге. (Новейшие сведения о нем см. A. Vinkel: Keel ja kirjandus, Tallinn 1961, пг. 6). До недавнего времени эстонская филология оперировала лишь поздними переизданиями книги басен Виллманна. Теперь же, благодаря находке О. А. Веберманна в Гёттингене, мы имеем описание первого издания этого крупнейшего баснописного памятника на эстонском языке. (O. A. W e b e r m a n n. Ein estnisches Unikum in Göttingen in: Ural-Altäische Jahrbücher 31 (1959), p. 491—502).

Как показал Вальтер Андерсон (W. Anderson. Läti mõjust eesti vanemas ilukirjanduses. Eesti Kirjandus, 1925, № 9, p. 385—395; 1926, № 10, p. 408—413), басни Виллманна «Juttud ja Moistatuses» отчасти непосредственно восходят к аналогичной книге на латышском языке известного пастора-просветителя Г. Ф. Стендера (1714—1796), под названием «Jaukas pasakkas un stahsti, teem Latvešeem par gudru Mahzibu sarakstiti no mahzitaja G. F. Stendera (Jelgava, 1766). Стендер в свою очередь воспользовался сюжетами западноевропейских баснописцев, обрабатывавших античные сборники басен из вторых рук. Это был первый случай литературного перевода с латышского на эстонский язык.

П. Шмидт (P. Šmits. Latviešu pasakas un teikas I. Riga, 1925, p. 67; p. 100 sqq.) полагает, что пастор Стендер, стремясь своей книгой «просветить» латышских крестьян, не мог себе позволить обратиться к столь «подлому» источнику как к народному творчеству латышей, а потому он сознательно пользовался лишь «высокими» книжными источниками.

Однако латышской фольклористке Анне Берзкальне, даже после основательной консультации с И. Больте, отнюдь не удалось установить книжных источников для всех повестушек Стендера. (Анализ сюжетов см.: A. Behrskaln. G. F. Stenders lettische Fabeln und Erzählungen. Zeitschrift des Vereins für Volkskunde, 1923/1924, p. 95—101). Следует полагать, что около половины сюжетов Стендера восходит все же к устной традиции, но, разумеется, немецкой, т. е. той среды, выходцем из которой и был Стендер. Ежели эти басни устно бытовали у остзейцев, то их сюжеты, как справедливо отмечает П. Шмидт, могли попасть в устный обиход латышей и эстонцев еще до выхода в свет книги Стендера, а следовательно, добавим мы, и задолго до появления переделки-перевода Виллманна. Против этой гипотезы мы не станем возражать, но зато укажем, что поскольку басня была неведома фольклору прибалтийских крестьян, то при переходе басенных сюжетов, будь то из книжных или устных источников, признаки жанра, его функция могли стереться. (Изложение проблемы см. в кн.: Л. Колмачевский. Животный эпос на западе и у славян).

Любопытно, что Стендер счел нужным специально подготовить крестьянского читателя к восприятию басен следующими словами: «Милый латыш, настало время просветить ум. Вот тебе новая книжка в качестве проводника к доброму просвещению дается в руки... Вам не следует думать, что повестушки в этой книге выдуманы просто так, без умысла, только времяпрепровождения ради, как те сказки старых баб. Наши сказки другого рода... Вы же не будете такими дураками, чтобы думать, что лиса... волк... или иной зверь... в самом деле так делали или говорили, как тут написано... сказки в этой книжке более ради высокого просвещения, чем ради рассказа, сочинены».

Вероятно, читатель того времени еще относился к печатному слову строже, чем к устным повестушкам, от которых он и не требовал «буквальной» правды. Предисловие Стендера, а также и Виллманна может служить лишь подтверждением нашего вывода, что басня как жанр (хотя она встречается и в библии) была неведома балтийским крестьянам еще во второй половине XVIII в., о чем свидетельствуют и терминологические затруднения Стендера и Виллманна при передаче немецкого понятия Fabel (басня). Следует отметить, что хотя басни были изданы уже упомянутым Геном в 1778 г., но точного термина для этого жанра в эстонском языке еще не было. Титул книги Виллманна может быть истолкован и как «сказки и были», которые вместе взятые должны были соответствовать немецкому титулу книги «Fabeln und Erzählungen». Знаменательно, что последующие издания книги Виллманна выходили под титулом «Рассказы и загадки». Видимо, и в 1787, 1804, 1838 годах, когда эта книга переиздавалась в исправленном виде, понятия «басня» еще не было в быту. Нужный термин valm, как вновь подтверждает Вебсманн, был введен лишь Мантейфелем в его «Досуге» (1838).

Нет сомнений, что книги Стендера, Виллманна и Арвелиуса оставили глубокий след в фольклоре местного населения.

К названным источникам главным образом и восходит устная басенная традиция. Несмотря на наличие значительного репертуара сказок о животных, басня как жанр в эстонском фольклоре в сущности отсутствует и поныне.

Одним из значительных баснописных памятников, вышедших в свет на эстонском языке в XIX в., был, таким образом, «Досуг» Мантейффеля.

Несмотря на традиционность некоторых заимствованных сюжетов, Мантейффель смог придать произведениям особый и неповторимый облик. К избитому сюжету «Стрекоза и Муравей» автор, например, пристроил пасторальную песню «Näed sa, kuu, see kulla ratas» (р. 98) («Глянь, луна»; стр. 43). Центральный образ басни «Житничек» тоже не отличается новизной, но под пером автора «Досуга» басня превратилась в сатирическую сказку о животных, которая основана на эпизоде сватовства, характерном для сказок такого типа и известном нам также по главному рассказу «Досуга». Действующие лица показаны с ненадуманными, подлинно человеческими слабостями. Язык басни отличается чисто разговорными интонациями. Недаром Мантейффель инсценирует, сколько возможно, басенные сюжеты, которые являются здесь, как нельзя более, «маленькими драмами».

ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ «ДОСУГА», КОМПОЗИЦИЯ И ОБРАЗЫ

Критерии датировки. Была ли написана основная повесть «Досуга» («Юри Тарвель»), как и стихотворные вставки (и, вероятно, басни), задолго до выхода книги в свет? На этот вопрос трудно дать односложный ответ.

Хозяин мызы из «Досуга» — это, вероятно, и есть сам граф Мантейффель. Как всякий герой, близкий сердцу автора, он наделен многими добродетелями: он и справедлив, и мудр. В отличие от образа мызника из рассказа Луце, являющегося чистой схемой, образ графа в «Досуге» правдоподобен, даже народен. Граф строго наказывает плута-трактирщика, но ведет задушевный разговор со старым Хансом Аккером о житье-бытье крестьянина. Чувствуется, что оба собеседника прожили довольно долго бок о бок и жизнь их, по-разному прожитая, подходит к общему концу. Автору «Досуга» (старому графу), судя по рассказу, лет за шестьдесят. Значит, повесть могла быть сочинена никак не раньше 20-х годов.

В повести есть такая картинка: господин и госпожа в сопровождении своих детей осматривают поля; косари приветствуют их и вручают им венки сжатой ржи: маленькая фрейлейн Мийна дарит монетку героине рассказа, Леену (стр. 20). Учитывая автобиографический характер этого

эпизода, можно предположить, что здесь идет речь о дочери Мантейффеля от позднего, законного брака. Родившуюся в 1818 г. (ум. 1902) дочь звали Вильгельмина Элизе, что в народном просторечии звучит как Мийна. Ей в повести не больше 10—15 лет, следовательно, эпизод этот мог иметь место в 1828—1833 гг. (а никак не в 1837 г., когда дочери минуло 19 лет и она уже была женой графа Коцебу). Судя по этому, повесть могла быть написана в начале 30-х годов.

Есть и еще одна своеобразная деталь, свидетельствующая о позднем написании повести: Юри Тарвель говорит, что он дал зарок не пить водки. Это сказано не ради красного словца. Дело в том, что некоторые пасторы, например Шварц из Пылва, стали по немецкому и латвийскому опыту приводить своих прихожан к церковной «присяге трезвости». Это «движение трезвости» распространилось в Эстонии около 1836—1837 гг. К этому времени и следует отнести зарок, данный Тарвелем. Таким образом, повесть, очевидно, была завершена примерно в 1837 г. Конечно, в повести могли отразиться мемуарные черты и по времени разного происхождения. И все же «Досуг» следует рассматривать как произведение зрелого, старого человека. Да и был ли у темпераментного графа в молодости досуг, чтобы написать свой «Досуг»? Если бы повесть была написана в 20-х годах, то едва ли была необходимость продержать ее в рукописи до 1838 г. Именно в конце 30-х годов Мантейффель находился в апогее писательского таланта. После «Досуга» в 1839 г. выходит его книга «Дни жизни Виллема Нави» (2-е изд. — 1922). Повесть является переработкой книги немецко-швейцарского писателя Zschokke (1771—1848) «Branntweinpest» (1837), которую затем переработал также и Крейцвальд («Вино-чума», 1840). Мантейффель заимствовал у Цшокке лишь тему и часть фабулы. Весь рассказ развернут применительно к эстонским условиям. В начале книги Мантейффель поместил юмористический рассказ-басню о мухе, высмеивающей людей, по глупости отравляющих себя водкой. Затем следует ряд картин из сельской жизни, также иллюстрирующих вред пьянства. Повесть настроена на агитационный лад, она призывает к «присяге трезвости» и даже к учреждению «обществ трезвости». Эта книга явилась прогрессивным вкладом в эстонскую литературу, хотя в художественном отношении она стоит ниже «Досуга».

Время написания повести, следовательно, близко к дате появления ее в свет (1838). Это же время сознательно изображается и фабулой «Досуга».

«Досуг» и его время. Читая «Досуг», советский читатель, со школьной скамьи хорошо усвоивший, что «литература отражает действительность», задаст себе нередко выдвигаемый некоторыми литературоведами вопрос: неужели Мантейффель, этот бывалый человек, объездивший много стран в период между двумя буржуазными революциями (1789—1848), так и не разглядел пагубного действия пережитков феодальной несправедливости? Неужели наследство, доставшееся ему от титулованных предков,

заслонило от него нищету народную, бедственное положение батраков, безвыходность судьбы бобылей? Неужели не заметил Мантейффель того, что было ясным уже Радищеву, Меркелю, Петри и многим другим и что столь основательно дебатировалось в течение многих лет в остзейской печати, которую он несомненно читал? Как мог этот расположенный к народу мыслящий человек пройти мимо больших социальных проблем своего времени и писать идиллию о «богатом» батраке, который предпочитает оставаться холостяком на чужом хуторе, нежели стать хозяином, или о сироте-батрачке, которая выходит замуж за наследника зажиточного хутора, о справедливом графе, который ведет со своим арендатором беседу о причинах разорения хуторов? Короче говоря, отражает ли книга Мантейффеля действительность?

На вопросы, поставленные таким образом, в лоб, вообще трудно ответить.

Во-первых, не следует забывать, что правда жизни не исчерпывается критикой социальных устоев, тем более что эта критика не могла бы увидеть света на эстонском языке в народной книге при царе Николае I. (Не находим мы неприкрытой критики существующего строя и в произведениях Фельманна и Крейцвальда, которых безоговорочно считают просветителями-демократами). Учитывая классовую ограниченность Мантейффеля, мы можем и должны скорее удивиться тому, что он нигде не выступает с апологией существующих порядков, с проповедью смирения, которые мы находим в избытке у его предшественников и современников и поздних литераторов гораздо более демократического происхождения (быть может, именно поэтому!).

Во-вторых, при социально-исторической интерпретации литературного памятника, при сопоставлении «Досуга» с действительностью, известной нам крайне обобщенно, следует помнить, что мы имеем дело с художественным произведением.

Публицистика в Прибалтике долго и упорно разоблачала клевету реакционеров на народ, показывая социальные причины таких пресловутых крестьянских черт, как лень, косность, пьянство, которыми пытались оправдать жестокую опеку, крепостную зависимость. Просветительская литература и pietистская церковная проповедь своими средствами выступали против этих пороков, сопутствующих «идиотии сельской жизни», не только не отрицая, но всячески преувеличивая их. И только Мантейффелю удалось в «Досуге» показать народ либо вовсе без этих порочных черт, либо в победоносной борьбе против этого духовного наследия крепостной зависимости. При этом автор не рядится ни в тогу адвоката, ни в мантию пастора, выступая, пожалуй, как честный свидетель. Прав был Крейцвальд, говоря, что «Досуг при свете лучины», «словно река, отражает берега со всем, что на них есть». И если свидетельство Мантейффеля кажется нам теперь идиллией, а картина, отраженная в «реке», доброжелательным искажением правды, то лишь потому, что

нам стали виднее «берега», и потому, что мы верим лишь исторической, большой правде, которая еще не существовала ни для владельца Равилы, ни тем более для его читателей.

Но обратимся к частностям.

Автор «Досуга» не только не избегает серьезного разговора о причинах оскудения крестьянства, но и сам затевает его, явно не чувствуя за собой личной вины. Тема оскудения крестьянства вообще является традиционной для людей старшего поколения.

Устами своих любимых персонажей в диалоге владельца мызы со старым хуторянином Аккером автор прежде всего признает самый факт всеобщего оскудения хозяйства, а заодно и упадка нравов. (Панацею от наступившей уже беды собеседники, разумеется, не видят в утверждении юридической собственности на землю, занятую крестьянами. Родство вечной аренды с наследственной собственностью, которую оба считают выгодной, им достаточно ясно). На первый взгляд кажется, что найдено удовлетворительное и, главное, нейтральное объяснение оскудения: людей становится больше, а земли не прибавляется (прирост населения резко увеличился). Однако не додумавшись до щекотливых выводов (например, что 2—3% населения владело чуть ли не всей пригодной землей), рассудительный крестьянин Ханс Аккер (кстати, Аккер по-немецки «пашня») находит с помощью автора более актуальные, не столь аграрно-политические, сколь «агротехнические» объяснения, могущие к тому же принести пользу читателю. Оказывается, леса в округе истреблены; не только расчищенная от лесов земля, но и та, которая служила естественным пастбищем, вспахана под пашню. Скотоводство сократилось, не стало удобренней. Источенная почва перестала кормить людей. А почему так случилось, кому понадобились леса на дрова, куда уходит зерно? Кто во всем этом виноват? Этого автор не досказал, но то, о чем он думал, вытекает из мысленной ассоциации: устами старого Аккера Мантейффель дает нам понять, что причина бедствия — вино, «змий-искуситель успел пристрастить уже многих и даже женщин к этому отравляющему дух и плоть яду, разрушающему исподволь и хозяйство хуторян, умножая число нищих — бремя, падающее на волюсть (общество)».

Не является ли этот довод «просветительской» отговоркой? Нет, здесь кроется и более вещественная логическая связь. Довод станет понятным и убедительным, если вместо «вино» подставим «винокурение». Именно на это понадобился и лес, сюда потекло и зерно.

Пусть и ограничен реализм Мантейффеля, пусть автор и не досказал всей правды экономико-социальной взаимосвязи явлений, но он безусловно правильно и глубоко увидел истинное положение крестьян и желал им помочь. Именно поэтому, а не из абстрактно-набожных побуждений он выступил против самой злободневной причины народного бедствия — против водки, угрожавшей маленькому народу, насчитывавшему около 700 000 душ, неминуемым вырождением.

Значительность темы. Пожалуй, трудно было бы сыскать и сейчас более емкую тему для большого социально-исторического романа, чем проблема, так непринужденно вытекающая из зрелых наблюдений старого Аккера.

Какое место заняло винокурение в политике и экономике того времени, показал не кто иной, как Фридрих Энгельс в статье «Прусская водка в Германском рейхстаге» (Fr. Engels. Preußischer Schnaps im Deutschen Reichstag. Der Volksstaat, vom 25., 27. Februar und 1. März 1876). К сожалению, историки Эстонии, как и литературоведы и этнографы, не уделили этой работе должного внимания. Между тем эта статья основоположника марксизма, подкрепленная более или менее известными фактами, взятыми из истории прибалтийского края, проливает яркий свет на некоторые черты действительности, едва озаренные слабой лучиной Мантейффеля.

Наполеоновские войны создали в Европе исключительную конъюнктуру для сбыта спиртных напитков. Спирт в те времена еще изготовлялся из ржи. Даже владельцы небольших мыз в остзейских провинциях России, как указывает в своем исследовании В. К. Фрибе (W. C. Friebe. Physisch-ökonomisch- und statistische Bemerkungen etc. Riga, 1794, §116), для поддержания приличествующего сословию светского образа жизни были вынуждены искать дополнительных доходов. По сравнению с торговлей хлебом винокурение сулило в два раза больший доход даже при условии покупки топлива. Но водка, добываемая из зерна, повсюду была весьма дорога и, следовательно, малодоступна широким массам крестьян и рабочим в городах.

Использование дешевого картофеля для винокурения внесло, как пишет Энгельс, решительный переворот. Винокурение перекочевало из городов в мызы, продвигаясь из плодородных зон в менее плодородные, но все же пригодные для разведения картофеля. Поэтому Пруссия стала центром картофельного винокурения. Прусские феодалы не располагали денежными средствами, чтобы наладить широкое производство водки. Крепостным была тотчас продана «свобода», и деньги для капиталовложения в винокурение были добыты! Прусские юнкеры стали теперь заполнять рынки всей Германии своей сивушной водкой, которая хотя и уступала по качеству «старой» ржаной, но зато и была дешевле. Опьянение стало в три-четыре раза доступнее! За гроши рабочий и ремесленник, а также и крестьянин могли пребывать целую неделю в спиртном дурмане. Как это сказывалось в условиях низкого уровня просвещения, нетрудно себе представить. О пагубных последствиях падения цен на водку в западной Германии вспоминал как очевидец сам Энгельс. Рабочий люд поддался на прусскую картофельную сивуху охотнее, нежели на сивуху небесную пиетистских попов. В силу высокого содержания масел в картофельной водке изменились содержание и характер веселья, дурмана. Участились поножовщина, трактирные драки, убийства. Пасторы, разумеется, объясняли наступившее падение нравов забвением закона божьего,

а юристы обрушивались на трактиры и гулянья, требуя вполне земных запретительных законов. Между тем одичание, по мнению Энгельса, было не чем иным, как естественным, физиологическим результатом прусской картофельной водки. (См. Fr. Engels. Preußischer Schnaps im Deutschen Reichstag).

Совершенно независимо от более высокого качества ржаной водки падение нравов в Эстонии было обусловлено уже количеством ее производства. В 1836 г. только в южной части Эстонии было, по данным Истории Эстонской ССР (т. I, стр. 736), произведено около 1 ведра водки на душу населения. На самом деле на душу населения производилось гораздо больше водки. Это было чревато пагубными последствиями даже при дороговизне, значительном вывозе и чистоте спирта.

Кроме того, дешевая прусская картофельная водка, бывшая вне конкуренции, стала попадать и легально (в составе «тонких, заморских вин», импортируемых из Франции и Германии в Петербург и окрестные города Прибалтики), а также все чаще и в нарастающих количествах контрабандным путем на побережье остзейских провинций. Ржаная водка становилась доступной, так как цена на нее падала. Остзейские помещики, которые давно промышляли ржаной водкой и доходы которых стали сокращаться, разумеется, знали, какую выгоду получают их прусские родственники, у которых картофельное винокурение стало основным источником наживы. Однако в Эстонии еще мало знали картофель, вино курили по старинке из более дорогой ржи. Поэтому мызы прежде всего взялись насаждать дешевый картофель. На этом этапе мы и застаем эстонскую мызу в «Досуге»: для Мареты картофель еще диковинка; трактирщик скупает краденое зерно, очевидно, для винокурения. (Имеются любопытные сведения, что разведение картофеля в Эстонии, которой из-за винокурения предстояло стать «картофельной республикой», активно поощрял общественный деятель и драматург мировой известности Коцебу.)

А тем временем вследствие падения цен и по другим причинам сложилась конъюнктура для доходной торговли водкой, на которую, очевидно, возрос и спрос. Трактиры в городах и селах росли как грибы. «О размахе торговли водкой на селе свидетельствует обилие трактиров. В 1854 году в Лифляндии насчитывалось 2713 сельских корчем (по одной на каждые 200 сельских жителей, включая женщин и детей), т. е. почти вдвое больше, чем в 1823 году» (Ист. Эст. ССР, т. I, стр. 737).

Итак, падение нравов, распространение пьянства, разорение крестьян, а следовательно, и просветительско-литературная реакция на эти явления имели под собою в первой четверти XIX в. общеевропейские злободневные причины большого социального значения. Быть может одной из самых важных, а главное, исторически посильных задач в борьбе снизу за народное благополучие было распространение просвещения как средства против пьянства.

Остзейская публицистика в лице таких либералов, как В. К. Фрибе или К. Бруйнинг (1782—1848), уже успела в статьях и экономических исследованиях на немецком языке, адресованных к мызникам, всесторонне осветить пьянство и как социальное явление и предложить меры для борьбы с этим злом сверху.

Фрибе еще в 1794 г. с возмущением писал, что помещики в былые времена кнутом обучали крестьян искусству винокурения. Подобно тому, как знаменитый просветитель Рейналь, возмущенный колониальными порядками, в каждой головке белого сахара видел души чернокожих, положивших жизнь на его добычу, Фрибе видит в каждом стакане прозрачной водки слезы измученных крестьян, жестоко эксплуатируемых винокурами-мызниками.

В журнале «Neue inländische Blätter» (№№ 17—18 за 1818 г.) анонимный автор, именующий себя гражданином и человеком, доказывает, что материальное бытие крестьян толкает их к пьянству. Крестьянин со всей своей семьей задыхается от дыма в тесной и низкой избе. Немудрено, что его влечет в просторную корчму, где он находит более уютную обстановку. Касаясь самого популярного обвинения, что-де эстонцы по натуре пьяницы, автор указывает, что самыми рьяными обвинителями являются именно те мызники, которые крестьян и развращают, насаждая трактиры и поощряя даже незаконные питейные дома. Анонимный народолюбец приходит к выводу, что следует позаботиться о постройке хорошего жилья и создать условия для семейной жизни, тогда и губительная страсть к водке вкупе с прочими пороками, в коих упрекают крестьян, исчезнут, уступая место добродетелям.

Анонимным автором был, вероятно, К. Бруйнинг или какой-нибудь его единомышленник, такой же сторонник Меркеля, адепта Адама Смита.

Еще в 1814 г. именно К. Бруйнинг (и тоже анонимно!) выпустил брошюру об улучшении жилья лифляндских крестьян. Его словесная агитация среди крестьян, разумеется, при их тяжелом материальном положении не могла дать каких-либо результатов.

Итак, неприглядная роль мызников в поощрении, насаждении пьянства слишком основательно и часто обсуждалась на столбах остзейской печати, чтобы остаться незамеченной таким видным землевладельцем, каким был граф Мантейфель. Быть может, именно поэтому, не чувствуя за собой, как за мызником, личной вины, он счел нужным выступить с проповедью трезвости, видя справедливо в пьянстве непосредственную причину падения нравов и разорения многих хозяйств, за что и он, как крупный землевладелец и остзейский дворянин, нес моральную ответственность.

Своим «Досугом», а через год и второй книгой Мантейфель старается показать эстонским крестьянам пагубные последствия пьянства. Устами хуторянина Аккера и батрака Тарвеля он всячески восхваляет трезвость, ставя образы этих героев читателям в пример. Основная

истинно лютеранская мысль сводится к тому, что чрезмерное употребление вина толкает только «слабовольных» и «глупых» крестьян на преступление. Автор выступает здесь, пожалуй, как понимающий педагог. По сравнению с пиетистскими, аскетически грозными проповедями предшественников и современников такое реалистическое понимание сложившегося положения весьма снисходительно и человечно. По сравнению же с деловитой публицистикой того времени такое понимание положения довольно-таки поверхностно. Впрочем, едва ли воспитательное значение книги усилилось бы, углубись автор в подлинные причины пьянства. Крестьянский читатель тогда еще для этого не созрел.

В конкретных условиях первой трети XIX в. просветительская деятельность вообще и печатное художественное слово в особенности были и еще надолго остались чуть ли не единственным действенным оружием в борьбе снизу против пьянства как реального зла. (Борьбой сверху против безответственного винокурения и вскрытием социальных корней и последствием пьянства занялась остзейская публицистика на немецком языке).

Было бы недостаточно рассматривать идейное содержание и тематику «Досуга» чисто литературоведчески, в сравнительном плане мотивов и тем. Неподдельный реализм образов, злободневность тематической направленности «Досуга» лучше всего раскрываются исторически именно в свете борьбы с пьянством, этой, казалось бы, «извечной», чисто просветительской, набожной темы.

Реализм. Надо отдать автору должное: хотя проповедь трезвости встречалась и раньше в эстонской письменности (Арвелиус) и идиллическое описание сельской жизни было уже дано Луце и Гольцем, но нигде и никогда доселе обе эти линии не нашли такого органического и художественного сочетания, как в «Досуге» Мантейффеля, завершившего, таким образом, целую эпоху в истории эстонской литературы.

Автор написал довольно большую картину. Он показывает любовные отношения крестьян, свадебные обряды, рисует подлинные типы людей (одна деревенская сплетница Марета чего стоит!) и вводит много бытовых подробностей. Даже имена собственные, как действующих лиц, так и упомянутых хуторов, подлинны, не аллегоричны: Вайно Юри и хутор Сепя (т. е. хутор кузнеца) засвидетельствованы, например, в ревизской сказке на 1835 г. по имению Равила. Это не значит, что события и образы, показанные в повести, непосредственно, «натуралистически» перенесены из жизни. Они уже значительно обобщены, художественны, хотя столь же мало индивидуализированы, как, например, и образы сказочных героев. Но если образы народных сказок, как признается теперь после работ Люти большинством сказковедов, схематичны потому, что уже являются итогом очень длительного устного развития, то образы, созданные Мантейффелем, схематичны потому, что они стоят еще на начальном этапе развития литературных средств. Конечно, повесть может показаться при-

митивной, хотя и в лучшем смысле этого одиозного у нас слова. Это вовсе не означает, что примитивны были те люди, которых пытался изобразить престарелый граф. Не считал их примитивными и автор. И это нашло свое яркое отражение в повести.

Образ батрака. Центральная фигура основного рассказа книги — это батрак Юри Тарвель. В нем воплощены в назидание читателю наилучшие добродетели. Является ли этот образ досужим вымыслом или он был подмечен Мантейффелем в гуще народа?

Мелкие хозяева-арендаторы в Прибалтике даже при крепостной зависимости нанимали батраков. Иначе хуторянину было бы невозможно нести барщину на мызе. Русский деятель ревизионных комиссий по крестьянским делам во времена Александра I А. И. Арсеньев (см.: В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой четверти XIX в. Пб., 1888, стр. 294) назвал лифляндских сельских рабочих «невольниками невольников и рабами рабов». Объективно он был, конечно, прав. И все-таки находились люди, разумеется, из среды самых реакционных мызников, которые считали батраков чуть ли не баловнями судьбы. Так, Г. Бок (J. von Bock, Neue inländische Blätter, 1817, № 27; 1818, № 3) утверждает, что батрак счастливее своего хозяина и живется ему беззаботно. Будучи холост, рассуждает Г. Бок, батрак содержится как «собственное дитя» хозяина, по вступлении же в брак получает отдельное хозяйство и может жить беззаботно в своей семье. (Отметим, кстати, что неосновательность этих утверждений была разоблачена в том же журнале бароном Бруйнингом, которому было ясно безвыходное положение батраков и бобылей, обреченных на вечную нищету).

Напрашивается вопрос: какого же мнения придерживался Петер Мантейфель, автор «Досуга», повести, в которой батрак занимает весьма видное место? Признания, вложенные в уста Тарвеля, действительно очень напоминают слова Г. Бока. Марета, горемыка-бобылиха, опять-таки довольно радужно (хотя и противоречиво) вспоминает о той поре, когда она ходила в девках. Эти пассажи, могущие вполне служить иллюстрацией явно нарочитых идей Г. Бока, явились бы достаточным доказательством реакционности воззрений и Петера Мантейффеля, если бы эти самодовольные рассуждения батрака звучали неестественно в устах изображенного персонажа.

Пока господствовали патриархальные нравы в личном общении между несвободными хозяевами и зависимыми от них батраками, пока в волости были тарвели, работающие за троих и сверх того несущие немалые повинности в пользу казны, ненасытные мызы и привилегии помещиков были ограждены от гнева народного, незывлем оставался отживший общественный строй и полуфеодалные отношения.

Такова историческая канва центрального образа повести. Мысли, пусть даже вложенные в уста батрака Тарвеля, о довольстве судьбой, не почерпнуты из реакционных остзейских журналов. Конечно, в условиях,

когда ни сам автор, владелец латифундий, ни даже безземельные его крестьяне не освободились от патриархальных иллюзий классового мира и возможности сочетать антагонистические интересы в стране, где издавна социальный конфликт затемнялся конфликтом национальным, трудно ожидать в ранней литературе изображения настоящих столкновений. Вопрос о безвыходном положении батраков, вопрос о земельной собственности — этот вопрос всех вопросов, часто обсуждавшийся в остзейской публицистике, в литературе для крестьян и не ставился. Наблюдения, высказываемые Тарвелем на досуге при свете лучины, вопреки или благодаря их ограниченности объективно народны, каковы бы ни были их социальные истоки и как бы ни были они неприемлемы для историка сегодня.

«Правильный» батрак Юри Тарвель, склонный к резонерству и рассуждениям об извечном разуме Природы, в сущности говоря, правдоподобный характер. Этот батрак знает цену труду и деньгам, он умеет ценить чуткое отношение и порицать зло, к тому же этот старый холостяк способен острить и язвить, чуя женское поползновение на свою свободу. Даже отвлеченные рассуждения батрака о душе и бессмертии, а тем более о вреде пьянства народны и звучат в устах этого, казалось бы, чистого резонера вполне естественно для человека, наслушавшегося в лютеранской кирхе разных проповедей на подобные душеспасительные темы. Сознание и мышление человека всегда содержит много «лишнего» с точки зрения его социальной функции, массу представлений, которые иногда могут и помешать их носителю идти вперед. Однако без подобных подробностей образ остался бы лишь схемой. Персонажи Мантейффеля взяты из жизни.

Жизнь, однако, властно определяла действия людей независимо от их убеждений. Иногда терпению батраков приходил конец. Так, в 1804 г. батраки Эстляндии восстали против усилившейся барщины. В этом движении, кстати, принимали участие и батраки из Равилы, а граф Мантейффель вместе со своими собратьями по сословию был вынужден искать убежища у более могущественного соседа, покуда не подоспеет военное подкрепление из Таллина. И надо заметить, что в этом восстании батраки и хуторяне-хозяева выступали вместе против крупных помещиков-землевладельцев. Современный исследователь приходит к выводу, что всеобщая нищета и наличие общего врага затушевывали классовые противоречия внутри крестьянства Эстонии (J. K a h k. Rahutused ja reformid. Tallinn, 1961, p. 576). Естественно, что это находило свое выражение и в сознании батраков, что сказывалось на их поведении.

Остальные образы. Разумен в делах и рассуждениях своих старый хуторянин Ханс Аккер, умудрена жизнью, отзывчива, но скупа на слова его жена. Наивен, но правдоподобен в своем поведении их несколько изнеженный сын; по-крестьянски скромна и стыдлива его невеста, отнюдь не лишенная чувства собственного достоинства сирота Анне. И вороватый

корчмарь, а тем более бедная сплетница и сваха Марета — это полнокровные характеры, порожденные закрепощенной старой Эстонией.

Обстоятельства, столкнувшие изображенных в «Досуге» персонажей, довольно жизненны. Все эти мелкие проделки трактирщиков, потасовки и судебные разбирательства, сватовство традиционны, как течение самой крестьянской жизни того времени. Представленная социальным организмом, эта жизнь неминуема, как и спокойная смерть героев. Мантейффель, как и любой другой сельский житель, досконально знал эту жизнь и ею жил. Для изображения этих событий не требовалось литературского изучения частного случая, прототипов. Требовалось желание для кого-то писать, необходим был литературный талант, нужен был досуг! И всеми этими предпосылками Мантейффель обладал в такой большой мере, что сумел даже преодолеть немало, надо думать, сопротивление языка.

«Досуг» рисует типические характеры в типических для того времени обстоятельствах, однако пространство, в котором события развертываются, очень тесно, как узок был крестьянский мирок даже в самой большой латифундии. Вот почему так трудно и, быть может, все-таки рискованно называть «Досуг» произведением реалистическим в современном смысле этого слова, предполагающем и наличие исторической перспективы, развитие характеров, чего здесь нет.

Важно то, что Мантейффель изобразил крестьян (даже батрака, стоящего по понятиям времени на очень низкой ступени сословной лесенки) не частью природы, как это свойственно литературе сентиментальной, не наслаждающимися природой, как это свойственно романтизму, а задумывающимися о тайнах природы, мыслящими людьми. В этом новизна, гуманистический демократизм и большая заслуга автора.

Композиция. Композиция повести не отличается классической стройностью. Можно подумать, что, начав свой рассказ о батраке Юри Тарвеле, автор еще не знал, как развернутся события и чем повесть кончится. И хотя с первой страницы ясно, чему Мантейффель хочет поучить читателя, трудно предугадать, как он намерен это сделать.

Сюжет. Начало повести написано контрастными черно-белыми мазками. Юри Тарвель противопоставлен Хансу Таакелю. Между этими двумя началами добра и зла — нерешительный тридцатилетний «отрок» Март. В самом начале начинает звучать дидактический, многократно повторяющийся, очень популярный в народе мотив. Автор рассуждает устами мудрого хуторянина о правильном воспитании детей, порицая при этом чрезмерную мягкость матери (см. басню «Житничек»). Следует отметить, что в конце XVIII в. об этом писалось уже немало во многих семейных журналах). По народно-педагогическим представлениям преступность — следствие «мягкого» воспитания. Родители несут ответственность перед обществом. Бедняк, рождающий на свет детей, которых он не может обеспечить материально, сам совершает преступление и размножает преступников. Вскоре автор иллюстрирует свои рассуждения чрез-

вычайным событием: Март, сын зажиточного хозяина, оказывается невольным соучастником батрака Таакеля в воровстве. Но доброе начало, заложенное порядочными родителями, разговор по душам в духе притчи о блудном сыне легко обращают Марта на путь праведный. По наущению отца Март сообщает на мызе о случившемся. Волостной старшина является в корчму с обыском и обнаруживает улики. Злоумышленник (кстати, не вор, а скупщик краденого) будет наказан крестьянским судом, а Март заслуживает похвалу графа.

Хотя эта схема не блещет новизной (к ней уже ранее прибегали и в эстонской литературе), все же поведение героев здесь объективно оправдано и во всяком случае не обусловлено стремлением автора к утверждению неприкосновенности барской собственности, отнюдь не считавшейся в народе священной. Нет здесь ни проповеди классово-изменной, ни самого предательства. Мы даже теперь вынуждены одобрить поведение отца и сына, а также волостного старшины, несшего полицейские функции. Этот эпизод, впрочем, служит лишь завязкой гораздо более сложного сюжета. Знаменательно, что уже в этой вступительной части мы находим бытовые сцены. Леену поет песню, услышанную на мызе, идет неторопливая речь о сновидениях, о приметах. Главное не в изображении Леену, — она так и не будет играть сколь-нибудь значительной роли в повести. Автор стремился изобразить домашнюю обстановку: вечер за прялкой. Надо признать, что сделано это с достоверностью этнографического очерка.

Именно так описывает вечер за прялкой, например, в доме гессенских крестьян и современный ученый этнограф [Fr. Wernner (W. Boette). *Aus einer vergessenen Ecke*, 2. Langensalza, 1929, p. 18].

Одна из самых живых фигур в эстонской литературе — Марета; эта деревенская сплетница приходит вроде пресловутой Стрекозы, чтобы поживиться добром хозяйки хутора, Муравья. Сначала она ничего не получает — всем известна ее лень и непорядочность. Однако и в повести и в басне дело не ограничивается «басенной» моралью. Автор, сам поэт, будит, в нарушение традиционной схемы, сочувствие к певунье-стрекозе, а тем более к Марете; она получает немного еды для детей, а затем ей поручается доходная роль неофициальной свахи, с которой Марета, ко всеобщему удовольствию, справляется отлично. Оказывается, она, обладая отзывчивым сердцем и зная толк в людях, склоняет их к добру.

Затем автор развернул пасторальную картину: молодежь у качелей. Снова звучит по-крестьянски анакреонтическая песнь в устах Анне Вайно. Этой песне, как и всему эпизоду, придано большое тематическое значение. Март, слушая песню, влюбляется в Анне, и тем самым начинается основная интрига повести. Видимо, любовная линия была близка сердцу автора, он дублирует ее: Таакель тоже пытается добиться руки Леену, воспитанницы в доме Аккера. Вначале он получает решительный отказ, так как его плохое поведение уже всем известно: Таакель замешан

в краже, сверх того, пытаясь увильнуть от николаевской военной службы, он умышленно повреждает себе ногу и оказывается чуть ли не при смерти. (Любопытно, что Мантейфель не ощутил потребности осудить неверно-подданническое отношение Таакеля к призыву!). Такой человек не должен достигнуть счастья, пока не исправится. Линия Таакеля постепенно отходит на задний план.

Примерно с середины повести события начинают склоняться к счастливому концу и всяческие осложнения, вероятно, сознательно избегаются. Автор явно удовлетворен тем, что все персонажи начинают проявлять себя с самой положительной стороны. Даже Таакель, дав зарок не пить вина, находит приют у своего дальнего родственника, бездетного столяра. Собственно говоря, при столь облегченной интриге повествование могло бы быть закончено в любой момент счастливым концом. Но автор явно старается ввести в рассказ как можно больше традиционно-бытовых сцен (это видно по дополнению ко второму изданию) и вложить в уста героев свои самые заветные мысли о закономерностях природы, о душе и бессмертии и даже о причинах всеобщего оскудения хозяйства, отдавая этим дань модным философским и экономическим учениям.

В основе сюжета лежит, таким образом, не рассказ о батраке Юри Тарвеле, как можно было бы ожидать, судя по заглавию, а повесть о Марте и Анне: молодые как бы невзначай встречаются воскресным утром у кирхи и объясняются в любви, затем Март осторожно добивается благословения родителей, а те — согласия графа оставить хутор за сыном в аренду. Только тогда совершается долгожданная, несколько комическая поездка жениха с матерью за подарками в город; венец делу — традиционная свадьба с реалистическим, ненавязчивым описанием деревенских обрядов.

Весь этот быт (за исключением некоторых деталей, встречающихся и в идиллии Гольца) отражен в эстонской художественной литературе впервые. Уместно отметить, что первая «серьезная комедия» из крестьянской жизни с положительным героем крестьянином-батраком в русской литературе была написана Плавильщиковым в 1790 г. (см.: Д. Д. Б л а г о й. История русской литературы XVIII в. М., 1955, стр. 334). Первый же роман из крестьянской, сельской жизни на немецком языке был сочинен просветителем Песталоцци в 1781—1787 гг. («Lienhard und Gertrud»).

В своеобразном эпилоге, сменяющем описание свадебного веселья, Мантейфель рисует трогательную картину смерти (такова последовательность обрядов семейного цикла) старой хозяйки. Явно авторские, но вместе с тем подлинно крестьянские раздумья о смысле жизни и смерти вложены в уста старого батрака Тарвеля, который, как упоминалось, вообще нередко выступает в качестве резонера. (Об идейных истоках этих рассуждений речь идет в комментариях). Истинно народная, тонко подмеченная и совершенно недоступная посторонним сцена смерти завершается элегией, написанной и присланной графом. Эта не по-крестьянски

возвышенная элегия, напоминающая произведения Гёлти или Матиссона (некоторые из них были уже известны и в эстонском переводе), по тону вполне соответствует торжественности, с которой крестьяне встречают смерть.

Таковы композиция, образная канва и сюжет «Досуга при свете лучины» — произведения, позволяющего современному читателю заглянуть в темные курные избы и ясные сердца эстонских крестьян не только пореформенного, но и дореформенного периода. В этом культурно-историческая ценность памятника.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА, ИДЕЙНОЕ СОДЕРЖАНИЕ И СТИЛЬ «ДОСУГА»

Изобразительные средства Мантейффеля прежде всего художественны. Быт отражен конкретно, с многими выразительными подробностями, свидетельствующими о подлинном знании жизни крестьян.

Диву даешься, сколько жанровых, бытовых картин уместилось у автора на немногих страничках, сколь многое смог он охватить несложной сюжетной линией, как много сумел он сказать (а главное показать), так мало говоря!

Речь. На первом плане все же образы людей. Возьмем хотя бы Марету. Она изображена с исключительной психологической убедительностью. Мантейфель, совсем как драматург, совершенно не прибегает к авторской характеристике. Мы будто видим Марету на сцене, слышим ее стрекочущую скороговорку, легко переходящую от темы к теме. Уже из самой манеры говорить встает перед нами живой образ. Надо признать, что в изображении женских типов, их человеческих слабостей Мантейфель показал себя художником слова большой силы. Прошло немало времени, прежде чем эстонские писатели научились «подслушивать» подлинно народную речь и посредством ее рисовать живых людей.

Природа. Изображению природы (как это характерно и для фольклора) почти не нашлось места на страницах «Досуга». Природа в изображении Мантейффеля всегда неярка. (Лаконично описание осени, именно осени, стр. 25. Как далеко вперед к реализму ушло это описание от велеречивых излияний сентиментальных идиллий, например Гольца, первооткрывателя природы в эстонской литературе).

Интерьер. Примечательно, что Мантейфель оком художника и почти народоведа видит интерьер крестьянского хутора. Чего стоит, например, картина, озаренная светом лучины (стр. 25).

Автор застаёт своих героев в вечернем интерьере за работой. Мантейфель уже не проповедует добродетельность такого времяпрепровождения, и, разумеется, он еще не доказывает горькую необходимость этого труда, он показывает семью за работой и делает это со знанием

дела и любовно. И эта неназидательная, непросветительская манера показывать, а не доказывать (в условиях того времени) делает честь перу художника.

Жанровые картинки показаны читателю не как притчи, поучения ради. Мантейффель как бы любит подлинной жизнью, которая неожиданно раскрылась перед ним. В этом отношении писатель Мантейффель напоминает таких художников кисти, реалистов XIX в., как Г. Шлатер, А. Пецольд, Э. Гебхардт, О. Гоффман, Г. Бохман и др. Что же привлекло внимание Мантейффеля, а затем остзейских художников? Вот что: шумная корчма, крестьяне и барышники, расследование кражи, суд, толока, гулянье у качелей или кирхи, т. е. подлинно народные сцены, характерные для сельской действительности (почему некоторые из них даны здесь как иллюстрации). Мы видим у Мантейффеля обстановку, в которой ведется речь о старинных и новых народных песнях, видим яркие народные обряды, красочный наряд невесты, свадьбу. Здесь нет чистенького блеска пасторалей. От тривиальной литературы (Kitsch) XIX в. «Досуг» отличается конкретностью, строгостью стиля, чувством меры. Это этнографический, вполне достоверный документ. Идеализация и историзация этнографического быта началась позже. Мы узнаем о сугубо материальном, реальном отношении живых людей к освященным временем традициям старины, к свадебным обрядам, к сновидениям. Нет и намек на суеверный страх, сватовство протекает здесь как веселая игра, при которой действующие лица остаются по-крестьянски себе на уме. Автор показывает не столько предрассудки крестьян, как рационалист, сколько рас судок народа, как реалист. Брак для крестьян — это прежде всего трудовое соглашение. Родители состарились, остается наследник и потому настало время ему жениться, хотя сыну «всего лишь» тридцать лет! Он, конечно, может избрать себе девушку по душе, ибо согласие и любовь полезны для хутора, но в конечном счете дело решают родители, а потому избранница будет работающей и здоровой. Ее приданое значения не имеет, так как она входит в дом, где труд всякого прокормит. Девушке предоставляется право решить свою судьбу, но и ее выбор уже подсказан, определен крестьянским рассудком; любовь наступит потом. Невеста Марта сирота, она располагает лишь рабочими руками. Наследник маленького хутора, с социальной точки зрения ее «суженый» идеальный жених. Добродетель девушки заключается в том, что она не сбивается с пути, неминуемо ведущего к счастью. Такой, если хотите, была жизненная правда, и Мантейффель сумел нам ее показать с самой привлекательной стороны, как нечто «желанное», «естественное» (*utile dulci!*). Любовь Марта и Анне ничем не омрачена. Счастье на земле возможно: сирота выходит замуж за наследника зажиточного хутора.

Счастье, привалившее бедной девушке, представляется автору (и, наверное, тогдашним читателям) вполне реальным явлением. Дело в том, что в условиях, когда крестьяне были, в сущности, обездолены, когда земля

принадлежала мызникам, основой личного и семейного благополучия крестьян являлся труд, хотя большая часть полезного труда шла на обогащение эксплуатирующего класса, к которому принадлежал и сам автор повести. В буржуазно-капиталистических условиях (к юбилейному 3-му изданию, лет через сто после выхода в свет 1-го издания книги) тот же сюжет воспринимался уже как чисто романтический, неправдоподобный, хотя книга и лишена свойств тривиальной литературы. Советскому читателю настоящего перевода сюжет покажется опять реальным. Восприятие произведения меняется, ибо повесть полностью лишена исторической перспективы.

Стиль и язык. Нелегко донести народность стиля «Досуга» до сознания читателей перевода. Народный колорит произведения в значительной мере кроется в языке, стиле. Речь персонажей изобилует поговорками, непереводаемыми сравнениями, меткими пословицами. Все это соответствует стилю XVI—XVIII вв. Речь старого Аккера (стр. 11. 31) — это сплошная цепь народных сентенций, крылатых слов и т. п. Переводчик, стараясь как можно точнее передать своеобразный язык персонажей, избегал, насколько возможно, «обрусения» или модернизации стиля. Читатель перевода поэтому заметит несколько непривычные, но очень меткие обороты речи персонажей, обратит внимание на риторические вопросы, междометия, сравнения, описания жестов. Не всегда, возможно, будут понятны читателю каламбуры Тарвеля, Аккера или хозяйки, очень характерные для эстонского народного юмора. Невозможно, к сожалению, привести их здесь для примера. (Кое-что раскрывается в комментариях).

Некоторые формулы вежливой просьбы, удивления или благодарности могут показаться русскому читателю странными, литературными. Но это не совсем так. Перед нами язык библии, который глубже вошел в обиход эстонского народа, исповедующего лютеранство, чем у русских. К тому же эстонский перевод библии, как и его лютерский образец, впитал в себя лучшие стилевые богатства народного языка. В этом смысле можно сказать, что библейские праотцы говорят скорее на языке эстонских крестьян, нежели последние на языке иудейских пророков. Между тем русский перевод библии был завершен и стал поступать в Россию, когда уже умер Пушкин, которого русский человек, между прочим, всегда читал больше библии.

Эстонский «высокий» стиль — это в основном язык библии, проповеди. Мантейфель сознательно иногда применяет подобные архаические обороты. Язык «Досуга» — это преимущественно повседневная, потому несколько неряшливая речь эстонских крестьян начала XIX в. Местами фразы вследствие скороговорки даже непонятны или допускают несколько толкований. Эстонский рядовой читатель редко заметит эти места, однако переводчик их никак не минет.

Язык Крейцвальда, например, гораздо более интеллектуален, потому и ближе к литературному немецкому. Его фразы длинные, осложнены

дополнениями, подчиненными предложениями и т. д. Крейцвальда легче переводить, зато труднее читать. Мантейффеля — наоборот. Здесь сказалась языковая ситуация двуязычного населения. Язык, воспринятый устно от народа, и мог быть только народным, между тем язык, филологически осмысленный, приобретает иные качества. Мантейффель будто спешит записать мысль, образ, картину. Быть может, потому он и прибегает к прямой речи, к диалогам, иногда в ущерб логике сюжета (стр. 24).

Драматизм «Досуга». Тяготение «Досуга» к драматизму, судя не только по форме, но и по содержанию, несомненно. Можно даже предположить, что «Досуг» был задуман как драматическое произведение: повесть вполне сценична. Мантейффель явно тяготеет к театру. Из него мог бы получиться неплохой комедиограф. Но обстоятельства, видимо, не способствовали этому.

Мантейффель-юморист. Зато Мантейффель своим «Досугом» оказался первым юмористом в эстонской литературе. Это тем более ценно, что просветительская письменность вообще слезлива, улыбка озаряла редко и лицо романтиков, а критических реалистов подавно.

Марета из «Досуга» — лицо безусловно комическое. Автор ей поначалу не сочувствует, но и не бичует ее назидательной сатирой, как это стали бы делать многие писатели с времен Ромула до наших дней. В комическом свете предстает перед нами и деревенский «отрок» тридцати лет, который готов приобрести для своей невесты золотые сапоги (т. е. позолоченную деревянную вывеску сапожной мастерской), но забывает купить серебряные кольца для венчания. Улыбается автор и сверх меры ласковой матери. Смешной кажется окружающим Леену, придумывающая сны в ожидании жениха. И разве не смеются вот уже несколько поколений над упрямым холостяком (Тарвелем), который на все вопросы о том, кто ему сделает то или се по хозяйству, неизменно отвечает и, вероятно, все громче: «я сам!».

В басне о Житничке автор тоже высмеивает ловлю жениха. От внешнего образа полевых мышей почти ничего не осталось. Это люди! И отношение автора к ним теплое, гуманное. Видимо, престарелый граф поглядывал на окружающий мир как на веселый кукольный театр. Он улыбается зрелищу, не вмешиваясь назидательной проповедью, не портя ни себе, ни другим хорошего настроения, игры. Это и есть юмор.

Улыбка Мантейффеля вызвана зрительным, реалистическим восприятием действительности, а сочувствие к крестьянам — сентиментально-раннеромантическим настроением, находящим выход в «слове божьем». Это, конечно, противоречие, но оно свойственно всему мироощущению барокко.

Черты религиозного мировоззрения Мантейффеля не опираются на догмы, не клерикальны и уступают идеям практической нравственности. В отношении «извечных» проблем (душа и дух, плоть, благодать и т. д.), занимавших умы старшего поколения эстонских крестьян, воспитанных

в духе лютеранского богословия, Мантейфель выступает как рационалист и деист.

Незачем осуждать писателя за то, чего он не дал, да и не мог дать. Он сумел в меру своего таланта правдиво донести до нас быт и дух своего времени, полного оптимизма и веры во всемогущество человеческого разума, в его доброту, что само по себе антиклерикально. Лишь перед лицом смерти автор и его персонажи проявляют склонность к грустному раздумью, начинают ощущать свое человеческое бессилие и предаются философско-религиозному настроению. И, быть может, перед лицом этой неминуемой смерти крупнейший землевладелец, родовитый граф и сам махнул рукой на «блага мира сего» и взялся за перо, чтобы оставить о себе память народу, который он по-своему искренне любил.

«ДОСУГ» В ИСТОРИИ И КРИТИКЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Народ и литераторы благосклонно приняли «Досуг» Мантейффеля. За год, т. е. очень быстро, тираж был распродан (а ведь экземпляр стоил 40 коп.); в марте 1839 г., как гласило объявление, «излюбленное эстонское сочинение» вышло вторым, исправленным изданием. Фр. Р. Крейцвальд пишет из Выру (см.: *Inland*, 1838, № 49), что даже туда дошло несколько экземпляров ценной народной книги графа Мантейффеля и, невзирая на то что она написана на таллинском диалекте, ее читают местные просвещенные жители с превеликим удовольствием. Крейцвальд отмечает, что книга, написанная просвещенным и доброжелательным знатоком народной жизни, по праву заняла первое место среди книг, написанных для народа. Крейцвальд и в дальнейшем выступает с самыми положительными отзывами о «Досуге».

Известный фольклорист А. Кнюпфер ставил «Досуг» всем эстонским литераторам в пример как лучшее из всего написанного по-эстонски (*Inland*, 1839, № 43).

Вскоре, однако, раздался голоса из реакционного лагеря. Один из самых рьяных проводников «душеспасительного» чтива Каря Иоганн Мазинг выступил против хвалебных рецензий на «Досуг» с разносным трактатом. Статья эта вышла отдельной брошюрой на немецком языке в Тарту в 1839 г. (Роковым образом этот опус явился первым литературно-критическим изданием в истории эстонской литературы). К. И. Мазинг, строго упрекая высших иерархов церкви за их благосклонность к «Досугу», самого автора оставляет куртуазно в покое, делая ему даже несколько комплиментов. Уничтожающей критике подвергается язык произведения, то, что «трактирная речь» возведена в достоинство литературного языка. (К тому времени уже сложился и другой, «приличный» язык, которого Мантейфель мог и не знать!). К. И. Мазинг бросает упрек А. Кнюпферу, посмеявшему высказать пожелание, чтобы подобная

книжка вытеснила современную духовную письменность, да чтоб за это дело взялись пасторы! Этак, чего доброго, пастор-де скоро станет с амвона рекомендовать сказки Гриммов, басни Лессинга и Геллерта, заявляет К. И. Мазинг иронически, считая подобный довод абсолютно убийственным. Мазинг приходит к выводу, что просвещение, распространенное начиная с 1750 г., ложно и противоречит духу христианства. (Что оно ложно, утверждали и некоторые советские литературоведы, но именно потому, что оно «христианское!»).

В разносной критике «Досуга» встречается у Мазинга непонятный нам намек. Он отмечает, что предыдущие литературные опыты (Мантейффеля?) оказывались неудачными вследствие «неблагодородных» тем, вроде кражи, попойки, драки и т. д., воспеваемых к тому же в стихах. Ныне в эстонской письменности известно лишь одно такое «неудачное» стихотворение анонимного автора второй половины XVIII в. Это «Сказание об одном воре», изобилующее многими бытовыми подробностями. Маловероятно, чтобы К. И. Мазинг знал произведения Мантейффеля в рукописи. Поэтому можно предположить, что упомянутое анонимное произведение слыло ранним сочинением Мантейффеля. Стиль этих виршей очень близок «Досугу». (Из статьи того же К. И. Мазинга, кажется, явствует, что Мантейфель ранее писал и по-немецки, так что не исключены ранние пробы пера и на эстонском языке).

Усилия реакционеров вроде К. И. Мазинга оказались тщетными. Более того, протестантское богословие и проповедь, как уже отмечалось выше, вскоре пошли навстречу новым философским и литературным веяниям и совсем в духе раннелютеранской проповеди стали широко пользоваться литературными образами. Консерватизм остзейских пасторов был смят поступью истории как извне, так и изнутри — из собственного лагеря. Идеи Просвещения восторжествовали окончательно, а страсти, разгоревшиеся вокруг «Досуга», зажгли сердца молодого поколения литераторов, в частности Фельманна и Крейцвальда, сочинителей «Калевипоэга», самой значительной из всех народных книг Эстонии.

Непосвященному этот тезис может показаться чисто риторическим. Ведь не так-то легко определить влияние и преемственность в литературном процессе. Однако бесспорно то, что Крейцвальд, опубликовавший свою восторженную рецензию на «Досуг» 7 декабря 1838 г., уже пять недель спустя, а именно 18 января 1839 г., вступает в члены Ученого эстонского общества (Opetatud Eesti Selts), беря на себя обязательство сочинить народную книгу под названием «Viinakatk» («Вино-чума»).

Правда, молодой Крейцвальд уже раз, в 1820 г., принимался за перевод на эстонский язык народной книги «Еновева». Однако едва ли бы Крейцвальд вернулся 15 лет спустя к затее перевода на сей раз книги Цшокке, проповедующей трезвость, если бы не успех, доставшийся Мантейффелю и его «Досугу».

Следует напомнить, что после «Воскресных чтений» и «Еженедельника» Отто Виллема Мазинга в течение целых 15—20 лет ни одна подлинно просветительская книга не увидела света на эстонском языке. И только Мантейфель снова доказал своим «Досугом», что на «подлом»

языке народа можно и должно писать художественные веселые рассказы. Вероятно, именно это и воодушевило Крейцвальда попытаться сделать из «Вина-чумы» подлинно эстонскую народную книгу. И характерно, что Мантейфель и Крейцвальд одновременно обратились к одному источнику, очевидно, каждый самостоятельно. Обогащенный опытом, Крейцвальд скоро задумал написать большой «национальный роман». Замысел, вероятно из-за недостатка времени, не был осуществлен, но зато Крейцвальдом был сочинен ряд повестей для календарей. Последний рассказ («Mihkel Põllurapp», 1864—1873 гг.) можно, пожалуй, по объему назвать и романом. В этом творении Крейцвальда можно заметить некоторые следы влияния Мантейффеля. Но пусть это составит предмет особого исследования.

Другой основоположник национальной литературы, Фельманн, также приступил к сочинению рассказов для календаря лишь в 40-х годах, т. е. после выхода в свет двух изданий «Досуга». Язык и стиль этих произведений местами напоминают Мантейффеля. Так, например, образ Мареты расположил Фельманна к созданию гротеска «Календарщик в беде».

Но не только передовые литераторы испытали на себе влияние Мантейффеля. Некоторые стороны опыта Мантейффеля, как-то: черно-белый схематизм, пафос разоблачения суеверий и некоторые натуралистические приемы были освоены и консервативным Яннзеном, который (если отвлечься от народности языка этого прирожденного эстонца) так и не смог подняться до художественного уровня произведений Мантейффеля.

Рассказы Яана Зоммера (Суве Яан) в 40-х годах XIX в., насколько они вообще не являются подражанием, носят уже ясно выраженный романтический характер. Зоммер ищет в жизни исключительных событий, повседневный быт его не привлекает.

Первая национальная поэтесса Койдула (дочь Яннзена), а также Якоб Пярн и некоторые другие литераторы «эпохи национального пробуждения» видят и знают жизнь народную, но смотрят они на эту действительность сквозь национально-романтические очки либо с позиций «утраченной», весьма абстрактной древней вольницы, либо с высоты не менее туманно представляемого будущего благоденствия. Отрицая действительность политически, они ее не стали изображать и художественно. Лишь много времени спустя, в конце XIX в., писатели, как Китцберг и Вильде, снова начинают присматриваться к «мелочам жизни» с оптимизмом подлинных реалистов, как это было свойственно причудливому графу, но, разумеется, уже на несравненно более высоком идейном и художественном уровне, чем он.

Таково, в общем, было влияние «Досуга» на эстонскую литературу и место Мантейффеля в ней. (О влиянии песенных вставок «Досуга» на устную словесность уже было сказано выше, стр. 80).

«*Habent sua fata libelli*». Во второй половине XIX в. Мантейфель и его «Досуг» предаются забвению. Вкусы изменились. Молчание было

прервано положительным сообщением о книге Мантейффеля только через 16 лет после ее выхода в свет. Сообщение это напечатано в немецком (как мы бы теперь сказали, реферативном) журнале, периодически сообщавшем о культурной жизни России [Sch. (Schott). Ueber Graf Manteuffels Aiawite pero walgusel. Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland, hg. A. Erman, Bd. XIII, Berlin, 1854, p. 391 ff.] В виде иллюстрации, чтобы дать представление читателям о подлиннике, автор статьи, известный востоковед, профессор берлинского университета В. Шотт предложил перевод басни («Стрекоза и Муравей»), а также небольшого отрывка из повести (свадьба). Насколько известно, это первый перевод из «Досуга». Характерно, что переводчик обратился к этнографическому эпизоду и оставил в оригинале специфические термины без перевода, снабдив их комментариями. Предлагаемый русский перевод является первым и единственным полным переводом всего текста.

Историки литературы (Ahlqvist — 1856; Gustav Suits — 1908) поминают Мантейффеля благожелательно, но книга так и не переиздавалась в течение 99 лет, практически оставаясь недоступной двум-трем поколениям эстонских читателей.

Лишь к столетию «Досуга», в 1938 г., появляется критическое, уже 3-е издание забытой народной книги, подготовленное А. Аннистом и снабженное им небольшой статьей. Более обстоятельная статья о Мантейффеле была опубликована А. Аннистом тогда же в журнале «Looming» (Tartu).

Если Мантейфель оказался в опале у эстонских буржуазных националистов вследствие его немецкого происхождения, то в Советской Эстонии он сперва не получил признания по причине его сословной принадлежности. Ему долго не могли, видимо, простить и то, что он не выступил против феодальной эксплуатации крестьян, как это сделали позже, например, Крейцвальд и народный демократ К. Р. Якобсон. Заслуги Мантейффеля как бытописателя оставались незамеченными.

Только в последнее время эстонское литературоведение сумело преодолеть как буржуазно-националистические, так и вульгарно-социологические упрощенческие концепции и начало по-марксистски, т. е. не с позиции «сегодняшнего дня», а в строгом соответствии с конкретными историческими условиями, отдавать должное деятелям культуры за то новое и положительное, что внесли они по сравнению с предшественниками.

Не только последующие поколения, но и современники не всегда умели в правильной перспективе разглядеть положительное в «Досуге». Требовательный к себе и остро критический Крейцвальд как-то утверждал, что подлинно национальная эстонская литература начинается с «Калевипоэга». Этой точки зрения придерживается эстонское школьное литературоведение, а также, вероятно, очень многие преподаватели курса литературы народов СССР в высших учебных заведениях страны. В известном смысле это и верно. Из скромности Крейцвальд не уdstаивает «почетных» эпитетов даже и свое собственное раннее творчество... Лавры

«классика» (при всей условности этого термина) заслуживает, на наш взгляд, всякий писатель прошлого (а может быть, и настоящего, если это не повредит его творчеству) независимо от национального или социального происхождения за то произведение, которое художественно изобразило правду жизни и которое запечатлело гуманное отношение автора к народу. Такое произведение не стареет, оно многими поколениями будет перечитываться с эстетическим удовольствием как свидетельство большой души автора, а не только по профессиональной необходимости как историко-литературный памятник.

В этом смысле «Досуг» Мантейффеля, как и некоторые рассказы Крейцвальда и Фельманна, не утратил первозданной свежести по сей день. По крайней мере следует признать «Досуг» выдающимся произведением периода становления (или приготовления) национальной эстонской литературы, одной из литератур многонационального советского народа.

Мы же берем на себя смелость назвать «Досуг» Мантейффеля маленьким шедевром просветительской письменности, завершившим клерикальный период эстонского Просвещения и расчистившим путь самостоятельной новой, светской и национальной эстонской литературе. Это первое, значительное, вполне оригинальное художественное произведение на эстонском языке, народное по сюжету и языку, реалистическое в своей основе.

Ценность памятника. Мы ценим «Досуг» как историко-литературный документ, впервые в истории эстонской письменности запечатлевший с достоверностью этнографического отчета ряд типических обстоятельств и картинок быта эстонского крестьянина и донесший до нас целую эпоху из жизни народа с ее радостями и горестями. Впервые изобразив народ в литературе, Мантейфель далеко продвинул литературу в народ. И пусть непривычны, даже наивны кажутся нам изобразительные средства Мантейффеля, именно тем книга и любезна филологу, который сумеет оценить ее (именно благодаря ее архаизмам) еще и как первоклассный памятник истории литературного языка.

Современный и в особенности советский читатель известен как истинный ценитель «народных книг». Сочинение, предлагаемое здесь впервые в переводе (с третьего критического издания), является полнокровной «народной книгой». И поэтому мы уверены, что это произведение, сочиненное как памятник и любовно посвященное эстонскому народу, когда жизнь его была еще тускло озарена светом лучины, будет к 200-летию со дня рождения автора с удовольствием прочитано читателем этой серии и при лампах дневного света.

А. Аннист, И. Левин

НАРОДОВЕДЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

¹ Название «Досуг», известное по многим народным книгам, соответствует немецким понятиям *kurzweiliger Zeitvertreiber*. Преемственности содержания установить не удалось.

² Батраки и батрачки нанимались даже хозяевами небольших хуторов не столько для работы на самом хуторе, сколько для выполнения барщины. Наемные люди, получая определенную плату в основном натурой, выговаривали себе также и право обрабатывать для себя получаемый от хутора же небольшой надел, держать живность и т. п. Работа на мызе бывала сдельной, периодической. Кто раньше ее выполнял, тот раньше освобождался для собственного дела. Мешок с харчами батрак получал от хозяйки хутора. На старости лет батраки, прожив у хозяина довольно долго, имели моральное (только!) право получать от хутора небольшой надел и заводить здесь свое бобыльное хозяйство. За это они несли определенные повинности как субарендаторы. Форма этих отношений, ставших обычаем (восходя к средневековому обычному праву), оставалась в сущности феодальной. Тем не менее взаимоотношения батраков и хозяев в XIX в. (поскольку и те и другие были рабами мызы) носили в пределах домашней общины еще патриархальный характер. Так, например, за главой семьи признавалось отеческое право и обязанность принимать участие в судьбе своих людей, все ели за одним столом. Поэтому брак внутри такой домашней общины, т. е. между «хлебными братьями и сестрами», бывал раньше редким явлением. Ср.: Ист. Эст. ССР, I, стр. 617, 622, 818, 820, 823.

³ Словом «корчма» переведено эстонское слово «*kõrts*», заимствованное с русского. Прибалтийские питейные заведения той поры своими видом и функцией напоминали скорее немецкие *Wirtshaus*, *Wirtschaft*, которые, как известно, восходят к заведениям времен римского владычества в Западной Европе. Из «заезжего, постоянного двора» и «ямы» для смены почтовых лошадей корчма и трактир (последнее слово немецкого происхождения) все более превращались в место проведения досуга, в питейные дома. Нередко трактирщик-корчмарь брал в аренду от мызы корчму вместе с правом курить водку. Обычно же содержанием корчмы ставился крепостной из крестьян мызы. В отличие от этих заведений вдоль больших трактов в качестве станций стояли и казенные трактиры. Роль корчем и кирх как мест встречи и обмена новостями и т. п. в общественной жизни эстонских крестьян XIX в. очень значительна, хотя и мало изучена. (См. комментарий 20). Обращаем внимание на специальные исследования с обильной библиографией: Прыжков. История кабаков в России в связи с историей русского народа. СПб., 1869; Ист. Эст. ССР, I, стр. 454; F. Frauers. Kulturgeschichte der Gaststätte, 2 Bde, 1941; H. Müller-Schlösser. Von allerhand Wirten und Gästen (Kleine Geschichte des Gastwirtgewerbes, 1948; T. Kleberg. In den Wirtshäusern und Weinstuben des antiken Roms. 1963.

⁴ В начале XIX в. жилье зажиточных эстонских крестьян (так называемая жилия рига) состояло из дома, подразделенного на две части: рига (*rehetuba*) и гумно (*rehealune*). Рига (6×8 м), как единственное (начерно!) отапливаемое помещение, служило

одновременно и для сушки зерна, а также нередко баней. В летнюю пору жили и на более просторном, но неотапливаемом гумне, где зимою содержался скот.

Постепенно к риге пристраивались вспомогательные помещения: задняя и передняя каморы, (kamber), сени и кухня. Помещения специализировались.

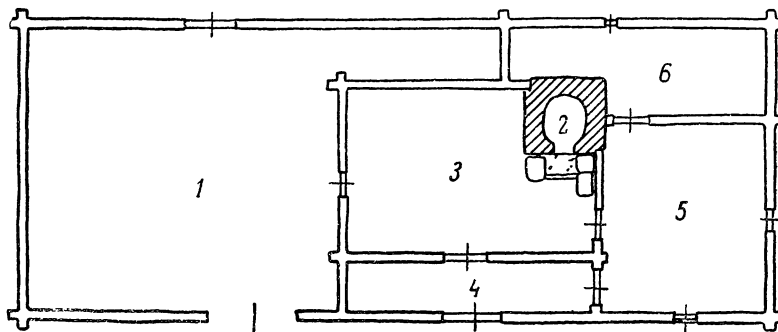
В риге не было деревянного пола. Дым выводился через дверь. Рига была и днем плохо освещена, вечерами в ней зажигали лучину. Жить в такой риге было неуютно.

Гумно было более просторно. Именно оно использовалось для семейных торжеств. В таких случаях закопченные стены курной избы покрывались льняной тканью и лучше освещались.

Перед печью, в которой пекли хлеб, а иногда и парились веником, был открытый очаг. Над ним висел котел, в котором готовили пищу. Огонь находился в углублении (яме), доступ к огню был открыт.

Полный переворот в структуре жилья и функций отдельных помещений наступил в первой половине XIX в. с появлением дымоотводной трубы. Огонь был перемещен в самую печь, а очаг был покрыт плитой. Все это постепенно сделало жилье многокомнатным, более уютным, что отразилось на семейной и духовной жизни. См.: Ист. Эст. ССР, I, стр. 816—818, 820, 824; Вийрес. Изв. АН ЭССР, т. XI (1962), № 2; также ERM Ar XVIII (Tartu, 1962), p. 99.

Описываемый Мантейфелем дом крестьянина Аккера был, вероятно, типическим для северной Эстонии. Воспроизводим здесь план такого дома из кн.: F. Leinbock. Die materielle Kultur der Esten, 1932, p. 104; J. Manninen. Soome sugu rahvaste etnograafia 1929, p. 99jj.

Условные знаки плана типического жилья.

1 — гумно, 2 — печь, 3 — рига, 4 — сени, 5 — передняя камора, 6 — задняя камора.

⁵ Обычай и приговаривание народны: помощника надо вознаградить, иначе не быть счастьем!

⁶ Вслед за лютеранской проповедью эстонская народная речь широко пользуется новозаветной притчей. Матф. 7, 13; Лука 13, 24. Смысл ее таков: по неправедному пути идут многие, потому эта дорога стала широкой, а следовательно, легкой; по праведному пути идут избранные, поэтому дорога осталась узкой и тяжелой тропой. Широкую дорогу легче найти, узкую же труднее. Следовательно, выражение «выйти на широкую дорогу» означало в эстонском языке нечто противоположное тому, что подразумевается ныне в русском языке, где «выйти на широкую дорогу» означает «перестать блуждать» и «выйти в люди», пойти по правильному общественному пути.

⁷ Согласно существовавшим воззрениям, родители отвечают перед людьми и богом за поведение своих детей. Телесное наказание — отеческое право. Автор устами своих

персонажей много раз высказывает мнение, что преступность молодежи — не только результат слишком мягкого воспитания, но и следствие бедности родителей. Беднякам следует-де задуматься, чем они кормить своих детей, а уж затем производить их на свет. Это воззрение, свойственное народной педагогике Северной Европы и сложившееся в социальной обстановке средневековых городов, распространилось также среди прибалтийских крестьян-лютеран, где поныне, несмотря на относительно высокий уровень жизни, статистикой последней переписи отмечена самая низкая рождаемость в Советском Союзе. Намеки автора были актуальны: прирост населения в XIX в. был рекордным для Эстонии.

Недоверие к материнской любви, мнение, что строгость — залог хорошего воспитания, не характерны для эпохи Просвещения.

⁸ Конфирмация (от латинского *confirmo, confirmatio* — подтверждение) — церковный обряд совершеннолетия. Совершеннолетие определялось формально, не столько возрастом, сколько знаниями. Дети обоего пола, научившись по крайней мере читать на родном языке, должны были прослушать у пастора поучение об основах веры и богослужения. Сознательно усвоив катехизис, молодые люди, как бы обновляя и подтверждая свою принадлежность к церкви (несознательно оформленную еще крещением), допускались в торжественном молебне к первому в жизни причастию.

В отличие от соответствующего католического обряда, являющегося «тайнством» (основание: Деяния апост., 8, 14—17) и, следовательно, актом, не требующим «знаний», лютеранская конфирмация происходит в более зрелом возрасте. В пору возникновения этого обряда (середина XVI в.) конфирмация в северной Германии означала и гражданское совершеннолетие. Но уже в XIX в. (в особенности в Эстонии) мужчина и после конфирмации еще долго считался (в семье) незрелым «юношей», хотя он (как, впрочем, и девушка) одевался к причастию впервые уже как взрослый и тем самым получал моральное право посещать корчму и вступать в брак. В общем совершеннолетие определяется очень сложным комплексом народных традиций, изменяющихся во времени и пространстве во взаимосвязи с социальными условиями. (См. комментарий 74). См. также: Ист. Эст. ССР, I, 830; Diehl. Zur Geschichte der Konfirmation, 1897.

⁹ Прибалтийские крестьяне ели летом 3—4, а зимою 2—3 раза. Когда не было необходимости есть в поле или за работой, вся семья собиралась за общим столом, что не столько отражало наличие семейных уз, сколько утверждало и укрепляло семью, домашнюю общину. Сестр за стол без члена семьи — знак обоюдного неуважения и равносильно лишению пищи. Обычно за ужином каждый рассказывал о событиях дня, заслуживающих всеобщего внимания. Застольная беседа не столько развлекала, сколько поучала. Это придавало даже скромной крестьянской трапезе несколько торжественный характер глубоко воспитательного значения. (Застольная беседа стала и литературной формой). Основная пища, обычно теплая каша, подавалась к ужину. Ср. Ист. Эст. ССР, I, стр. 825 сл.; Lõoke, Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat, XVI (1959).

¹⁰ Осенью после ужина вся семья и челядь садились за работу при свете луны. Прясть и ткать было необходимо прежде всего для мызы, в счет аренды, а также и для собственных потребностей, и, наконец, для продажи.

После 10 часов вечера, а также в праздники и свободное время девка имела право ткать для себя из своего собственного материала (обычно для приданого). См.: Ист. Эст. ССР, I, стр. 823; W.-E. Peuckert. Volkskunde des Proletariats, I, 1931, p. 13.

¹¹ О «старинных песнях» и «новых песнях» см. статью, стр. 79, там же, стр. 80—82 о каждой песне. Все песенные вставки переведены под нашим наблюдением Б. Гусевым (Ленинград) с сохранением, сколь возможно, всех особенностей оригинала.

¹² Здесь и далее сновидения, их мотивы и толкование вполне народны. Будучи уверена, что сновидения сбываются, Леену, зная их «смысл», легко могла изложить свой сон так, чтобы подсказать себе и другим желанное толкование, тем самым повлиять на свою судьбу. (Это вторичные явления позднего суеверия). Хозяин и Тарвель загадывают мысль девушки; они — мужчины — еще понимают традиционный язык сновидений, но уже не верят снам. Все это, а также и разногласия в споре о снах между мужчинами и женщинами чрезвычайно показательны для XIX в. и поучительны для

фольклористов. См.: Д. К. Зеленин. Эстонские толкования снов. Живая старина, XV, 4, отд. II; L. Binswanger. Wandlungen in der Auffassung und Deutung des Traumes. 1928; E. Fromm. The Forgotten Language. 1955.

¹³ Рассказы о поверьях, связанных с оборотнями (человек-волк), очень популярны⁸ на всем юго-восточном побережье Балтийского моря. Еще в начале XIX в. судебным инстанциям приходилось иногда разбирать обвинения в колдовском превращении людей в волков. Некоторые ученые связывают это поверье с патологическим явлением, именуемым Lykanthropia. См.: O. Novorka, A. Kronfeld. Vergleichende Volksmedizin. 2 Bde., 1908—1909; W. Anderson. 1) Die Kynokephalen. Etnografia e Folklore del Mare Napoli, 1954, pp. 15—19; 2) Kynamalogo. Würzburger Jahrbücher, 1948, pp. 133—136; W. Hertz. Der Werwolf. 1862; A. Schäfer. Die Verwandlungen der menschlichen Gestalt im Volksglauben (Programm). 1905.

¹⁴ Качели — традиционное, некогда весьма излюбленное развлечение деревенской молодежи и обычное место встреч. Типы качелей (и колыбелей) довольно четко локализованы (см. иллюстр.). Ср.: Вопросы этнической истории эстонского народа. 1952; Ист. Эст. ССР, I, стр. 828, 850, 852, где выдвинута даже теория зависимости ритма песен от амплитуды качания; H. Tampege. Eesti rahvalaule viisidega, II. 1960.

¹⁵ Родительские нотации (формулы и действия), несмотря на аффективность момента, в сущности весьма обрядны и консервативны. У разных народов и в разные эпохи (здесь наблюдается географо-историческая закономерность) непослушные дети отчитываются по-разному. Но эти приемы всегда восходят к некогда модным педагогическим доктринам. В XIX в. народная педагогическая «практика» в Северной Европе отставала от новейших теорий на 70—150 лет, т. е. на одно-два поколения. Педагогические воззрения Мантейффеля, высказанные в «Досуге», можно для той поры считать вполне народными, хотя они характерны для раннего Просвещения. (Ср. A. Peiper, in: «Forschungen und Fortschritte», 1964, p. 173).

Во всех эпизодах (стр. 11, 15, 28, 29) Мантейфель взывает к совести, веря, как просветитель, в ее могущество, в ее победу. Крестьянин Аккер напуган отсутствием сына скорее как проповедник и пастор. Это вполне сочеталось (См. E. Wolf. Vom Problem des Gewissens in reformatorischer Sicht. In: Peregrinatio 1954; M. Thurian. Evangelische Beichte, 1958).

Реформация, лютеранская проповедь, как и просветительская педагогика, доверяли сознательности человека, чувству покаяния. Не веря в загробное наказание, в ад, лютеранское, просветительское богословие отвергло и внешнее, физическое наказание, т. е. покутье (епитимья). Тем самым Реформация внесла переворот не только в педагогику (Коменский), но способствовала также изменению юридической концепции кары, и следовательно, смягчению нравов. После того как просветительская, светская педагогика вошла в практику реформированной церкви, проповедь стала главным средством воспитания у лютеранских народов. До понимания психологического влияния физического наказания реформаторы-просветители теоретически не додумались; это, однако, практически не мешало изязать крестьян розгами на всем побережье Балтики. Может быть, поэтому крестьяне сами редко прибегали к розгам в отношениях с детьми, хотя на словах и грозили этим. O. Haendler. Die Predigt, 1960.

Народная педагогика и ее практика неминуемо многослойна, потому и противоречива. Это отражается и в «Досуге». Отец обвиняет мать в том, что она-де вовремя не давала сыну тумачок; между тем, видимо, отец и сам сына не бил.

Исследования И. Левина в 1938 г. показали, что соседнее с Эстонией католическое или православное население Латвии (в схожих социальных условиях и по одинаковому поводу!) еще в 30-х годах XX в. гораздо чаще прибегало к рукоприкладству, нежели лютеране Прибалтики. По распросным данным, это в общем было характерно и для 30-х годов XIX в.

¹⁶ Боязнь темноты вовсе не характерна для эстонцев, особенно крестьян. Этим подчеркивается (с точки зрения автора) наивность Марта. Между тем у Таакеля были на счет Марта какие-то тайные намерения, судя по тому, что Таакель приходил к нему домой, когда не было отца дома. Эта линия повести осталась неразработанной.

¹⁷ Эти прибаутки, подстрекающие пьющего выпить еще, народны. Известны закономерности их географического и социального ареала. Вероятно, они восходят к определенным культурно-историческим типам. (Один — бог; два — Адам и Ева; «бог троицу любит» и т. д.). С этим связаны некоторые анекдоты, обрядовые песни и загадки.

¹⁸ Ставить черточки на стене корчмы мелом — своеобразная бухгалтерия трактирщиков. Обычно завсегдатаи, пьющие в долг, имели свое «место» на стене или условные черточки, восходящие, быть может, к так называемым дворовым знакам. Ср. немецкое изречение: «Bei jemandem in der Kreide stehen».

¹⁹ Язык жестов (мимика) не импровизирован, а традиционен. Он служит средством общения, восполняя или заменяя речь. Исследования показывают, что за каждым жестом, как и за словом, иногда кроется многовековая сложная история развития. Ныне язык жестов отмирает. См.: L. Röhrich. *Gebärdensprache und Sprachgebärde*. Humaniora, Honoring Archer Taylor, N. Y., 1960, p. 127.

Коснемся жестов, упомянутых в «Досуге»:

Целование руки — жест благодарности, покорности, особого уважения младшего к старшему. Принятие поцелуя является знаком доверия старшего к младшему. В Эстонии этот обычай насаждался сверху еще феодальной католической церковью, а затем немецким дворянством. В Северной Европе обычай целования руки малоизвестен, поэтому его народность в «Досуге» (в крестьянском домашнем обиходе) представляется нам сомнительной.

Рукопожатие, а также и возложение руки на голову другому — старинный общеевропейский юридический жест согласия и передачи полномочия. Ср.: H. Siegel. *Der Handschlag etc. Sitzungsberichte der Pr. Akademie*, 1892; L. Schmidt. *Die volkstümlichen Grundlagen der Gebärdensprache*. Spamer-Festschrift, 1953, J. Ortega y Gasset. *El hombre y la gente*. 1957, p. 148 sqq.; F. Kiener. *Hand, Gebärde und Charakter*. 1962.

Бить себя в грудь — юридический жест клятвы и признания вины.

Хлопать по спине или положить руку на плечо другому — жест доверия, вообще характерный для торгового мира.

На колени эстонец становится лишь перед алтарем, принимая причастие, что бывает весьма редко.

Сложение рук (быть может, их прикрыtie?) — молитвенный жест смирения, соединения.

«Досуг» примечателен изображением языка жестов, все еще малоизученного. См.: O. Moser, *Zur Geschichte und Kenntnis der volkstümlichen Gebärden*. Carinthia, I, 144, 1954; R. Kleinpaul. *Sprache ohne Worte*. 1893; E. Lommatzsch. *System der Gebärden*. (Berlin Diss.). 1910; T. Ohm. *Die Gebetsgebärden der Völker und das Christentum*. 1948.

²⁰ Волостной старшина — в те времена выборная должность. Исполняя, между прочим, полицейские функции, старшина имел право следить за верностью весов и мер.

Должность введена еще в 1816 г., однако корчмари неохотно признавали авторитет выборного крестьянина, считая себя в подчинении мызника или казны, которые им покровительствовали в ущерб крестьянам. В повести Мантейфеля мызник и крестьяне стоят горой за авторитет старшины, против плута-корчмаря. Как лица полу- или некрестьянского сословия, корчмари отстаивали свои прежние привилегии, отразившиеся в старинном праве «заезжих» и «публичных домов» предоставлять гостям убежище. С этой точки зрения, покупка краденого, т. е. анонимность продавцов и вообще гостей, была, пожалуй, легальным делом. Поведение корчмаря по отношению к старшине обусловлено обычаями, выходящими за сферу личных конфликтов. Против подобных нравов решительно и выступает автор повести, передавая дело юрисдикции крестьянского мирового суда, в котором мызник сам не участвует. (См. комментарий 3).

²¹ Черный перец очень рано стал поступать из далекой Индии в ганзейские города и в Таллин, где он был весьма ценим. «Перцовкой» как средством против простуды и других недугов пользовались лишь состоятельные люди. Излюбленным средством

против желудочных заболеваний в народной медицине Эстонии является до сих пор более доступная настойка *mentha piperita*. См.: Н. Marzell. *Unsere Heilpflanzen*. 1922.

Для Мареты разговор о болезнях был лишь предлогом выпить водки. Хозяйка именно так и поняла ее.

О народной медицине см.: Ист. Эст. ССР, I, стр. 834; Н. Marzell. *Die Pflanzen im deutschen Volksleben*. 1925; Fr. Söhn s. *Unsere Pflanzen*. 1912.

²² Имена собственные, в частности хуторов (каждый хутор имел свое имя, отсюда в XIX в. пошли нередко и фамилии!), за некоторыми исключениями, здесь ради колорита не переводятся.

²³ По традиции жёны мызников занимались благотворительным врачеванием бедных крестьян. Это обстоятельство служило поводом для недоразумений и анекдотов.

Под «шпанской мушкой» в современной народной медицине Южной Европы и соответственно в средневековой медицине подразумевают жучок *Lytta vesicatoria*. Еще в XIX в. содержащиеся в этих насекомых кантариды использовались как abortивное, мочегонное, а также и возбуждающее (любовное) средства. См.: В. Karle. Sub «Kantihariden»: *Handwörterbuch des dt. Aberglaubens* (HDA); J. Bloch. *Das Sexualleben unserer Zeit*. 1908.

В Германии, Прибалтике и России под «шпанской мушкой» разумеют *Meloe sichogei*. Трудно с уверенностью сказать, какое именно качество этого снадобья имела в виду крестьянка из повести, так как против ожогов это средство не употреблялось.

²⁴ Эту идею автор повторяет несколько раз. (См. комментарий 7, 98).

В XVIII в. эстонский народ уже прибегал к abortивным средствам из-за опасения обречь детей на голод. О народномедицинских методах см.: L. Lewin. *Die Frucht-Abtreibung durch Gifte und andre Mittel*. 1925.

В отличие от католической лютеранская церковь относилась к этой практике вполне терпимо. Это сочеталось с ее индивидуалистическим пониманием морали и личной ответственности каждого члена перед обществом.

²⁵ Рекруты набирались прежде всего из числа батраков. Нанесение себе увечья, дабы стать негодным для воинской службы, было в народе при Николае I вполне обычным делом. Оно свидетельствовало скорее о смелости, нежели о трусости.

«Купоросное масло» — устарелое название серной кислоты. Ожог ею симулировал взвезу, дававшую освобождение от воинской повинности.

²⁶ Цыгане в Эстонии славы ленивыми, многодетными, потому и нищими.

²⁷ Суд собирался в определенные дни в волостном доме. Суббота в Эстонии — обычный день для суда. Видимо, старшина привлекает корчмаря к ответственности за преступление против мызы.

²⁸ Система мер в Эстонии XIX в. была очень пестрой. Мера — единица площади, восходящая к объемной единице семени, была установлена в 0.18 га. Одна таллинская бочка = 36 штофа = 132.8 л. См.: Eesti NSV ajaloo lugemik. 1960, p. 446.

²⁹ По «Положению» 1816 г. наказания за мелкие кражи и преступления иного рода входили в компетенцию волостного (мирового) суда. Более тяжкие уголовные преступления подлежали юрисдикции гагенрихтера — ставленника мызников. Квалифицируя преступление корчмаря как уголовное действие против мызы, преступника надлежало бы предать гагенрихтеру. (Это коснулось бы и Таакеля, а также его соучастника Марта). Ограничиваясь мировым судом и высланием корчмаря по договору, владелец мызы поступил весьма великодушно, скорее как блюститель нравственности, нежели как пострадавший. Мантейфель подчеркивает ту мысль, что наказание преступника является общественным долгом мызника. Прощение было бы равносильно преступлению. Очень поучительно, что автор считал именно поощрение преступления (скупка краденого и т. п.) корнем зла. См.: Ист. Эст. ССР, I, стр. 719 сл., 691—698.

³⁰ Посещение кирхи по воскресеньям — не столько проявление набожности, сколько развлечение. Привлечение людей из округи, кирха стала местом для приятельских и деловых встреч. Поэтому более набожное старшее поколение изредка отправлялось в кирху,

разве что в большие праздники. Обычное воскресенье отмечали дома пением и слушанием хора, чтением библии и спасительной литературы, а главное «обрядовым» отдыхом. О социальном значении воскресного отдыха, например в деле распространения грамотности и т. п. см.: K. I l g, Zur volkskundlichen Bedeutung des Sonntags, in: Zeitschrift für Volkskunde, 1955, Bd. 51, p. 196ff.

³¹ О новых песнях см. статью, стр. 79.

Здесь поется об играх в ночь перед Ивановым днем (23—24 июня). Несмотря на христианское название праздника, приуроченного ко дню рождения Иоанна Крестителя, бывшего по преданию на полгода старше Иисуса Христа (рожд. 24 декабря), вся пышная обрядность праздника объясняется исторически древним чувством солнца (23 июня самая короткая ночь, а 24 июня самый длинный день). В эту ночь молодежь пыталась не только по различным признакам предугадать, но и расположить судьбу. Все, что совершалось в эту ночь (как перед любым началом, особенно перед Новым годом), имело «значение» для будущего. Эти мотивы отражены и в песне.

В XV в. костры зажигались вечером 23 июня по всей Европе. Постепенно, вследствие календарных изменений и закрепления Нового года зимой, эти обычаи там угасли, но сохранились отчасти в Прибалтике и на Украине, т. е. на окраинах определенного культурного ареала, где они приобрели новый смысл. По сей день костры и пляски вокруг них, — излюбленное развлечение латышской и эстонской молодежи. Юноши состязались в прыжках через огонь. По высоте прыжка судили об урожае льна (Германия). Если юноша и девушка, держась за руки, прыгнут через костер, не отпуская рук, их союз будет крепким. В Саксонии считалось, что если прыжок пары был удачным, — быть их свадьбе в этом же году.

См.: В. Я. Пропп. Исторические основы некоторых русских религиозных празднеств. Ежегодн. Муз. ист. рел. и атеизма, V, М.—Л., 1961, стр. 283; Пропп. Русские аграрные праздники. Л., 1963; Ист. Эст. ССР, I, стр. 829; W. König. Johannisfeuer, Beiträge zur Untersuchung des Volksglaubens der Gegenwart. 1932. Удивительно, что песня Мантейфеля поется от имени юноши. Это, вероятно, результат механической компиляции (см. статью, стр. 77).

³² Напелечный платочек и передник — самые изысканные предметы туалета замужней женщины. В середине XIX в. у крестьян Прибалтики стали входить в моду шелковые, пестрые платки и «воскресные» передники машинного, городского производства. Парень мог посылать девушке подарки, но принятие их означало благосклонное отношение к официальному сватовству. См.: Ист. Эст. ССР, I, стр. 832 сл.

³³ Мыслится nelipühad — праздник «пятидесятницы» (50-й день после пасхи), троицы или духов день. Этот праздник, в сущности, никогда не имел для христиан литургического значения, являясь, например, в Прибалтийском крае крестьянским, в XIX в. сильно клерикализованным праздником весны. Обряды носят все же выраженный народный характер. Жилье, местами даже скот украшались зеленью; молодежь наряжалась особенно ярко и развлекалась веселыми играми (впрочем, весьма древнего происхождения. См. комментарий 34).

³⁴ Поныне популярная в Эстонии проба сил. Один, сидя, держит дубинку за оба конца. Другой, тоже сидя, должен перетянуть ее на свою сторону, подняв, следовательно, соперника на ноги.

³⁵ По ходу повествования Тарвелю не следовало бы здесь присутствовать. Автор, вероятно, не нашел никого другого, кому в уста можно было бы вложить эту шутку. Вопреки христианскому благочестию, в народе принято шутить над калеками. Отклонение от «нормального состояния» воспринималось как наказание за грехи. Высмеивание калек (и в данном случае) равноценно осуждению их пороков. Известны античные предания, доказывающие порочность слепорожденных, немых и т. д. С точки зрения Просвещения, шутки Тарвеля, разумеется, жестоки. (См. комментарий 59). Автор уступил здесь народному вкусу.

³⁶ Толока — традиционный в Эстонии вид соседской взаимопомощи (к нему прибегают и мызники). Потому толока превратилась в народный, массовый праздник жатвы. Самое раннее описание этого глубоко общественного явления см.: R. R. Вгостап,

En fulständig Svensk Hus-Hålds Bok. Norrköping, 1736; S. Erixon. Eine alte Quelle für estnische Volkskultur. Liber Saecularis Õpetatud Eesti Selts, 1938, p. 917.

О танцах см.: R. Põldmäe, H. Tampere. Valimik eesti rahvatantse. 1938; U. Toomi. Eesti rahvatantsud. 1953.

³⁷ Посещение жней в поле, венки и т. д. — обычай празднования нового урожая в феодальное время. В остальном — биографическая реминисценция, см. статью, стр. 88.

Характерно, что, принимая деньги, девушка обещает принести ягоды. С точки зрения крестьянки, брать деньги в подарок, — вообще «не к добру», а за дружелюбный жест — неприлично. Этого, конечно, не могла еще понять маленькая барышня, впрочем уже знавшая цену деньгам. Поэтому, видимо, не родители, знаящие, что «денег не дарят», а барышня сама одаривает жницу. См.: G. Niemerg. Das Geld, 1930.

³⁸ О том, что мызники из скупости в целях сбережения зерна предпочитали серп косе, см.: Ист. Эст. ССР, I, стр. 616.

Серпами жали рожь еще в конце XIX в. Обряды жатвы отражают идею плодородия. Отсюда магическая связь с браком.

Метание серпов — распространенная в Эстонии игра-гадание. Чей серп «легче» и падет дальше, тот и ближе к плодородию, т. е. к браку. Метание сопровождалось руническим заклинанием, к которому в какой-то мере и восходит песня. Подробнее см.: статью, стр. 81; A. V. Rantasalo. Der Ackerbau im Volksglauben der Finnen und Esten (FFC 307), 1919; Lühning. Die Sichel. Diss. Göttingen, 1950; H. Tampere. Eesti rahvalaule viisidega, I. Таллин, 1956, p. 53.

³⁹ Оставить подопечного за дверью — обычный прием вежливого заступничества, встречающийся в сказке типа АаАн 313В (см. комментарий 90).

⁴⁰ Старинные кладбища находились на дворе кирхи. Эта земля считалась священной. Богоотступников, людей так называемых подлых профессий, а также самоубийц хоронили вне ограды. Родители Таакеля почтили внутри ограды, стало быть, они были в почете. Но их беспутному сыну, по мнению строгого дяди, нельзя и ступить на освященную землю, где могилы родителей. Между тем непосещение могилы влечет за собою отречение сына. См.: St. Hitzel. Grab und Friedhof der Gegenwart, 1927.

⁴¹ «Отче наш» — молитва, занимающая центральное место в христианской литургии. По преданию (Лука 11, 2 и Матф. 6, 9), Иисус сам обучил своих учеников этой молитве. Потому она, уже независимо от содержания, приобрела магическое значение. Ее текст (читаемый католиками по латыни, а лютеранами на родном, но архаическом языке) дошел в различных версиях. У Луки содержатся 5, а у Матфея 7 просьб. «И прости нам грехи наши, ибо и мы прощаем всякому должнику нашему», — считается важнейшей частью этой молитвы-исповеди. Потому аргумент Мареты и был неотразим.

⁴² Традиционная, несколько торжественная формула благодарности.

⁴³ Обычно крестьяне пользовались скамейками и табуретами, которые были иногда прикреплены к полу или стене. Стул, особенно самодельный, — это очень почетный подарок. Тип этого стула по описанию определить трудно. Географо-историческое изучение мебели, в особенности типов стула, представляет немалый интерес. Ср.: Э. И. Кузик. Эстонская народная мебель. «Сов. этнография», 1956, № 1; G. Ränk. Vanha Viro. 1955, p. 109; H. Thom sen. Bäuerliche Stuhlformen an der Niederelbe. Lauffer-Ehrengabe, 1939.

⁴⁴ Курение табака мужчинами преимущественно в трубках распространилось в Эстонии в XVII в. из нижнесаксонских городов и Скандинавии, где, кстати, курили трубки и пожилые женщины.

Трубки являлись подарочным предметом. Поэтому их усердно украшали. О трубках см.: A. Viies. Eesti rahvarõõne puutööndus. Tallinn, 1960, p. 180; A. Viies. Деревотделочное ремесло в эстонской деревне (X—XX вв.). Автореф. дисс. Тарту, 1955.

⁴⁵ Имеется в виду длинная, полосатая, пестрой расцветки шерстяная юбка — традиционный, относительно поздний наряд крестьянок. Ср.: Эстонская народная одежда XIX и начала XX века. Таллин, 1960.

⁴⁶ Имеется в виду деревянный пивной ковш. Излюбленная в Эстонии разновидность мужского весьма декоративного рукоделия. См.: J. Manninen. Kannud /Die estnischen Holzkrüge. Etnograafilised monograafiad, I, Tartu, 1926 (см. заставку, стр. 7).

⁴⁷ Система этих взглядов восходит, видимо, к тезису XVIII в., явившемуся реакцией на аристократический скептицизм. Автор устами своего персонажа признает существование бога, отличного от природы. Бог здесь — создатель и постоянный вдохновитель природы. Разум, воплощенный в природе, вселяет надежду на «спасение» человека как части природы («все существующее разумно»); это воззрение отличалось своим оптимизмом от взглядов механицистов-детерминистов и от аскетической проповеди пасторов-деистов XIX в.

Изложенная здесь система взглядов была самой передовой в протестантизме. Впрочем, идеи полного слияния человека с природой и помимо богословия присущи крестьянству (XIX и предыдущих веков). Оба течения хорошо сочетаются в безызывном тезисе: естественная жизнь человека на лоне природы и есть путь нравственного (религиозного) спасения. Это воззрение и привлекло внимание беллетристики к «пейзанам», т. е. к деревенскому народу. Отметим, что руссоистский призыв «назад к природе» служит издавна также лозунгом сектантов. В Эстонии эти настроения распространились именно в деревне как реакция против «города».

⁴⁸ Народное отношение к «старым девам» имеет поучительную историю. Католическая церковь в борьбе с Реформацией признала на Триентском соборе (1545—1563) превосходство старой девы над замужней женщиной. Народ же, наоборот, издавна считал старую деву явлением противоестественным, потому и опасным. В крестьянском понимании старая дева как существо бесплодное не заслуживает никакого уважения; она стала мишенью для острот.

Однако в XVIII и XIX вв. под давлением общественного мнения и социального прогресса благодаря росту классового сознания, разделению труда появилось понимание материальных причин невыхода замуж. Отношение к старой деве (не без влияния католических тенденций pietistской лютеранской церкви) повсеместно улучшилось, особенно в Северной Европе (в Финляндии и Эстонии), где браки заключались сравнительно поздно. Поэтому эстонские старые девы не отчаивались. Это благотворно влияло на их характер, поведение, следовательно, и на отношение к ним.

Пример, приведенный Анне, — одно из ранних свидетельств нового отношения к старой деве, следовательно, вообще к женщине. См.: *Haberlandt. Altjungfer-schicksal. Globus, 1934; F. Sarasin. Die Anschauungen der Völker über Ehe und Jungesellentum. Schweizerisches Archiv für Volkskunde, 33, 1934*, где в библиографии 212 названий.

⁴⁹ Искусная окраска шерсти требовала большого мастерства. Краска добывалась натуральным путем из растений и т. п. Марета предлагает плоды подмаренника для красного цвета. Очень популярна была «кубовая краска» (индиго). Народная рецептура красок восходит к средневековой химии, которая в свой черед опиралась на опыт восточных народов. См.: Виссендорф, О красильном искусстве у латышей. Живая старина, V, 3—4, отд. I; G. Vilbaste. *Taimedega värvimisi Eestis. ERM Ar. XIV (1939); Dm. Zelenin. Russische (Ostslavische) Volkskunde. 1927, p. 185ff; H. Wisve. Mittelalterliche Rezepte zur Färbung etc. in: Jahrbuch des Vereins für niederdeutsche Sprachforschung, 31 (1958), pp. 49—58; E. E. Ploss. Ein Buch von alten Farben. 1962.*

⁵⁰ Отметим, что ни пастор, ни кирха в изображенных Мантейфелем обрядах, да вообще в повести не участвуют. Характерно, что мельком упомянутый пастор мыслится как сочинитель проповеди, отнимающей прежде всего много времени, а сама кирха представляется с чисто внешней стороны как место свидания молодежи, чем она в народе и служила наряду с корчмой, предназначенной для старшего поколения. Это все очень верно подмечено! Клерикализация быта наступила в Эстонии (как и вообще в Европе, кроме России и Балкан) в десятилетие на стыке последних веков и была обусловлена вовсе не гипотетическим ростом духовной отсталости населения и, конечно, не усилением церковной агитации или идеологическим наступлением эксплуатирующих классов. Ведь известно, что мызники, стараясь использовать все свободное время крестьян, вынуждали их работать на мызу даже по праздникам, вызывая этим обратную реакцию со стороны самих крестьян и, разумеется, духовенства, находившегося на

содержании крестьян. Известно также, что лютеранская церковь в это время проповедовала иную, мистическую, отнюдь не обрядовую набожность. Причина клерикализации быта крылась в историзации мировоззрения в целом. Расширение географического и исторического горизонта благодаря просвещению и росту международных связей, объективное развитие производительных сил и сменившиеся в этой связи производственные отношения способствовали распространению понимания исторической необходимости смены всего уклада, строя. (Раз в других странах уже живут иначе, то и здесь, «у нас» может скоро стать хорошо, как было когда-то... — так примерно мыслилось). Смена существующего порядка, фактически наблюдаемая сначала в мелочах, чаялась, правда, как предстоящее освобождение всего эстонского народа, но мыслилось оно как возвращение к старым лучшим временам.

Так углублялось сознание историзма жизни, придавшее особую ценность обычаям, обрядам «счастливой старины», местному говору «предков», старой книге, старинным вещам вообще. И хотя ломка старого уклада на деле, объективно, будучи сопровождаема нововведениями, не могла не означать победы нового, как более ценного, над старым, детей над родителями, тем не менее духовно, субъективно наследие старины, состоящее, в сущности, из церковных обрядов, воспринимаемых как народные, приобрело вопреки отходу от религии какой-то новый, хотя и временный авторитет, сильно способствовавший клерикализации быта. (Ветхие кирхи стали казаться «лучше» новых, старинные издания библии — «действительнее» новых!). Некоторые открытия филологии (Гримм) дали возможность деятелям «национального пробуждения» в надежде на будущую свободу вернуться к самым отдаленным, дохристианским элементам культуры и противопоставить их христианским как чужим, иноземным, и более поздним, потому и менее ценным. Объективным развитием наступившая клерикализация быта была в Эстонии преодолена благодаря буржуазно-националистической, а затем и социалистической пропаганде. Борьба против христианских обрядов велась прежде всего при помощи исторических аргументов. Это предполагает наличие исторического понимания жизни у самых широких слоев населения. До распространения такого понимания, т. е. до историзации мировоззрения, церковная обрядность занимала в Эстонии весьма скромное место. Это и засвидетельствовано Мантейфелем. Об аналогичных процессах в юго-западной Германии см.: Н. Bausinger. *Volkskultur in der technischen Welt*. 1961, p. 129ff.

⁵¹ Проповедь пастора — это главный элемент лютеранского богослужения. В проповеди пастор старался логическими аргументами на живых примерах «из жизни», *exempla*, не без помощи художественных средств (басня) убедить слушателя и тем самым заложить те моральные устои в человеке, которые проповедники считали христианскими, т. е. вытекающими из библейского текста, взятого для данной проповеди в качестве эпиграфа. Апеллируя к сознанию и совести каждого слушателя, проповедники стремились говорить на понятном, в буквальном и переносном смысле, языке, что безусловно требовало не только ораторского таланта, но и знания жизни, людей. Проповедь бывала иногда довольно длинной, ее составление требовало, вероятно, много времени; читать проповедь считалось делом ответственным и сложным. (L. Fendt. *Nomiletik Theologie und Technik der Predigt*, 1949; G. W i n g e n. *Die Predigt*, 1959).

Хотелось бы сказать кое-что о функции проповеди в генезисе просветительской литературы. Способность к наблюдениям, к пониманию логических и художественных аргументов, а также и потребность слушателей в реалистическом изображении действительности (конечно, соответственно уровню слушателя) была в большой мере подготовлена лютеранской проповедью. Стоило лишь перейти от устной манеры изложения образов и мыслей к письменной, как все сугубо церковное, приуроченное к определенной дате и привязанное к стиху, отпадало и наступала эра просветительно-реалистической письменности барокко. Функция лютеранской проповеди, т. е. возложение на человека ответственности за собственную судьбу, полностью соответствует назначению беллетристики. Функция лютеранской проповеди и назначение беллетристики уже потому совпадали, что нередко сочинитель и проповедник являлись и социально и фактически одним и тем же лицом.

Лишь в этом свете можно понять раннее развитие старинной эстонской литературы и ее характер.

Эстонский подлинно народный фольклор, его древние пласты вопреки ожиданию дают очень мало для понимания истоков эстонской литературы. Между тем проповедническая литература в целом все же связана с европейским фольклором (*Predigtmärlein*).

Родство просветительской словесности с некоторыми элементами проповеди заметно и в баснях «Досуга».

Наконец, отметим последствия влияния протестантской проповеди. Проповедь и беллетристика способствовали разрушению общины, развитию капиталистических, буржуазно-индивидуалистических отношений в Эстонии, а это в конечном счете привело к разрушению собственных устоев церкви как общественной организации, а также к ослаблению социального назначения литературы как воспитателя коллектива. В этом ключ к пониманию некоторых явлений в области культуры Эстонии. См.: E. Mose-Rath. *Predigt und Volksüberlieferung. Internationaler Kongress der Volksezählforscher in Kiel und Kopenhagen, 19.8.—29.8. 1959. Vorträge und Referate, 1961, pp. 206—213*; H. Wolf. *Das Predigtexempel im frühen Protestantismus. Hessische Blätter für Volkskunde, Bd. 51—52, 1960, pp. 349—369*. I.-M. Greverus *Volksdichtung: Sammlung-Pflege-Forschung. Die Freundesgabe, 1963, I, p. 28*.

⁵² Это единственное место в тексте повествования, не считая посвящения в конце книги, где автор выступает от своего имени. Поэтомu переводчик передает слово «господин» (владелец мызы) термином «граф», «господин граф», отождествляя автора с персонажем повести. Слово «барин» нарушает колорит.

⁵³ По старинному обычаю невесту для сына подыскивает официально мать жениха, или она первой дает согласие на брак по выбору самого жениха. Этот мотив встречается и в басне «Житничек» (стр. 44). Отец решает лишь имущественные отношения. Эта черта не случайна, ибо вполне сочетается с другими особенностями традиционной эстонской семьи. Самым старшим ее членом нередко бывала мать, уже поэтому ее авторитет был высок. Естественно, что при выборе невесты мать отдавала предпочтение себе подобной, т. е. вполне зрелой женщине. Это углубляло традицию.

В патриархальной семье, где отец решает окончательный выбор, бывает наоборот: туда обычно ходит очень молодая невеста. (Такое положение сложилось у православных эстов Обозерья). А это способствует утверждению превосходства мужчины, свекра, затем мужа или даже сына.

Возраст невесты, разумеется, ограничивает число детей, что нередко способствует благосостоянию семьи и сохраняет молодость эстонской женщины независимо от ее настоящего возраста, несмотря на то, что эстонская крестьянка всегда трудилась наравне с мужчиной. Молодость женщины охраняла брачную жизнь от всяческих коллизий вопреки иногда весьма значительной разнице возраста.

Если вообще существует «национальный характер» (и возможно его описать), то упомянутые черты окажутся весьма существенными для характеристики эстонского народа, а вовсе не те, которые приводит П. П. Семенов-Тянь-Шанский в «Географическо-статистическом словаре Российской империи» (V, Пб., 1885, стр. 886) и которые стали популярными у русских.

Надо отметить, что «психология народов», разработанная буржуазными этнографами, настолько дискредитировала себя как наука еще в XIX и первой половине XX в., что некоторые ученые (в отличие от литераторов) и вовсе отказались от характеристики народов, хотя «национальный характер» в марксистской этнографии признается одним из четырех признаков нации. Выяснение истоков ходячих представлений о соседних народах способствует рассеиванию предрассудков и тем самым укрепляет дружбу. Этому служит и настоящий комментарий.

⁵⁴ «Черт» — *kurat* — это самое популярное эстонское ругательство. Самый образ черта, несмотря на этимологию от слова «злой» (*kurja-t*), не является исконно эстонским. Тут влияние католичества несомненно. «Религиозных» ругательств (типа «супостат») у эстонцев нет. Синоним «черта» — *vaparaagan, rapaan* («поганый») является исключением. Эстонские ругательства в основном анимальны.

⁵⁵ В оригинале — *priitnik* от русского «барышник». Кони в Прибалтике скупались для России. Поэтому корчмарь, он же и барышник, одет по-русски: в сапогах, в синем сюртуке из русского сукна. Это и вызвало любопытство хозяйки. Впрочем, в Эстонии бывали и русские торговцы, скупщики, нередко из оброчных крестьян. Этого сословия не было среди эстонцев, поэтому эстонские крестьяне не занимались торговлей. См.: Ист. Эст. ССР, I, стр. 760, 802.

Перед ярмаркой по русскому обычаю устраивались бега — смотр лошадей.

⁵⁶ Некоторые пасторы развернули по немецкому образцу клерикальное «движение трезвости» в Прибалтике еще в 30-х годах XIX в. Как всякие прочие движения даже религиозные, и это движение попало в опалу николаевских властей, предпочитавших всякому «движению» мертвый покой, опасаясь политического оборота активности масс. Позже клерикальное «движение трезвости 1836 г.» заглохло. См.: В. Эрнитс. Из истории борьбы против алкоголизма у эстов. Тарту, 1913; ср. нашу статью, стр. 88.

⁵⁷ Только в середине XIX в. Эстония постепенно примыкает к «сапожной зоне» Средней Европы. В городах эстонцы носили охотнее ботинки, а в селах паствы (поршни) на длинных ремнях с портянками или с чулками (в зависимости от времени года и места). Активными «носителями» сапожной моды были русские офицеры, студенты, а также и русские рыбаки Чудско-Псковского озера. См.: И. С. Вахрос. Наименование обуви в русском языке. Хельсинки, 1959.

⁵⁸ Брачная жизнь как залог сохранения накопленного добра — это одновременно и крестьянский и аристократический взгляд на брак. В городах, наоборот, брак считался причиной разорения. Забота о наследстве — самый убедительный аргумент для отца в пользу брака сына. С точки зрения отца-хуторянина тридцатилетний сын, не располагающий каким-либо личным состоянием, — все еще «мальчишка». Это объясняется, между прочим, не только имущественными отношениями, но и все увеличивающимся «возрастным цензом» зрелости европейцев. Конфирмация уже в XIX в. не была показателем зрелости.

⁵⁹ Мнение, что «многие», особенно «нынешние», девушки «фи-фу», традиционно; оно регулярно воскресает в каждом поколении и ни в коем случае не отражает подлинного положения в XIX в., особенно в Эстонии.

Недоверие к внешней красоте — отчасти результат длительного воздействия церкви.

Библейский тезис, что наружность обманчива, характерный для полигамического Востока, оставил глубокий след как в литературе и фольклоре, так и в искусстве и поведении многих народов Европы. Отрицательное отношение к внешней красоте не свойственно греческому, античному идеалу, чуждо Ренессансу (культ мадонны), а также аристократии эпохи барокко. В средней Европе, а также Прибалтике, где на долю женщины падало очень большое трудовое бремя, крестьяне судили о девушке обыкновенно по манере держаться, по «традиционным работам», ее чистоплотности и другим, вполне традиционным приметам, которые, впрочем, были известны и женщинам и нередко ими удачно симулировались. Главной доблестью девушки эстонцы считали прилежание в работе, основным пороком — лень.

Некоторые особенности внешности имели все же решающее значение в выборе невесты. Всякие отклонения (положение глаз, рыжий цвет волос, горб и т. п.) воспринимались как «дьявольское наваждение» и внушали суеверные опасения. Все это хорошо отразилось в крестьянском фольклоре, особенно в анекдотах. В поэзии Мантейфель придерживается аристократического взгляда на красоту, в прозе — крестьянского. (См. комментарий 35). Это противоречие наблюдается и в эстонском фольклоре.

⁶⁰ Приведенный Мантейфелем духовный стих, судя по традиционному своду хоралов, изданному в Тарту в 1906 г. (где он стоит под № 339, а не 179!), понимался как гимн чести и блаженству «сынов божьих», сочиненный Филиппом Николаи (1556—1608). Этот хорал был весьма популярен в лютеранском мире, на его мелодию распевались и другие духовные стихи. Содержание семи стихов хорала (предполагалось, что читателю текст знаком) сводится к мысли, что единственное неотъемлемое достояние христиан — их вера в спасителя.

⁶¹ О социальнo-экономических отношениях, отраженных здесь, см. статью, стр. 90.

⁶² После отмены крепостного права подобная «благодарность» за хорошее воспитание сына может, не без натяжек, быть понята как выражение высокой общественной сознательности старого графа, как и ответственности родителей перед народом. Более вероятно, что «освобождение» крестьян еще не дошло до сознания автора, который по традиции продолжал их рассматривать как своих подданных! Это ощущалось в Эстонии вплоть до отмены крепостного права в России и до продажи хуторов в частную собственность крестьян.

⁶³ О социальном значении вопроса см. статью, стр. 90.

Ханс Аккер все же опирается на свежие наблюдения, связанные с быстрым ростом населения, хотя и приводит в стиле «крестьянского» барокко старую пословицу, засвидетельствованную уже в книге Гезекена (1660).

⁶⁴ О социальном значении винокурения см. статью, стр. 91. Очень знаменательно, что Мантейфель намекает на свою осведомленность.

Крестьянин прав, мызник лучше понимает причины и следствия винокурения. Аккер продолжает, однако, говорить о винопитии. При этом он в стиле проповеди, как, впрочем, и в народном вкусе, пользуется пословицами и образами, почерпнутыми из библейских легенд (Бытие 3).

Упомянутый «плод мудрости» вызвал много богословских комментариев, пародируемых в народных анекдотах. Толкование Аккера имело предшественников и пользовалось популярностью, хотя в средневековой иконографии плод мудрости изображался обычно в виде яблока. Для Аккера, как, впрочем, и для лютеранского богословия, причиной грехопадения является не самый «плод» и даже не злой умысел Змия, а слабость воли самого человека в лице Адама и Евы. Такой подход, чрезвычайно удобный для буржуазной этики винокуров, весьма снисходителен по отношению к земным страстям человеческим. Подобное реалистическое понимание грехопадения соответствует больше католическому, нежели протестантскому, просветительскому мировоззрению, радикально избегающему на словах всяческих уступок «злу». Порицание страстей и «перезжитков грехопадения» всегда уживалось с признанием неизбежности негодного порядка вещей. См.: Ист. Эст. ССР, I, стр. 611 сл., 736 сл., 753, 825; О. Т. Иб и в с. О влиянии спиртовой промышленности на сельское хозяйство Эстонии в XVIII—XIX вв. Изв. АН ЭССР, т. VIII, 1959, № 1, стр. 41—55.

⁶⁵ Здесь автор приступает к описанию традиционной свадьбы на основе собственных наблюдений начала XIX в., что безусловно входило в первоначальные намерения Мантейффеля.

Самое раннее описание эстонского свадебного обряда см.: Adam Olearius. Vermehrte neue Beschreibung der Muscowitischen und Persischen Reyse. Schleswig, 1656 (neue Auflage: Berlin, 1959, p. 61ff.).

О характере эстонских обрядов в сравнительном плане интересующийся, не владеющий эстонским языком найдет сведения и библиографию в кн.: L. Schröder. Hochzeitsgebräuche der Ehsten. Verhandlungen der Est. Lit. Ges., XIII, Dorpat, 1888; A. W. Hupel. Topographische Nachrichten etc., I—III. Riga, 1774ff.; F. J. Wiedemann. Aus dem inneren und äusseren Leben der Ehsten. Petersburg, 1876; E. Samter. Geburt, Hochzeit und Tod. 1911; K. Wikmann. Die Einleitung der Ehe. 1937; E. Mahler. Die russischen dörflichen Hochzeitsbräuche. 1960; Ист. Эст. ССР, I, стр. 461, 827, 831—833, 839, 841; ср.: Сумцов. О свадебных обрядах, преимущественно русских. Харьков, 1881.

От этнографических отчетов современников описание, данное Мантейффелем, отличается реалистическим подходом к обрядам.

Об отдельных деталях свадебного обряда, упоминаемых в «Досуге», см. в комментариях 74—76.

Kuulamise viin переводится как «вино расслушивания», хотя это могло означать и «вино объявления», (т. е. помолвки).

Неофициальный приход свахи сопровождался угощением семьи невесты. Принятие вина — знак расположения к жениху. Нить беседы оставалась обычно в руках

свахи, а она не спешила сообщить, кто именно ее послал, стараясь сама узнать как можно больше подробностей о невесте, побольше разведать, «услышать».

⁶⁶ Крестьянин, одураченный городскими торговцами, как, впрочем, «глупый горожанин», одураченный крестьянами, — излюбленная тема народных анекдотов вплоть до XX в. Все эти рассказы показывают условность «мудрости». Всякое поведение разумно только в пределах одной социальной и географической среды. Март ведет себя внешне правильно, он «торгуется», зная, что «так надо», но невпопад. Знание обычаев не заменяет знания жизни. См.: Ист. Эст. ССР, I, стр. 619.

⁶⁷ По крестьянским представлениям, характерным для местностей вокруг больших ганзейских, «свободных» городов, горожане представляют собою нечто целое. Город и все содержащееся в нем богатство принадлежит горожанам, и каждый горожанин — купец. Поэтому Март и обращается к первому встреченному с просьбой продать ему то или другое.

Бутафорные предметы, выставленные напоказ (вывески), Март принял за продаваемый предмет, подобно тому как дети иногда просят продать им именно тот крендель, что висит над пекарней.

Впрочем, и мать (по воле автора-юмориста) считает «золотые сапоги» вполне возможным товаром. О типических торговых знаках и вывесках см.: Н. K ü r t h. Auf Wanderschaft nach alter Handwerkskunst. 1957.

Топография и названия улиц описываемого здесь города соответствуют Таллину. На улице Нигулисте (Кирхи св. Николая) действительно висел над входом к «сапожных дел мастеру» позолоченный деревянный сапог. Это вполне обычная в Прибалтике вывеска. В настоящее время многие традиционные вывески в Таллине восстанавливаются, между тем как еще недавно они считались «некрасивыми».

⁶⁸ Ношение покупок под мышкой или в длинном мешке (Quersack) на шею (из опасения кражи оба конца поддерживались спереди руками) — народный прием, имеющий свою географию и историю. Об украшениях для невесты и их стоимости см.: Ист. Эст. ССР, I, стр. 837, 839, 841, 846.

⁶⁹ Kuidas käsi käib — буквально «как идет рука», — распространенная эстонская формула «вопроса вежливости», сразу после «terel!» (здрасьте!). Тарвель отвечает каламбуром. Народные шутки нередко возникают из нарочито буквального, этимологического толкования оборотов переносного смысла. Ср.: тип АаАн *2014 II, *2080 (см. комментарий 90). Такой «этимологический» юмор распространен в зонах развитого многоязычия.

⁷⁰ В Эстонии эта работа (как и ткацкое дело) считалась сугубо женской, стало быть, унижительной для мужского достоинства. В южной Германии — наоборот. Переходная зона лежит в Польше. В историческом разрезе отношение пола к определенным работам осталось без изменений.

⁷¹ В северной Эстонии издавна были огорожены не только дворы, но и поля, чтобы уберечь их от скота и зверей, а также ввиду образовавшейся со временем чересполосицы. Забота об изгороди вменялась в обязанность крестьянам. Сжигание изгородей строго запрещалось, как, впрочем, и продажа соломой, необходимой для удобрения поля. Нарушение этих постановлений могло повлечь за собой и принудительное выселение арендаторов земли. Дом же, как имущество выселяемого, продавался по дешевке с аукциона.

⁷² Как у многих народов, роль настоящего отца в обрядах незначительна. Посаженный отец замещает, как показали исследования, не отца, а «предка». Впрочем, эстонские обряды, в частности свадебные, многослойны. Они уже повсеместно угадны, и едва ли их смысл может быть с точностью восстановлен. Беседа стариков традиционна, являясь (как застольные беседы вообще) частью нового обряда.

⁷³ Красная нить или ленточка, по поверьям, оберегают младенца от действия «дурного глаза» (сглаза).

⁷⁴ Посещение невесты посаженным отцом соответствует более древним «поискам невесты», которые здесь изображались как поиски утерянной птички. Невесту-птичку сначала прятали, затем подменяли ряжеными женщинами. Это весьма распространенный у многих европейских народов свадебный обряд. Гипотеза, согласно которой

прятание невесты восходит (в Европе) к подлинному похищению невесты, большинством народоведов не разделяется ныне. (Но эту гипотезу успели усвоить из популярных книг по этнографии даже сказители). Венчание кольцами, как и вообще весь свадебный обряд, еще в середине XIX в. (как в Германии, так и в Прибалтике) проходило вне церкви. О состоявшемся бракосочетании лютеранский приход оповещался с амвона. Предварительным условием оповещения (а в какой-то мере церковно-гражданской санкцией) брака бывал небольшой экзамен в чтении, разумеется, когда конфирмация проходила в другом приходе или настолько давно, что могли быть опасения, не разучились ли жених и невеста читать, а также в случае, когда пастор, выполнявший и функции чиновника гражданского состояния, был новичком и не знал своей паствы.

Знание элементарной грамоты как предварительное условие допуска к бракосочетанию было по лютеранскому образцу узаконено Петром I и для русского дворянства вопреки обычаям православия, для которого (как и для католиков) бракосочетание является «тайнством», действенным, как известно, и при невежестве. (См. комментарий 8). См. также: Н. Bächtold-Stäubli. Die Gebräuche bei Verlobung und Hochzeit. 1914.

⁷⁵ Во втором издании книги этот эпизод был восполнен автором, желавшим, видимо, пристроить и стихотворение «Слушай, слушай же, луна». Описание обряда от этого выиграло.

⁷⁶ Пестрые чулки и варежки, шерсть для которых невеста собирала у родных, являлись традиционным подарком невесты; ее извинения здесь неосновательны. См.: L. Saks. Mulgi kirikindad ja kirisukad. 1960, pp. 7—9.

⁷⁷ Хотя и у эстов (как и у некоторых других народов) у крестьян принято «ночное посещение» девушек юношами (ehal käimine) формально «в тайне» от родителей девушки, отношения помолвленных отличались нарочитой воздержностью. Леену, считаясь членом семьи, сопровождала Марта, вероятно, из соображений соблюдения нравственности. Требовательность, предьявляемая здесь автором к целомудрию невесты, сословна, аристократична, она не может рассматриваться как немецкое влияние, ибо немецкие крестьяне тоже знали этот обычай (Gaßbrauch). Virgo intacta не было идеалом эстонцев. Восточный культ непорочности вопреки литературе так и не привнесся к цивилизованным европейским народам. Подробную библиографию см.: I. Peter. Gaßbrauch und Gaßspruch. 1953.

⁷⁸ Переход невесты из одной семьи в другую, «мужнину», а конкретно прибытие брачного поезда, изображался как акт насилия (см. комментарий 74). И другие имущественные взаимоотношения оформлялись, юридически, жестами насилия.

Въезд в новый дом был обставлен магическими обрядами, смысл которых сводился к ограждению молодых от злых духов и враждебных сил. Стрельба, да и вообще всяческий шум, согласно поверьям, отраженным и в других обрядах, прогоняла врагов. Той же цели служило и знамение креста мечом. Упоминание ангелов, как и другие детали (если они достоверны), свидетельствуют о католическом времени происхождения этих обрядов: меч — атрибут, восходящий к рыцарскому времени. (У русских Обозерья свадьба также разыгрывалась как бы в княжеской обстановке). Ср.: Ист. Эст. ССР, I, стр. 831—833.

⁷⁹ О креслах для невест см.: K. Rumpf. Hessische Brautstühle. Volkswerk, 1942. В Эстонии таковых не было. Одевание чепца и передника символизирует переход от состояния «девиц» к состоянию «молодух». При этом приговаривали: «Забудь про сон, люби мужа, держи чепец в памяти!». Ср.: P. Lung. Die magische Bedeutung der weiblichen Kopfbedeckung im schwedischen Volksglauben. Mitt. der anth. Ges., Wien, 50, 1920; Ист. Эст. ССР, I, стр. 832.

Объяснение «битья» здесь рационалистически переосмыслено. «Битье» связано с обрядами, поощряющими плодородие. Унижение женщины не свойственно эстонским обрядам. Подробнее см.: S. Kube. Der Schlag mit der Lebensrute. Diss. Leipzig, 1942.

⁸⁰ Свадебный обряд вопреки запретам мызников длился 3—6 дней.

Приглашение гостей поручалось нарядному одетому «слуге», собственно дружке. «Полный короб» намекает на щедрость угощения, что само по себе магически способ-

стует богатству новой семьи. Кроме того, это напоминало гостям о подарках для молодых. Подарки должны были быть щедрыми, т. е. способными дать приплод. Формула приглашения старинная, стихотворная.

Угощение не должно было (из магических соображений) иссякать. Поэтому гости расходились, хотя (и когда!) была подана на стол полная миска щей. Многие из этих обрядов, изменив первоначальный смысл и нося скорее характер забавы, сохранились до сих пор. Ныне стало почти обрядом вспоминать о «прежних обрядах». Воспоминания поощряются и массовой собирательской и просветительской деятельностью фольклористов. См.: Ист. Эст. ССР, I, стр. 831, 833.

⁸¹ Имеется в виду характерная для прибалтийских крестьян серебряная брошь с богатым орнаментом. В XIX в. она служила почти только украшением. См.: Ист. Эст. ССР, I, стр. 839—841; Эстонская народная одежда XIX и начала XX века. Таллин, 1960; V. Kuzel. Das Buch vom Schmuck. 1963; H. Mützel. Vom Lendenschurz zur Modetracht. 1925, pp. 206—227.

⁸² Объяснение, вероятно, рационалистически переосмыслено. Хозяйка, по старинным обычаям, перед смертью общалась не с мужчинами, а с женщинами дома. В смертный час жены муж не присутствовал. В некоторых районах Европы это распространялось и на сына. Степень народности этих обычаев в Эстонии неясна. Ср.: И. Спрогис. Похоронный обряд у латышей в 40-х годах. Живая старина, I, 3, отд. V; K. Meuli. Entstehung und Sinn der Trauerritten. Schweiz. Archiv f. Volkskunde, 1946; K. Fröhlich. Germanisches Totenrecht und Totenbrauchtum im Spiegel neuerer Forschung. Hess. Bl., 43, 1952.

⁸³ Смерть как «спасение» и «милость божья» — восточные представления, воспринятые христианством. Они внедрялись церковью, опираясь на I Кор. 15, 55, где апостол Павел пытался изобразить человеческое бессилие, проявляемое перед лицом неминуемой смерти, как акт силы и победы. Эта идея легла в основу христианского благочестия, нередко сводимого богословами лишь к новому отношению к смерти.

⁸⁴ Фраза переводчику неясна, она может означать: «уже не долго буду тебя видеть» или «не скоро мы свидимся» (на том свете?!). Как посторонний мужчина, не являвшийся ни сыном, ни мужем, Тарвель мог, вероятно, оставаться при умирающей, тогда как «муж вышел во двор». Не исключено, что присутствие Тарвеля как резонера удобнее было автору. (См. комментарий 82).

⁸⁵ Степень народности этих рассуждений неясна.

Противопоставление плоти (ihu, keha) чему-то «иному» (духу — vaim, имеющему, однако, вид плоти) не является ни первобытной, ни крестьянской чертой мировоззрения. Строгое разграничение души (hing) и духа (vaim) не соответствовало народным представлениям эстонцев, насколько можно судить по материалам, собранным в XIX в. (в 1605 г. Мюллеру, например, отличие души от духа еще было неясно, ср. стр. 53).

Триада плоть—душа—дух, вытекающая из рассуждений, вложенных в уста Тарвеля, совершенно основательно непонятна старой хозяйке. Видимо, это гипотетически более древнее представление опирается здесь на позднее рационалистическое богословие XVIII в., более доступное Мантейфелю, нежели древнеэстонское мировоззрение. К сожалению, исследователи народного мировоззрения (О. Лооритс и др.) уделяли главное внимание архаическому представлению эстонцев о душе и плоти, хотя прежде всего следовало изучить те слои народного мировоззрения, которые отложились значительно позже и потому имеют для филологии и народного воспитания более актуальное значение. См.: W. Boette. Religiöse Volkskunde. 1925, p. 34ff.; H. Schmalenbach. Die Entwicklung des Seelenbegriffes. Logos. XVI, 1937, p. 311ff.; O. Loorits. Grundzüge des estnischen Volksglaubens, II. 1951; важную критику см.: W.—E. Peuckert. in: Zs. f. Volkskunde 55 (1959), p. 302; I. Paulson. Die primitiven Seelenvorstellungen der nordeurasischen Völker. 1958; L. Honko. Geisterglaube in Ingermanland, I. FFC 185, 1962.

⁸⁶ Имеется в виду лютеранское учение об извечности духа, восходящее еще к античному мировоззрению. См. E. Bloch. Das Prinzip Hoffnung. 2 Bde 1959; E. Brunner. Dogmatik. 3 Bde 1960.

⁸⁷ Дух как носитель разума, также общность духа при разности плоти — это философские представления античной Греции (Платон), вошедшие в христианское богословие. Дух как обитель памяти — излюбленная идея философии, оказавшая влияние на богословов-рационалистов XVIII в. и на просветителей вроде Мантейффеля; через проповедь эти идеи проникали и в народный обиход и могли дойти даже до эстонского батрака Тарвеля.

Значение предсмертного часа для «вечной жизни» рассматривалось еще стоиками и, наконец, в лютеранском богословии. При распространении понятия «предсмертный час» на всю жизнь выводилась вся практическая мораль пиегизма. Очень характерно для «Досуга», что ни старая хозяйка, ни сам Тарвель не удовлетворены богословским учением. Они понимают смерть по-крестьянски, как блаженный отдых. Добрые люди и «там», на том свете, добры, а злые и «там» злы. Последнее, в сущности, не оставляет места ни чистилищу, ни аду, ни, стало быть, погашению грехов смертью.

То ли в свое утешение, то ли по следам Ф. Бэкона («Опыты», изд. наст. серии, 1954, стр. 40), или в духе Жан-Поля [Рихтера] Мантейффель изображает смерть по-крестьянски легкой и приятной. О литературе *Ars moriendi* см.: E. Döring-Hirsch. *Tod und Jenseits im Spätmittelalter*. 1925, p. 50—55; K. Rahner. *Zur Theologie des Todes*. 1958; H. Thielcke. *Tod und Leben*. 1946.

⁸⁸ Умиравших обыкновенно клали на солому, прямо на землю. Иногда солому настлали на лестницу и таким образом выносили затем труп в клеть. Похороны устраивались на третий день.

После смерти в доме открывались окна и двери настежь. Все, что случалось в момент смерти, как, впрочем, незадолго до смерти и после нее, толковалось как примета. Так толкует Тарвель сияние утренней звезды, являвшейся уже тогда религиозным символом «надежды», разумеется, на «воскрешение мертвых». Ср. хорал стр. 30.

⁸⁹ По феодальному обычаю, музыканта оповещали о смерти крепостного. Обычай, видимо, сохранился и после отмены крепостного права. Сочинение специального песнопения или проповеди — знак особого уважения к усопшему. Еще в XX в. такие песнопения (со всей литургией) печатались в типографиях на листках и рассылались в качестве приглашения принять участие в похоронах. Здесь сам владелец мызы выступает как сочинитель зауспокойной песни для крестьянки. Это явление единичное, идеальное (см. статью стр. 78). Обычно этим занимались сельские учителя, причетники, пасторы. Показательно, что даже в похоронах пастор не участвует. Клерикализация эстонских обрядов относится к концу XIX в. и началу XX в., когда появилось духовенство из эстонской среды, охотно приходившее в крестьянские дома, но именно это и способствовало подрыву авторитета пасторского сословия. См.: R. Hadwich. *Totenslieder und Grabreden*, 1926.

⁹⁰ Здесь и во всех комментариях:

Сюжеты обозначаются соответствующим индексом с номером: A. Aarne, *St. Thompson. The Types of the Folk-Tale*. FFC 184, 1962 — AaTh, (Aa), или по Н. П. Андрееву: Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне, Л., 1929 — AaAn.

Мотивы приводятся по международному индексу: St. Thompson. *Motif-Index of Folk-Literature*, ed. 2, 1955 — Mot. Эзон приводится по изданию: K. Halm, *Aisõpeioñ Mythõn Synagõgõ*. Lipsiae 1852 — Halm. Стендер и Виллманн — см. статью стр. 85—87.

На сборник И. А. Крылова дается ссылка по изданию настоящей серии: И. А. Крылов. *Басни*, изд. подгот. А. П. Могилянский. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956.

Для ориентации читателя относительно источников басен Мантейффеля этих ссылок достаточно.

⁹¹ 1-я басня: Mot. K 334.1 = Aa 57. См.: Martin Luthers Fabeln, ed. Steinberg. Halle, 1961, № 16 (8), к которой басня Мантейффеля подходит довольно близко. Ср.: Stender, 25; Willmann ed. 3, 21.

В так называемой традиции Эзопа у вороны в клюве обычно кусочек сыру (ср.: И. А. Крылов. *Басни*. стр. 7, 318). Мясо, причем ядовитое, упомянуто в версии Лессинга, однако во всех остальных деталях басня Мантейффеля не связана с версией Лессинга. Ср.: Liungman. *Die schwedischen Volksmärchen*. Berlin, 1961, AaTh 57.

⁹² 2-я басня является, вероятно, самостоятельным вариантом третьей.

⁹³ 3-я басня соответствует: И. А. Крылов, Басни, стр. 52. Сюжет у Мантейффеля развигается, вероятно, самостятельно, и под конец Муравей жалует Стрекозу-позта за хорошее пение, которое приносит радость, а стрекоза благодарит за нравовчение.

Ханс Лист, т. е. Ханс, проживающий на листе (фамилия по хутору). Ср. Halm 401; Stender 19; Willmann ed. 3, 9.

⁹⁴ 4-я басня: Mot. J 1791.4 — ср. Aa 34. Сюжет встречается ныне как сказка о животных, например, в кн.: Сто сказок удмуртского народа. Ижевск, 1960, стр. 93, № 37.

Сюжет восходит к традиции Эзопа (Halm, 233). См.: Martin Luthers Fabeln, ed Steinberg, № 5, pp. 5, 17; Stainhöwel. Äsop, ibid., p. 39f.; Waldis. Esopus, ibid., p. 42, — где мораль приурочена к купечеству (у Мантейффеля к крестьянству). Ср.: Stender 4. Willmann ed. 3, 17. Ср.: Liungman. Die schwedischen Volksmärchen, AaTh 34.

Судя по морали, обращенной к эстонским читателям, басня была написана уже после отмены крепостного права, когда начались массовые поиски более выгодных арендных хуторов. Трудно сказать, чего здесь больше: сословной консервативности или жизненной мудрости. Эстонского крестьянина нигде добро не ждало. Даже любовь к своему краю не смогла в 40—50-х годах XIX в. и позже удержать многих от переселения в плодородные окраины России.

⁹⁵ 5-я басня: Mot. Q 263. Halm 353.

⁹⁶ Загадка. Об эстонских загадках см.: Eesti rahvaluule ülevaade, 1959, pp. 449—457; A. Taulo. A bibliography of riddles, 1939.

⁹⁷ 6-я басня. От традиционного названия персонажа Полевая Мышь пришлось отказаться, так как у Мантейффеля этот персонаж выступает как жених, что предполагает наличие грамматического мужского рода. Переводчик взял синоним Житничек, считая его удачным и по существу. Кроме персонажа и общего мотива хождения в гости, фабула Мантейффеля не имеет ничего общего с международной басней (AaAn 112). Под его пером получилась, пожалуй, сатира нравов, причем не крестьянских, а скорее мещанских. (См. комментарий 53).

⁹⁸ Эта педагогическая идея уже высказывалась автором на страницах «Досуга». Она противоположна библейско-церковному мнению о дурной природе человека, о последствиях грехопадения и т. п.

Советская педагогика, кстати, придерживается того же мнения, что Мантейфель (а до него, например, Руссо).

Эстонский народ считал естественным сокращение рождаемости, когда доходы семьи кажутся недостаточными. А так как доходы крестьян были и всегда казались недостаточными, то разумное ограничение рождаемости вошло в обычай. Трудовое воспитание и уровень образования народа от этого не пострадали.

⁹⁹ Представление о «несчастливых днях» было распространено и у эстонцев. Это имело значение для всякого начинания, особенно для такого важного события, как свадьба. Ср.: Ист. Эст. ССР, I, ср. 827. О четверге как о счастливом дне для свадьбы см. Е. Н. Меег. Deutsche Volkskunde. 1921, p. 174.

¹⁰⁰ «Старшина» — это титул, означавший, по понятиям времени, начальство, что давало и внеэкономические права.

Отдавая свою работу русскому читателю, переводчик повторяет от себя посвящение автору.

ЛИТЕРАТУРА

(Кроме цитируемой в тексте)

О П. МАНТЕЙФФЕЛЕ И ЕГО «ДОСУГЕ»

- A. Ahlqvist. Viron nykyisemmästä kirjallisuudesta. Helsinki, 1856.
- G. Suits. Die estnische Literatur. In: Die Kultur der Gegenwart, hg. P. Hinneberg, Teil I, Abt. IX. Die osteuropäischen Literaturen, Berlin, 1908, pp. 333—353.
- M. Kammann. Eesti kirjandusloo peajooned. Ed. 3 — Tallinn, 1924.
- Eesti Biograafiline Leksikon, Tartu, 1926—1929; Täiendusköide, 1940.
- A. Thomson. Peeter krahv Manteuffel. «Eesti Kirjandus», 1929, pp. 260—264.
- P. Z. von Manteuffel. Pilte krahv Peeter Manteuffeli (1768—1842) ja ta aja elust. Eesti Kirjandus, 1936, № 10.
- A. Annist. Meie valgustusaja kirjandus ja krahv Manteuffel. Looming, 1938, №№ 9, 10.
- P. Manteuffel. Ajawiide Peeru Walgusel. Tartu, 1939 (ed 3, A. Annist), pp. 107—110.
- G. Suits. 100 aastat krahv Peeter Manteuffeli surmast ja sulest. Postimees, 1942, № 110 (9.5.42).
- E. Laugaste. Eesti rahvaluuleteaduse ajalugu. Tartu, 1961, pp. 96, 80.

ОБЩЕЕ

- J. W. Boecler. Der Ehsten abergläubische Gebräuche etc. Petersburg, 1854.
- F. J. Wiedemann. Aus dem inneren und äusseren Leben der Ehsten. Petersburg, 1876.
- R. Antik. Eesti raamat/Das estnische Buch. Tartu, 1936.
- Я. Зутис. Остзейский вопрос. . ., Рига, 1946.
- БСЭ, изд. 2-е, т. 49, стр. 202, 217.
- Abriß der estnischen Volkskunde. Tallinn, 1964.
-
-

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	Стр.
1. Портрет Петера Мантейфеля [Масло. Работа неизвестного художника. Оригинал затерян]	4—5
2. Барщинники возле корчмы, отправляясь в воскресенье вечером на мызу [Акварель неизвестного художника, ок. 1813 г.]	16—17
3. Гельхаар/Шлатер. Качели	18—19
4. Гельхаар/Шлатер. Толока на мызе	18—19
5. Гельхаар/Шлатер. Конная ярмарка	28—29
6. Гельхаар/Шлатер. Городской рынок [в Таллине]	28—29
7. Гельхаар/Шлатер. Волынщик [в корчме]	32—33
8. Гельхаар/Шлатер. Покрывание головы невесты чепцом [свадебный обряд в крестьянском доме]	32—33

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие <i>А. Аннист, И. Левин</i>	5
ДОСУГ ПРИ СВЕТЕ ЛУЧИНЫ. <i>Перевод И. Левина</i>	7
БАСНИ. <i>Перевод И. Левина</i>	42

ПРИЛОЖЕНИЯ

Старинная эстонская словесность и «Досуг при свете лучины» П. Мантейфеля. <i>А. Аннист, И. Левин</i>	48
---	----

Историческая перспектива (48). — Немецкое меньшинство в Эстонии (49). — Эстонский язык — это язык Эстонии (50). Из истории ранней эстонской письменности (52). — Реформация и первопечатные книги (52). — XVII век (53). — Значение письменности XVII в. (55). — XVIII век (56). — Библия (57). — XIX век (58). Старинная беллетристика на эстонском языке (59). — Просвещение (59). — Основные черты просветительской литературы в Эстонии (61). Беллетристика XVIII в. (63). — Беллетристика XIX в. (69). «Неистовый граф» и его досуг (70). — Образ жизни остзейского графа (71). — «Свежо предание . . .» (72). — Ранние сочинения Мантейфеля (75). — Песни Мантейфеля и их распространение в народе (77). — Пути перехода поэзии в народ (78). — Стиль старинной и новой народных песен (79). — Мантейфель и фольклор (80). — Фольклор и литература (83). — Мантейфель-баснописец (84). — Творческая история «Досуга», композиция и образы (87). — Критерии датировки (87). — «Досуг» и его время (88). — Значительность темы (91). — Реализм (94). — Образ батрака (95). — Остальные образы (96). — Композиция (97). — Скелет (97). — Изобразительные средства, идейное содержание и стиль «Досуга» (100). — Речь (100). — Природа (100). — Интерьер (100). — Стиль и язык (102). — Драматизм «Досуга» (103). — Мантейфель-юморист (103). «Досуг» в истории и критике литературы (104). — «Habent sua fata libelli» (107). — Ценность памятника (108).

Народоведческий комментарий. <i>И. Левин</i>	109
Литература	127
Список иллюстраций	128

ПЕТЕР МАНТЕЙФЕЛЬ
Досуг при свете лучины

*Утверждено к печати
Редколлекцией серии «Литературные памятники»
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Е. А. Гольдич*
Художник *С. Н. Тарасов*
Технический редактор *М. Н. Кондратьева*
Корректоры *Н. В. Лихарева* и *Н. М. Шилова*

Сдано в набор 28/V 1964 г. Подписано к печати
27/IX 1964 г. РИСО АН СССР № 5—222В. Формат
бумаги 70×90^{1/16}. Бум. л. 4^{1/8}. Печ. л. 8^{1/4}=9,65 усл.
печ. л. + 5 вкл. Уч.-изд. л. 9,3 + 5 вкл. (0,35).
Изд. № 2377. Тип. зак. № 788. Тираж 4400.
ТП 1964 г. № 419. Цена 79 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д 1

1-я тип. издательства «Наука»
Ленинград, В-34 9 линия, д. 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“

Имеются в продаже книги из серии

„ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ“

Айни Садриддин. Воспоминания. 1960. 1087 стр.
Цена 3 р. 80 к.

Выдающийся таджикский писатель красочно и образно рассказывает о своем детстве и юности.

Вяземский П. А. Записные книжки. 1813—1848 гг.
1963. 507 стр. Цена 2 р. 36 к.

„Записки“ поэта Вяземского, друга Пушкина и декабристов, отличаются богатством мыслей, поразительной широтой интересов автора, глубиной и остротой наблюдений.

Длугош Ян. Грюнвальдская битва. 1962. 214 стр.
Цена 1 р. 20 к.

Это сочинение знаменитого польского историка дает самое яркое описание великой битвы и ее предыстории.

Кохановский Ян. Избранные произведения. 1960.
370 стр. Цена 1 р. 22 к.

В книгу вошли лучшие произведения великого польского поэта эпохи Возрождения.

Песнь о Сиде. 1959. 256 стр. Цена 96 к.

Величайший героический эпос испанского народа.

Полярная звезда. (Альманах А. Бестужева и К. Рылеева).
1960. 1014 стр. Цена 3 р. 30 к.

Феокрит. Моск. Бион. Идиллии и эпиграммы. 1958.
324 стр. Цена 60 к.

В книгу включены произведения лучших буколических поэтов Древней Греции.

Эпос о Гильгамеше. 1961. 214 стр. Цена 97 к.

Эпос в причудливо фантастической форме отразил древнейшие верования и обычаи вавилонян и других народов Двуречья.

Эпос сербского народа. 1963. 354 стр. Цена 1 р. 50 к.

ВАШИ ЗАКАЗЫ НА КНИГИ НАПРАВЛЯЙТЕ ПО АДРЕСУ:

*Москва, К-12, Б. Черкасский пер., 2/10,
Контора „Академкнига“, отдел „Книга—почтой“;
Ленинград, Д-120, Литейный пр., 57,
Ленотделение „Академкнига“, отдел „Книга—почтой“
или в ближайший магазин „Академкнига“*

Адреса магазинов „Академкнига“: Москва, ул. Горького, 6 (магазин № 1); ул. Вавилова, 55/5 (магазин № 2); Ленинград, Литейный пр., 57; Свердловск, ул. Белинского, 71в; Новосибирск, Красный пр., 51; Киев, ул. Ленина, 42; Харьков, Уфимский пер., 4/б; Алма-Ата, ул. Фурманова, 129; Баку, ул. Джапаридзе, 13.

ЗАКАЗЫ НА КНИГИ ВЫПОЛНЯЮТСЯ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ

75x100